

В круге втором

Откровения

первой жены

Солженицына

«Если мужья сидят в тюрьме, то вернее всего — изменять им, тогда после выхода они будут нас ценить».

*Солженицын А. И.,
«В круге первом», стр. 264–265, М., Голос, 1994 г.*

**Слова и дела
Солженицына**

Наталья Решетовская

В круге втором

Откровения
первой жены
Солженицына

***

Москва
«Алгоритм»
2006

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Р 47

В оформлении переплета использовано
фото из архива *Решетовской Н.А.*

Решетовская Н.А.

Р 47 В круге втором. Откровения первой жены Солженицына. — М.:
Изд-во Алгоритм, 2006. — 256 с.: ил.

ISBN 5-9265-0226-8

В знаменитом романе А.И. Солженицына «В круге первом» все имена вымышлены. Его первая жена Н.А. Решетовская в своей посмертной книге «рассекретила» тех немногих эзковских женщин, которые удостоились стать героинями этого произведения, а скупость автора в раскрытии образов своих героинь пусть остается на его совести. Наталья Алексеевна Решетовская — автор шести мемуарных книг о своем муже и трагичном XX столетии. Именно она была не только первой избранницей мастера, но его истинной музой. За 25 лет тихой семейной жизни со своей «Джеммочкой» (как ласково называл Александр Исаевич любимую супругу) им были созданы все его знаменитые произведения, которые принесли ему всемирную славу. Всю свою жизнь Н.А. Решетовская была и самым страстным защитником писателя, и его самым взыскательным критиком, о чем свидетельствует их драматичная переписка.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-9265-0226-8

© Решетовская Н.А., 2006
© ООО «Алгоритм-Книга», 2006

«Любовь-калека» — так назвал взаимно отношения ээков и их жен писатель Жорж Нива в своей книге «Солженицын».

В мае 1968 года на нашей даче три женщины печатали на машинке окончательный вариант «Архипелага ГУЛАГ» Солженицына. Две из них (в их числе и я) по вечерам считывали напечатанное за день. Когда последняя точка была поставлена, у меня невольно возник вопрос к Александру Исаевичу: «А почему ты не написал о том, что получал передачи, посылки, не написал о женах, находившихся по другую сторону колючей проволоки, делавших все от них зависящее, чтобы облегчить судьбу своих любимых?»

— А зачем? Об этом я написал в «Круге».

— Но ведь «Круг» — художественное произведение. Там может быть и правда, и вымысел. Ставя литературный памятник ээкам, почему ты не поставил рядом пусть маленький, но тоже памятник женщинам — женам и матерям, облегчавшим вашу лагерную жизнь?

Ответа на этот вопрос получено не было.

С 1973 года «Архипелаг ГУЛАГ» претерпел немало изданий за рубежом и наконец-то начал издаваться на Родине. В вермонтский период он доработан автором, исправлен и дополнен. Но ни в одном из вариантов женская тема, насколько мне известно, так и не зазвучала.

В связи с этим беру на себя смелость сделать попытку дописать за автора ненаписанную им главу. Ведь ее так не достает там.

Только как это сделать? В «Архипелаге» почти все персонажи выведены под своими истинными именами. А в романе «В круге первом» все имена вымышлены, давайте же рассекретим тех немногих эзковских жен, которые удостоились стать героинями романа «В круге первом». Может, не для всех подходит слово «героиня», ведь некоторые вскользь упомянуты автором, зато они были настоящим героинями в нелегкой действительности тех лет. А скупость автора в раскрытии их образов пусть останется на его совести.

Возможно, эту главу в свое время Солженицын написал бы сам. Но в разгар работы над «Архипелагом» на Александра Исаевича обрушился сильнейший удар. Органы ГБ нагрянули с обыском к Вениамину Львовичу Теушу и обнаружили в числе других рукописей и пьесу Солженицына «Пир победителей», которую сам автор считал антисоветской. Жизнь превратилась в сплошную тревогу. В любой момент могли нагрянуть к нему домой или на дачу с таким же обыском и даже арестом. Работа над «Архипелагом» в Рязани была абсолютно невозможной. В его жизнь вошло «укровище», место которого теперь известно. Это Эстония, недалеко от Тарту.

Александр Исаевич воспользовался не всем богатством накопленного материала. Он увлекся воспоминаниями других эзков и совсем упустил возможность заново погрузиться в свою собственную лагерную жизнь, для этого надо было бы заново перечитать свои лагерные письма: тете Вероне — принесшей ему первые передачи в Бутырки, мне, моей маме, моим ростовским тетям — поддерживавшим все самые его тяжелые лагерные годы посылками. Возможно, он сделал это умышленно: не все стороны

своей зэковской жизни ему хотелось оглашать. Этому есть подтверждения. Умолчание о подробностях следствия — одно из них.

Вспоминается осень 1963 года. Напечатан «Один день Ивана Денисовича», «Матренин двор», «Случай на станции Кречетовка», «Для пользы дела». Пока еще верится в хрущевскую оттепель. Не попытаться ли заинтересовать Твардовского романом «В круге первом», написанным задолго до рассказов? Но предложить сразу весь роман — боязно. С чего же начать? Может быть с женской темы?.. Да, пожалуй, с нее.

Намерение Александра Исаевича написать о женах заключенных подогревалось и письмами бывших зэков. А. И. Лиленков из Арзамаса: «Надо писать о русских женщинах, о которых писал Некрасов, они были и есть в нашей эпохе. Они ездили в Москву с ходатайствами, добивались свиданий с мужьями в лагерях и ехали с мужьями в ссылку». Или А.И. Формачев из Риги: «Вот перед кем в неотложном долгу все писатели, это перед женами, такими, как Ваша, как моя и тысячи других. Им надо памятник — в слове, в мраморе, в музыке!»

Александр Исаевич останавливает свой выбор на главах: «Изменяй мне!», «Красиво сказать — в гайгу!», «Свидание», «Еще одно».

У меня как раз свободные дни, которые я провожу в Солотче под Рязанью. Главы печатаем по очереди. Весь комплект получает название «Отрывок». Когда все готово, Александр Исаевич пишет Твардовскому: «...предлагаю Вашему вниманию вот этот «ОТРЫВОК» (или четыре последовательные главы) из романа, потому что он вполне связан и внутренне закончен.(...)»

Правда, предлагая «ОТРЫВОК», я не могу взять на себя перед журналом обязательства о каком-либо кон-

кретном сроке представления всего романа. Но, думаю, что это пока не требуется.

«Женская тема», которой посвящен этот отрывок, тяготеет над моей совестью, я считаю ее для себя одним из главных своих *долгов*. Мне кажется важным и возможным, чтобы это было напечатано теперь. По-моему, момент вполне назревший. Бесконечно молчать об этом тоже нельзя».

Пройдет время и многое, что Солженицын назвал «женской темой», будет извлечено из разных архивов. По состоянию зрения я не могу пользоваться никакими архивами, кроме собственного. А в моем сохранилось 172 тюремно-лагерных письма и 13 открыток Александра Исаевича.

Мои переживания как жены начались с того, что в марте 1945 года неожиданно вернулось посланное на фронт мое письмо мужу с пометкой: «адресат выбыл». Полетели запросы в часть, ведь я там год назад побывала и многих знала лично, В ответ — молчание. И вдруг, в июне, звонок из Москвы, голос тети Верони: «Я отнесла ему сегодня передачу ...» Эта фраза сказала мне все. Мое состояние как нельзя точно передано в «Круге». Сначала были слезы. Но потом: «Близкие не все могли ее понять: она узнала, что муж в тюрьме — и осветилась, повеселела. Какое счастье, что не 25 и не 15! Только из могилы не приходят, а с каторги возвращаются! В новом положении была даже новая романтическая высота, возвышавшая их прежнюю рядовую студенческую женитьбу.

Теперь, когда не было смерти, когда не было и страшной внутренней измены, а только была петля на шее — новые силы прихлынули к Наде. Он был в Москве — значит, надо было ехать в Москву и спасти его! (Представлялось так, что достаточно оказаться рядом, и уже можно будет спасти)»¹.

---

¹ Солженицын А. В кругу первом. М., Голос, 1994. Гл. 38. С. 257.

Мигом собралась, оформила документы, полетела в Москву. Задушевные разговоры с тетей Вероней. Выработываем план действий. Хлопотать о Сане можно только в Москве, значит надо перевестись в московскую аспирантуру. На Кузнецком, 24, нужно узнать, вынесен ли уже приговор по Саниному делу. Решено, что следующую передачу в Бутырки отнесу я. Продумываем все до мелочей, даже печенье выбрала не какое-нибудь, а с надписью «Привет», ведь записки не принимались. И еще вложила лоскутики того золотистого платья, в котором была с Саней в загсе.

Трамваем от Белорусского вокзала по Лесной улице доехала до Новослободской. Я впервые в жизни увидела тюремную стену Бутырок. Это была огромная, в четыре человеческих роста, протянувшаяся на целый квартал красная кирпичная громада, я остановилась перед ней и почувствовала себя такой маленькой, хрупкой и беззащитной. С угла был вход для принесших передачи. Встала в очередь таких же, как я. Вспоминаются в эти минуты строки Анны Ахматовой:

И я молюсь не о себе одной.
А обо всех, кто там стоял со мной
И в лютый холод, и в июльский зной
Под красною ослепшею стеной.

«Такая стена — позор для Москвы!» — восклицает Василий Ажаев в своем романе «Вагон». В 50-х он видел, как ее сносили. «Много людей собралось. Запрудили всю Новослободскую. Люди толкались, шумели, вслух вспоминали, ругались, плакали, смеялись. Бутырки, Бутырки! Проклятый дом. Не сосчитать всех его жильцов. Сколько людей не вернулось, Боже мой!..»

Я тоже видела это из окна автобуса, проезжая мимо. Спешила куда-то, не было времени выйти, задержаться, постоять, насладиться таким зрелищем.

С аспирантурой — целая эпопея, месяц ушел на перевод из РГУ в МГУ.

Точнее, чем в «Круге», не скажешь: «Это была та нравственная вершина жизни, когда какие-то добрые силы помогают нам, и все нам удается. Высшая аспирантура страны приняла безвестную провинциалочку без имени, без денег, без связей, без телефонного звонка...»¹

А вот как автор «Круга» написал в письме ко мне об этом 28 августа 1945 года:

«На меня сильно подействовало сообщение Вероники Николаевны о том, что ты переводишься в аспирантуру в Москву. Этот вопрос уже решен? Препятствий не предвидится больше? Миленькая, хорошая моя девочка, неужели я смогу в сентябре (ведь начало занятий с первого октября?) сжать в своих руках тебя, свет и прелесть моей жизни? Как я благодарю тогда судьбу, что меня не отослали никуда далеко! Ведь я смогу хоть 20 минут в неделю целовать тебя и говорить с тобой! Ты каждую неделю сможешь тогда приезжать ко мне, роднуля.

(...) Я поражен твоей предприимчивостью и настойчивостью, которая нужна была, конечно, чтобы добиться перевода в МГУ. Молодец ты, моя девочка! Окончить аспирантуру МГУ — это, по крайней мере, вдвое более весомо, чем в каком-то РГУ. Только бы муж не подмочил тебе репутацию — такой уж дурак у тебя муж. Итак, ты занимаешься химией все более серьезно. Это хорошо. Замечательная вещь — точные науки и отвратительная — гуманитарные, что можно видеть на моем примере. Хоро-

---

¹ Солженицын А. В круге первом. Гл. 38. С. 258.

шо еще, что я преподаватель *математики*, а не чего-нибудь другого, иначе я не нашел бы себе работы по специальности после отбытия срока. Становись ученым-химиком, дорогая, благословляю тебя на это, не в пример прошлому году».

1 октября должна быть на кафедре, а пока надо вернуться в Ростов и сдать кандидатский минимум. За 2 дня до отъезда на Кузнецком, 24, узнаю приговор: 8 лет исправительно-трудовых лагерей.

— А писать можно будет?

— Да, с правом переписки.

Отнесла последнюю передачу, переложив все заботы на тетю Вероню, и возвратилась в Ростов. Сдавала кандидатский минимум, а все мысли затмевало единственное желание — получить хоть какую-нибудь весточку от него. И вот она пришла: маленький треугольничек с Краснопресненской пересылки, исписанный простым карандашом:

«Моя верная любящая девочка! Сколько неизъяснимой радости доставили мне листики, написанные твоей рукой! Я узнал, таким образом, что ты жива, здорова и свободна и преданно заботишься о своем Санчике, хотя он перевел и переводит твою молодую жизнь.

...Моя надежда на близкую, широкую амнистию, о которой ходит столько слухов. Будет она — наше счастье. Не будет — я считаю своим долгом предоставить тебе на весь срок моего наказания полную личную свободу, о которой не задам при встрече ни единого вопроса. Не потому, чтобы мне нужны были эти права, я в них не нуждаюсь и мне не до них, но я слишком люблю свою красавицу Джеммочку, молодость которой проходит в одних ожиданиях — и что ж? До тридцати четырех лет? Но об этом больше — позже.

Передачи твои составлены так хозяйски — умно, с учетом моих условий, что это очень трогало меня. Я чувствовал твою заботу и ласку — и это так согревало меня. А лоскутики моего любимого золотого платя — я понял, как «любящая Джеммочка по-прежнему ждет Санчика». Что ты думала обо мне до конца июня? Не беспокоили ли тебя?..

Очень сильно вы разорились, дорогие Наташа и мама? Как мне тяжело, что я стал обузой для вас. Как только попаду в лагерь — стану хлопотать о переводе на Натуськино имя трех тысяч рублей, которые у меня на сберкнижке.

Дорогая Наталочка! Твоя последняя передача (кстати — по ней я решил, что ты уехала назад в Ростов) оказалась очень громоздкой и пришлась как раз к началу этапа. Чтобы не растерять ее всю по дороге — сдаю все вещи на квитанцию в Москве, а из лагеря вышлю Веронике Николаевне квитанцию и доверенность — пусть забирает все к себе. Придется еще раз побеспокоить ее, добрую. (...)

Будем надеяться на лучшее. Бодрись, мой любящий верный друг!»¹

В тот же день он написал и тете Вероне: «Сердечно благодарю Вас за заботу обо мне, за передачи. *Очень крепко поддержали меня.* (Выделено мной. — Н.Р.). Больше никаких передач не шлите, в нынешних условиях они мне не нужны и только стеснили бы»².

Через два дня, 10 августа, снова тете Вероне: «Передач мне пока не присылайте, я надеюсь, числа 17 — 20 августа выехать в лагерь. Если застряну здесь —

---

¹ Солженицын — Н. А. Решетовской, 5 августа 1945 г. (Здесь и далее ссылки на письма из архива Н. А. Решетовской. — *Ред.*)

² Солженицын — Туркиной, 5 августа 1945 г.

напишу снова и, может быть, тогда снова придется просить о помощи»¹.

А еще через два дня — мне в Ростов: «Не мои потери на годы, а твои — вот что угнетает меня, для женщины особенно дорог возраст между 20 и 30 годами.

Наталочка, милая! Нет бумаги, карандаш — величиной с клопа, когда-нибудь все эти мысли разовью поподробнее. Пиши мне — и быстрее! — по адресу: Москва-22, Краснопресненский пересыльный пункт, мне — может быть, я досижу до твоего ответа — и какая это будет радость! Получила ли ты два моих последних письма перед арестом? Я так был рад, что успел написать тебе ласковые»².

Потом написала тетя Вероня, сообщила, что Саня из Бутырок переведен в Новый Иерусалим, Сане повезло, это — «Подмосковная Швейцария», и всего 60 км от столицы. А в Краснопресненской пересылке тетя Вероня видела Саню в колонне эков, возвращавшихся с разгрузки баржи дров. Саня шел загорелый, бодрый и улыбнулся ей — «рот до ушей».

«Подмосковная Швейцария» оказалась обманчивой. Если за два дня до этапа он отказывался от всяких передач, то уже на второй день пребывания в Ново-Иерусалимском лагере на кирпичном заводе пишет мне в Ростов: «...Но меня удручает до боли и стыда, что — надеюсь только пока, только на первое время — приходится опять садиться вам с мамой на шею и опять тревожить Веронику Николаевну. Дело в том, что я сейчас никак не могу обойтись без передач, пока я не найду лучшего применения своему труду. Норма чернорабочего не по моим силам. Проклинаю свою физическую неразвитость. Я от-

---

¹ Солженицын — Туркниной, 10 августа 1945 г.

² Солженицын — Н.А.Решетовской, 12 августа 1945 г.

лично понимаю, что ваши июльские передачи стоили безумно дорого — и вот снова пришлось сегодня написать письмо Веронике Николаевне с просьбой привезти мне передачу. Очень горько быть мужем, которого содержит жена. С превеликим нетерпением жду от тебя письма — о тебе, маме, об аспирантуре, о Коке, о Лиде — передо мной снова воскреснет мир таким, каким он живет без меня»¹.

И в тот же день тете Вероне:

«...Удручает меня то, что — пока на первое время, но я вновь должен стать обузой для Натуськи с Марией Константиновной и отчасти для вас. Первое время, как я вижу, мне придется здесь очень трудно и никакого другого выхода нет, как вновь обременить Вас просьбой помочь мне передачами, если только Вы сможете улучшить на это время. Здесь у меня уже есть место, где хранить продукты и равномерно изо дня в день пользоваться ими. Одновременно с этим письмом я дам знать обо всем и Натуське. Не представляю себе, как она сейчас материально выкручивается. У меня на сберкнижке 2400 р. и польскими злотыми 1700. Сейчас стану хлопотать о доверенности на Наташино имя, чтобы она могла эти деньги получить...

...Мне так неловко, тетя Вероня, просить Вас об этом целом путешествии, что не знаю, что и делать»².

Истинный свет на его новое житье пролило письмо, переданное нелегально, через кого-то, тете Вероне 1 сентября 1945 года:

«...Живется мне сейчас очень тяжело (всего этого не напишешь по почте, пользуюсь случаем передать это лично). Работаем ежедневно без *всяких выходных* на тя-

---

¹ Солженицын — Н.А.Решетовской, 15 августа 1945 г.

² Солженицын — Туркиной, 15 августа 1945 г.

желой физической работе. Питание: 450 гр. плохого — хуже гораздо, чем в Москве — хлеба (при перевыполнении норм, что очень трудно — по 750 гр.) и три раза в день зеленая вода — никак иначе не могу назвать травяное варево из капустной ботвы, где совершенно нет: соли(!), жиров, крупы, картошки, овощей и мяса и очень редко бывают рыбы кости. Кроме того, в обед дают еще четверть литра каши, тоже не соленой. Это — все. Представляете? Со временем либо я устроюсь на работу специальную, где лучше кормят, либо — надо же надеяться — улучшится общий стол, но пока что без передач здесь можно только подохнуть или приблизиться к этому состоянию. Во всех тюрьмах, где я перебивал, кормили лучше, чем здесь. Да и в других лагерях, говорят, кормят гораздо лучше. Это уж мне повезло попасть в такой. Поэтому, как мне ни стыдно и ни неловко Вас отягощать, приходится на первое время снова обращаться к Вам с просьбой о дотации. Очень прошу Вас, тетя Вероня, не привозить ничего особенно дорогого, покупайте то, что сейчас дешевле, можно привозить и сырые продукты (картошку, крупу), здесь есть возможность это сварить. Хлеб хорош и черный, белый — это предмет роскоши. Чая не надо, ибо здесь не бывает кипятка. Соль пока тут у нас есть (если вообще будете ее когда-нибудь везти, то — если можно — растолките помельче). Овощи у нас здесь иногда бывают — морковь, репа, капуста, покупаем их довольно дешево. Зато вот лук или чеснок очень требуется. Передавать здесь можно в любой посуде и эту посуду разрешают после свидания опорожнять и мигом возвратит обратно. Особо прошу Вас привезти мне: 1) писчей бумаги любого качества; 2) пару простеньких блокнотиков; 3) пару тонких тетрадок; 4) 2-3 стальных пера, которые бы только писали; 5) ручку тонкую; 6) пару мягких карандашей; 7) табаку («Дукат» или в этом

роде) — грамм 100; 8) спичек; 9) какие-нибудь огрызочки цветных карандашей; 10) конвертов, открыток и марок; 11) денег мелкими купюрами рублей 100; 12) кружку небольшую. Мыла ни туалетного, ни простого не надо, ибо Вы много послали его в Бутырки. ...

Дорогая тетя Вероня! Простите за мои бесконечные надоедания, у меня сейчас просто нет другого выхода»¹.

Как видим, в конце письма особое внимание уделяется канцелярским принадлежностям. Эти просьбы и во всех предыдущих письмах: «...Побольше писчей бумаги, 2-3 карандаша и флакончик с чернилами или чернильницу-непроливашку, ручку самую простенькую и 2-3 перышка к ней. Точилку для карандашей (лезвие)»².

Примерно то же самое он просил и из Краснопресненской пересылки за день до этапа:

«...Но очень хочу просить Вас при первой же возможности прислать мне небольшую передачку со следующими вещами: 1) кружка эмалированная или (если не примут) деревянная; 2) бумаги для писем — чем больше, тем лучше; формат хотелось бы не меньше, чем этот лист, но если не будут принимать — порежьте ее на кусочки сантиметров 6 x 8 и передайте как курительную (а для этого она должна быть примерно того качества, как в Наташиной передаче 2-го августа); 3) карандаш простой — 1 или 2. Если не будут принимать, м.б. примут хоть какой-нибудь огрызочек — все это мне крайне необходимо...»³.

Попозже он переходит на просьбы пищи духовной. В письме от 28 августа просит меня прислать ему список книг и учебников английского языка, которые сохранились у нас от его мамы. Особо просит найти учебник

---

¹ Солженицын — Туркиной, 1 сентября 1945 г.

² Солженицын — Туркиной, 15 августа 1945 г.

³ Солженицын — Туркиной, 18 августа 1945 г.

Берлитца и англо-русский словарь Боянуса, карманный, с международной транскрипцией. Он не на шутку решил усовершенствовать знание английского языка. И здесь же совсем удивительная просьба: «...Мне очень хотелось бы — какой-нибудь томик Владимира Ильича, начиная так с 15-го или 17-го и дальше любой. В совокупности это заняло бы все мое время и принесло бы большое удовлетворение в моей совершенно безотрадной жизни»¹.

Через неделю в письме тете Вероне он повторяет просьбу об учебниках и словарях, добавив к ней легкие английские книжки с подстрочными словарями и уроки-лекции Института иностранных языков, отпечатанные в виде брошюр. А к томам Ленина добавляет «...ту книгу Маркса мою, которая хранится у Вас, я сразу не мог вспомнить, что это за книга, она меня здесь очень обрадует»².

О продуктах вопрос также не снимается, порой с такими извинительными оговорками:

«...С питанием дело все еще обстоит так, что ориентируюсь на передачи. Конечно, я понимаю, что это безумие, что передачи можно просить на недели, но не на месяцы и не на годы — и постараюсь как можно скорее, при первой же возможности это прекратить, меня очень беспокоит Ваше с мамой материальное положение»³.

В начале сентября спектр запросов расширяется за счет нужд бытового плана:

«...За шерстяные носки и перчатки большое спасибо. Хочу у Вас попросить только: 1) пару совсем маленьких мешочков с завязками (таких, какие привозили мне для соли); 2) десяток шинельных пуговиц не позолоченных, а простых, зеленых; 3) пяток таких же пуговиц, но средне-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 28 августа 1945 г.

² Солженицын — Туркиной, 3 сентября 1945 г.

³ Солженицын — Туркиной, 28 августа 1945 г.

го размера, какие бывают отныне на погонах; 4) немного темно-зеленых или черных ниток. Иголки *не надо*. Денег тоже пока больше не надо»¹.

Все это скрупулезно собирает, комплектует и отвозит неутомимая тетя Вероня. Я стремлюсь облегчить ее участь, взять на себя часть забот и хлопот, самой ездить в эту «Подмосковную Швейцарию» и каждую неделю видеть своего Санчика. Сданы три экзамена, улажены все формальности в Ростове и 17 сентября в 5 утра — я в столице.

Прямо на вокзале тетя Вероня сообщает мне, что Саня уже не в Новом Иерусалиме, а в самой Москве, совсем близко, на Калужской заставе строит дом. Моей радости не было предела. Значит, и ездить никуда не надо, он рядом. Так неожиданно мы оба стали москвичами.

Завтра поеду на Большую Калужскую — 30, а сегодня с тетей Вероней весь день говорим о нем. Она показывает его последние письма. Из них узнаю, что на новом месте ему: «Во многом лучше и порядка больше, чем было в Новом Иерусалиме. Гораздо удобнее готовить и сырые продукты, три раза в сутки бывает кипяток (а там не было никакого), питание тоже лучше»².

Гораздо позже я узнала, что единственное, о чем мог сожалеть Солженицын, покидая Новый Иерусалим, это о расставании с двумя молодыми поэтами Борей Гамеровым и Жорой Ингалом. Они были единственным светлым пятнышком на общем сером фоне лагерной жизни.

А как лирично он воспринял столицу в день приезда:

«Вчера поздно вечером машина несла нас по ярко освещенной Москве, я любовался гуляющей публикой, по Садовому кольцу пронесли мимо малой Бронной, и я

---

¹ Солженицын — Туркиной, 3 сентября 1945 г.

² Солженицын — Туркиной, 10 сентября 1945 г.

думал (это было часов 11 вечера), как Вы не подозреваете, что в ответ на утренний визит я приехал к Вам так близко»¹.

Да, тетя Вероня была у него в Новом Иерусалиме в последний день его пребывания там. Она привезла ему так любовно и тщательно собранную передачу. И вот что стало с этой передачей при переезде на Б. Калужскую. Пока Солженицын любовался вечерней Москвой, — «...в темноте и тесноте машины урки распоролы ножом мой чемодан, на котором я сидел, и вытащили оттуда лучшую часть продуктов, которую вы вчера привезли с Лидочкой — грамм 400 масла, рыбу, банку тушенки, папиросы и, кроме того, шерстяные носки, перчатки и заодно все до одного мешочки, какие у меня были. Обидно до сих пор, ужасно — во-первых, потому, что это — целое богатство, во-вторых, потому, что ужасно чувствовать себя обворованным и одураченным. Половину риса бестолку рассыпали по машине. И как я не уберег чемодана! Вот дурак! Кажется и пуговицы с нитками погибли при этой операции»².

Если до этого Солженицын испытывал просто неприязнь к уркам, то теперь он их стал ненавидеть.

Дальше он обращается к тете Вероне с просьбой: «...Обязательно привезите мне: 1) спичек; 2) 2-3 мешочка разных небольших; 3) немного табачку. Мне так совестно перед Вами с Лидой, что я растерял такие ценные вещи...»³

Завтра эту просьбу предстоит выполнить мне.

Прошагав по всей Большой Калужской, я наконец-то подошла к дому № 30, «...Автобусы и троллейбусы оставались у конца решетки Нескучного сада, где была

---

¹ Солженицын — Туркиной, 10 сентября 1945 г.

² Солженицын — Туркиной, 10 сентября 1945 г.

³ Солженицын — Туркиной, 10 сентября 1945 г.

вахта лагеря, похожая на простую проходную строительства; высоко на каменной кладке копошились какие-то люди в грязной рваной одежде — но строители все имеют такой вид, и никто из прохожих и проезжих не догадывался, что это — ээки.

А кто догадывался — тот молчал»¹.

В эту невзрачную строительную вахту я и вошла, буквально не веря, что сейчас увижу его. А пока шла по Большой Калужской, то, как героине «Круга» Наде, мне казалось, «будто уже наполовину его освободили».

Год и три месяца я не видела мужа, уехав от него с Белорусского фронта. Там меня провожал бодрый, румяный, подтянутый молодой офицер, старший лейтенант артиллерии, с орденом Отечественной войны 2-й степени на гимнастерке. А здесь, на лагерную вахту пришел застенчиво-невзрачный, налысо остриженный, робко пряча кепку в рукав рубы, но с такой до боли родной улыбкой на сером лице — мой Саня. Сказка стала явью. Первое желание было, как это сделала Мария Волконская, поцеловать на ногах мужа кандалы. Но кандалов не было. Мы просто шагнули друг к другу, обнялись и поцеловались, не скрывая своих чувств перед стоявшим рядом конвоиром.

Не буду описывать подробно это наше первое свидание. Лучше приведу его письмо, написанное под впечатлением встречи и переданное мне в очередной приезд: «Весь день сегодня хожу как пьяный после свидания с тобой и в предвкушении сегодняшней встречи. Не знаю, что успею тебе сегодня сказать, и поэтому хочется написать тебе, как я тебя люблю.

Никогда еще ты не нравилась мне так, как сейчас. Ты развиваешься — развилась за этот год и вообще за

---

¹ Солженицын А. В круге первом. Гл. 38. С. 259.

годы войны — такой, какой я мысленно дорисовывал тебя в год нашей женитьбы и еще раньше — в год нашего сближения. Я особенно доволен твердостью характера, которую ты проявила; настойчивостью в жизни; цельностью и непоколебимостью твоей любви ко мне — этого величайшего счастья моей жизни (последние сомнения в этом отношении рассеялись вчера, когда ты даже носиком не поморщила перед перспективой жить долгое время со мной в деревне), наконец, теми интересами и тем волнением, кипением, которые захлестнули тебя во время последних экзаменов, — на это я всегда надеялся.

А уж о том, как ты хороша собой, как меня тянет к тебе — я об этом и писать не буду, потому что никогда не уставал об этом говорить. (...) И одно только огорчает меня в тебе — что тебе пришлось забросить музыку. Но, может быть, когда-нибудь наступит такой вечер, когда ты сыграешь мне сонату-аппассионату старика Бетховена?»¹

Незадолго до моего переезда в Москву Саня писал тете Вероне: «То-то будет радости видеть Натуську так часто!» А здесь, на Большой Калужской, не просто часто, а очень часто, аж два раза в неделю, можно было видеться с ним. Ни одного раза не пропустила я: среди недели, как на крыльях, летела на Большую Калужскую из своей университетской лаборатории; по воскресеньям из общезжития на Стромынке, обманув живших со мной девушек, что везу продукты нуждающимся родственникам.

Родной человек за колючей проволокой радостно сжимал меня в своих объятиях, потом забирал авоську. Он, конечно, не знал, он мог только догадываться, каково мне было собрать содержимое. Время нелегкое, карточная система, на рынке — дороговизна. Кое-что уры-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, осень 1945 г.

вала от своего пайка, кое-что присылала из Ростова мама. А часто и так бывало: продашь на рынке полученную по карточкам селедку, купишь хлеба и еще чего-нибудь...

Бытовые условия на Большой Калужской отличались от Ново-Иерусалимского лагеря. По воскресеньям были выходные, два раза в неделю — свидания. Я, по возможности, помогала ему наладить его личное хозяйство: принесла ему электроплитку, кастрюлю, теперь он сам варит себе то суп, то кашу, то картошку. А в консервной баночке приноровился поджаривать себе лук для супа или каши.

В одном из писем мой муж разделил всех эков «на две категории, резко отличных друг от друга, не понимающих друг друга совершенно, разномыслящих, разночувствующих людей — тех, которые получают помощь, и тех, которые ее лишены». Мы с моими родными сделали все возможное, чтобы на протяжении всего своего срока Саня не оказался во второй категории эков. Это освободило его от мыслей о еде. Благодаря этому он может «читать, писать, заниматься, учиться, не чувствовать, как разрушается организм и дух».

Действительно, не хлебом единым... Мой муж постоянно просит у меня то бумаги, то карандашей, то перьев, то дешевых папирос, то кусок мыла или зубной порошок, то ниток, иголок, пуговиц, то спираль для электроплитки и, самое главное, — книг.

Буквально на третий день пребывания на Б. Калужской просит тетю Вероню привезти ему центральные газеты за последние несколько дней. «Здесь их не увидишь. Я смогу после прочтения при следующем свидании снова их вернуть»¹.

---

¹ Солженицын — Туркиной, 12 сентября 1945 г.

Такая же просьба была и из Нового Иерусалима в последний день пребывания там: «...Если можно, привезите свеженьких центральных газет. Я не читал за 5, 6, 7 сентября, а потом с 9-го и позже. Я могу их потом возвращать после прочтения. Книг пока больше никаких не надо».

Дух раскрепощен, голова не забита мыслями о хлебе насущном. Саня все свободное время проводит за чтением. Газеты, книги... Возникает потребность серьезно повысить свое образование. По его просьбе я достаю ему «физику» Михельсона, «Физическую химию» Бродского, а потом и «Теорию относительности Эйнштейна» Макса Борна. По учебнику Шевалдышева он продолжает совершенствовать свой английский. А англо-русским словарем мы с ним пользуемся одним и тем же, установив день обмена.

В такой обстановке и письма его с настроением совсем другой окраски. Просьбы о продуктах на втором, даже на третьем плане. А на первом — пища духовная и чуть-чуть бытовых мелочей. Вот наиболее характерное из писем:

«Одно несомненно хорошо в моей жизни — очень быстро летит время. Особенно несутся вечера — свободного времени и так ведь мало, да еще максимально уплотняю его. Зубрю сейчас физику. Законспектируешь страниц 5-6, потом прозубришь один урок из Шевалдышева, немного прочтешь (уже «сидя-лежа» в постели, с марта прошлого года усвоил такую манеру) «Каренину» — и уже половина двенадцатого, скорее тупо уткнувшись головой в подушку, а в половине седьмого меня толкают на завтрак...

...Дорогая девочка! Ты говорила, кажется, что достала мне гуталина? Так ты принеси, родная, а то сапоги мои пропадают, я их год не чистил, они потрескались. Щетку я здесь буду доставать, щетка не нужна.

Что касается продуктов, то у меня к вечеру вторника совсем не тронуты: рис, подсолнечное масло, сало. Осталось еще пшеница, вермиштели, картошки (большая часть), 1¹/₂ рыбины, и хлеб, и сладкое, и говяжий жир. Одним словом думаю, что обеспечен до среды-четверга первой недели апреля. Поэтому 31 марта ни за что ни жиров, ни сладкого *не приноси*, да и остальных продуктов не надо, кроме разве хлеба, если он у тебя останется.

Обязательно только принеси: 1) спичек коробку; 2) табачку; 3) не обязательно — 2-3 головки чеснока.

Из книг принеси только школьные задачки, какие сумела достать, да пожалуй, принеси мне на недельку английский словарь...

Монпасьетки твои сосу при чтении «Анны Каренины» перед отходом ко сну. Заменяет курицу»¹.

Многих, возможно, удивит: зачем письма, когда и так через каждые три дня видимся. Это объясняется очень просто: в лагере нет людей, которые были бы ему хоть чем-то интересны. «Окружение тяжелое, — пишет он, — поговорить не с кем, дружить — тем более». Потому так особенно тянет его общаться со мною каждый день, хотя бы письменно: «Как приятно писать тебе — даже так, ни о чем, это освежает меня. Ведь я испытываю необычайное одиночество — хуже даже, чем было в обозе — нет ни единого человека, с кем я мог бы отвести душу».

В это время Саня живет как-то механически, «точно законсервировал себя, чтобы долгий срок не испортиться». «Неразговорчивый, молчаливый. Ни с кем не спорил, не ругался и не расстраивался из-за мелких неприятностей, несправедливостей». И писал мне, что больше всего дорожит сейчас «бронировкой сердца от злобы».

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовой, 26 марта 1946 г.

Полюбил, отвлекаясь от занятий, «копаться в мыслях». «Иногда подвернется какая-нибудь интересная новенькая — откладываю ее в долгий ящик памяти», которая, как он обнаружил, работает у него лучше, чем он от нее ожидал. И он удивляется, как это он прежде совершенно ей не доверял и «всякую мелочь записывал».

Неволя особенно в этот год для Александра Исаевича была настолько тяжела, что он не мог удержаться от возгласа: «Я молод, я хочу на свободу, я хочу к своей жене!» Но никто кроме меня не слышит этот крик. На близкую свободу все меньше надежды. Остается единственная радость — наши свидания. Всегда на людях или, во всяком случае, в присутствии третьего лица, а все-таки свидания, которые были для нас своеобразной формой супружества. Так и жили от свидания до свидания.

Видеться часто так привыкли, и вдруг — карантин. «Как я по тебе соскучился! — пишет Саня в конце апреля, — Сегодня уже пятый день как я тебя не вижу»¹.

Заканчивается карантин, ему на смену — усиление режима. «...Вдруг, сейчас, когда я уже стал предвкушать нашу завтрашнюю встречу, я услышал леденящий сердце слух: что свидания будут разрешаться теперь не больше 1-2 раза в месяц. Просто дрожь берет перед такой жесткостью! Видеть тебя еще реже, чем я вижу тебя сейчас — я совсем пропаду с тоски. И я утеряю даже то подобие живой устной связи, которое сейчас существует между нами и которое дает возможность, хоть издали, с помехами наблюдать течение твоей жизни и сообщать о своей»².

Но, о чудо, на следующий день свидание все-таки состоялось! И настроение идет резко вверх. «Вчера после нашей встречи у меня было просто замечательное на-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, конец апреля 1946 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, конец апреля 1946 г.

строение, которое даст мне теперь зарядку на всю неделю. Хорошая была встреча, правда? И ты была такая славная. Я вообще очень горжусь тобой, родная моя»¹.

«Наша с Вами Серенькая, — пишет Саня моей маме, — держится героически — и Ваши заботы должны быть в первую очередь направлены на нее, а не на меня — чтобы этот героизм она пронесла через все испытания»².

А у мамы хватало сил заботиться одновременно о нас обоих. Каково бы мне было «держаться героически» без ее поддержки. Своими теплыми письмами она поддерживала морально. Очень помогала мне и материально, присылая деньги, а порой и посылки с продуктами, вещами. «Спецовка, которую мама мне прислала — чудесная, даже жалко портить ее на общих работах, — писал мне Саня в июне 1946-го. — Произвела она чудесное впечатление на всех, почти фурор, которым я был сам смущен — все решили, что это дают у нас в лагере и чуть не ринулись получать.

Ботинки несколько тесноваты, но это в порядке вещей, они в конце концов разомнутся»³.

Бедная мама. Ей тоже трудно. От себя отрывает. Она тоже женщина, только умудренная жизненным опытом. И кому, как не ей, понять свою дочь в такой ситуации. Я стараюсь ей хотя бы писать регулярно, держать ее в курсе всех своих дел. Но пишу скупо, на бегу, чаще не письма, а открытки. Уж таков нарастающий темп моей московской жизни.

«Эту открытку я начала тебе писать в столовой, — пишу я маме, — а продолжаю — в вагоне метро».

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, конец апреля 1946 г.

² Солженицын — М.К. Решетовской.

³ Солженицын — Н.А. Решетовской, июнь 1946 г.

Саню в письмах к маме зашифровываю, именую его Шурой и пишу о нем в женском роде: «Получила три баночки американской колбасы — одну уже вскрыла, беру в библиотеку на завтрак, другую завтра отвезу Шу-ре». Или: «...Запаслась салом, картошкой. Кушаем мы обе достаточно, не беспокойся».

Сообщила маме, что наконец-то купила себе валенки. Они необходимы, особенно по воскресеньям, когда идешь на свидание или несешь передачу. На морозе приходится подолгу стоять ждать.

Проникнувшись моими мучениями, мама раздобыла искусственный каракуль и сшила мне пальто. Мамы всегда остаются мамами...

А у меня новые сложности. Участились карантины на Большой Калужской. А порой и без всяких причин не дают разрешения на свидания.

Что остается делать... Постоишь перед безответной проходной, сгорбившись от обиды, досады, тоски и горечи, перейдешь на противоположную сторону улицы и — в спасительный 4-й троллейбус. В то время он ходил аж до Сокольников. Сядешь у окошка, прислонишься к стеклу и долго-долго реवेशь, до конца маршрута. Или на Малую Бронную, к Тете Вероне, а то и к Лидуське в Хлебный переулок, за сочувствием.

Чтобы получать внеочередные свидания, Саня находит выход. Он снова записывается в художественную самодеятельность. До этого у него уже был опыт неудавшегося артиста. В самом начале пребывания на Б. Калужской в лагере организовали культбригаду. Зэк Солженицын стал ее активным участником. Сначала он выступал с декламацией стихов. Потом вспомнил, как еще в студенческие времена Мордвинов и Марецкая разыгрывали на университетской эстраде сцену между Петруччио и Катариной из «Укрощения строптивой» Шекспира. Саня решил по образу и подобию воспроизвести постановку этой сцены.

Мне был дан срочный заказ — достать пьесу. Достала, но... перевод оказался не тот. Иду в Ленинку, беру пьесу в другом переводе и от руки переписываю эту сцену. Но и этот вариант не удовлетворяет моего мужа. Что же он предпринимает? Садится и сам из двух вариантов komponует третий. Представление планировалось на майские праздники. В этом же концерте Солженицын готовился читать «Нсобычайное приключение на даче» Маяковского.

По непредвиденным причинам концерт не состоялся. Нсоожиданно в лагерь приехал настоящий художественный ансамбль. В его составе два профессиональных актера, один из них — со званием заслуженного артиста РСФСР. Культбригаду решено распустить и лишь несколькими самыми талантливыми самодеятельными артистами пополнить ансамбль.

Саня загорелся желанием оказаться в числе этих нескольких самых талантливых. Заманчивая перспектива — ездить по другим лагерям с концертами: смена обстановки, новые впечатления, не сравнить с однообразием жизни рядового зэка.

Мне прибавилось работы. Муж заказывает отрывок про тройку-птицу из «Мертвых душ» Гоголя, еще томик пушкинской лирики, еще много чего.

Все усилия оказались напрасными. В ансамбль Саню не взяли. Не взяли к его же счастью. Через полтора года, уже на «Марфинской шарашке», один из прибывших с этапом зэков рассказал Сане, что машина с артистами того ансамбля была смята поездом на железнодорожном переезде. Часть артистов погибла, остальные изувечены. «Так вот и всегда в жизни — успех или неудачу свою можно оценить только много позже» — писал мне муж, сообщая об этом¹.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской.

В юности у Солженицына тоже была попытка по-даться в артисты. Поступая в Ростовский университет, он параллельно прослушивался у режиссера Завадского с целью — попасть в театральное училище. Подвели голо-совые связки. В лагере же, наверное, Ангел-Хранитель отвел от неминуемой гибели. И свою третью попытку приобщиться к искусству Саня начал без особого энтузи-азма. «Репетиции («Юбилея») отбываю без души и толь-ко потому, что благодаря участию в самодеятельности получаю с тобой свидания».

Ужесточение режима удручало нас обоих. Так близко друг от друга находясь, мы подолгу не могли видеться «из-за внешней запрещающей силы». В одном из писем Саня восклицает: «Это меня без ножа убивает, я мучаюсь чрезвычайно, ибо особенно остро в такие минуты ощу-щаю свою несвободу».

И в этой несвободе наши свидания имели еще одну важную сторону. Ведь не только дышать встречами с мужем, не только носить ему передачи переехала я из Рос-това в Москву, я же стремилась сюда, чтобы его спасти.

Поначалу он думал, что моя помощь ему не потребу-ется. Он, как и все начинающие зэки, не мог не поддаться иллюзиям о скорой большой амнистии. Этими иллю-зиями в буквальном смысле бредят зэки всех времен. Да и что остается делать в их беспомощности перед законом и в полной беспросветности будущего. Только ожидание амнистии пробуждает веру, поднимает дух, вселяет хоть какую-то надежду.

У Солженицына вера в большую амнистию поначалу подогревалась приближавшейся великой победой. И 9 мая в одной из камер Лубянки, слыша гром победного салюта над Москвой, зэк Солженицын считал себя почти осво-божденным. И вот, через два месяца после победы, 7 июля 1945 года амнистия была объявлена. Увы, она не косну-лась 58-й статьи.

Но слухи о большой амнистии не прекращались, и надежда не угасала. Еще находясь на Краснопресненской пересылке, в самом первом письме мне Саня пишет: «...Вся надежда на близкую широкую амнистию, о которой ходит столько слухов»¹.

«Основная надежда — на амнистию по 58-й статье. Думаю, что она все-таки будет», — пишет он тете Вероне 15 августа из Нового Иерусалима.

Но вот проходят октябрьские праздники 1945 года. Никакой амнистии не объявлено. Вера в нее угасает. В конце 1945 года Саня пишет моей маме в Ростов: «В амнистию я уже больше не верю...»

Но весной 1946 г. новый всплеск этой веры: «Я со 100%-й достоверностью все-таки убедился, что амнистия до 10 лет *была* подготовлена осенью 1945 года и *была принципиально одобрена* нашим правительством, — пишет он мне в марте 1946 года, — потом почему-то отложена. Такое убеждение уж очень дорого для меня: раз такую амнистию *принципиально* допустили — значит, взгляд на нас не безнадежный, значит рано или поздно ее все равно дадут».

Еще через месяц: «Об амнистии говорят довольно упорно. Сведения идут из министерства юстиции и «нашего» министерства»².

Чем ближе годовщина победы, тем сильнее вера: «Большого радостного события все у нас усиленно ждут, начиная с завтрашнего дня. Неужели это возможно?»³

Но вот и 9-е мая. Опять никакой амнистии. Надежда все еще теплится: «Сегодня очень ждали, хотя слухи и не сходились на 9-м, все же с 9-го и теперь еще недельку-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 5 августа 1945 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 20 апреля 1946 г.

³ Солженицын — Н.А. Решетовской, 8 мая 1946 г.

другую возможный для нее срок. У всех такая усталость, как будто ее в газетах обещали на сегодня»¹.

Через два дня после праздника Победы прямо крик души: «О, как хочется на свободу! Неужели же май, счастливый хороший май обманет нас с амнистией?»²

И уже в конце июня, когда все надежды потеряны, Саня написал: «Когда заговорят об амнистии — усмехнусь криво и отойду... Не на амнистию надо надеяться, а на собственные усилия»³.

Невольно вспоминается Дорофеев — нормировщик на производстве из пьесы «Республика труда»:

— Говорят, к празднику амнистия будет вторая, для 58-й статьи, а? Говорят у Сталина уже на столе лежит, подписать осталось...

Люба:

— Эх, Дорофеич! Одна нам будет амнистия — амнистия на тот свет...

Была еще одна вера — вера в общий пересмотр всех дел по 58-й статье. О таком пересмотре тоже ходили упорные слухи. Но и эта вера рухнула. Стало ясно, не надо ждать «у моря погоды», надо действительно рассчитывать только на собственные усилия.

Всю тактику наших действий мы подробно обсуждаем во время свиданий. Рождаются два стратегических варианта: если не удастся освободить Саню совсем, то надо сделать все, чтобы хоть как-то улучшить его положение. Муж узнает, что смягчением наказания по 58-й статье является административная высылка. Его не пугает даже то, что эта высылка может быть пожизненной: «...В нашу эпоху смешно считать 30 или 40 лет — незыблемым, веч-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 9 мая 1946 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 11 мая 1946 г.

³ Солженицын — Н.А. Решетовской, 29 июня 1946 г.

ным сроком». Сослать могут вероятнее всего — в Сибирь. Саня просит меня «поискать географических обзоров Сибири и принести ему почитать», а «на придачу добавить какую-нибудь карту Сибири».

Чтобы облегчить наши усилия, я ищу опытного адвоката. Мне рекомендуют из образцовой юридической консультации на Никольской адвоката Добровольского, который будто бы не боится браться за политические дела. Добровольский соглашается помочь, хотя считает дело очень трудным. Для начала он советует запросить характеристики на капитана Солженицына из воинской части и застаться лагерной характеристикой ээка Солженицына.

Саня готовит запросы в воинскую часть и поручает мне отправить их на имя старшего сержанта Ильи Соломина. Муж уверен, что генерал Травкин не побоится дать ему положительную боевую характеристику. Так оно и случилось, вскоре Илья сообщает, что «удалось выслать Сане «путевку в жизнь». Ээковскую характеристику написала начальница культурно-воспитательной части. Прежде чем отослать в юридическую консультацию, она показала ее Сане. Тот ее признал «ценной».

Главные характеристики собраны. Но достаточно ли их, чтобы просить о пересмотре дела или смягчении наказания? Солженицын колеблется. Ему необходимо самому переговорить с адвокатом. Я устраиваю это свидание — подвожу Добровольского в лагерь на Б. Калужскую. Это произошло 4 июня 1946 года. Тщательно взвесив все «за» и «против», адвокат советует имеющиеся характеристики подкрепить личными отзывами тех, кто знал Солженицына фронтовиком и, хорошо было бы, даже студентом.

Из однополчан Сани я решила обратиться к жившему в Казани Аркадию Мельникову. На фронте он был в одном с Саней дивизионе, командовал батареей топографи-

ческой разведки. Из студенческих друзей Солженицына я выбрала Михаила Шмелева. Он был Саниным однокурсником, а я с ним вместе начинала аспирантуру в Ростовском университете, встречалась на семинарах по философии.

Аркадий Мельников особо ждать не заставил, он прислал хороший, с заверенной подписью, отзыв о своем однополчанине Солженицыне. А в Ростове Михаилу Шмелеву заверить подпись категорически отказались.

И все-таки минимально возможный комплект документов собран. Саня пишет два варианта заявления: одно на пересмотр дела, другое — на смягчение наказания. Адвокат Добровольский оба варианта одобряет, но ни с одним из них торопиться не советует. Тогда он привел какие-то очень убедившие меня аргументы.хлопоты прекращаются на неопределенное время. Но это нисколько не облегчает напряженный ритм моей жизни. Основное время занимает учеба в аспирантуре и работа в университетской лаборатории. Затем хлопоты по доставанию необходимых продуктов и комплектованию передач для Сани. Сюда же добавляются поиски необходимой для него литературы. И все это в строжайшей секретности от девушек, с которыми живу в одной комнате общежития на Стромьнке.

Нас шестеро, все — аспирантки. Вместе собираемся только поздно вечером. Перед сном обмениваемся впечатлениями дня, воспоминаниями. Понемногу рассказываем о себе. Так постепенно узнаем кое-что друг о друге. Я своего Саню преподношу как пропавшего без вести во время войны, рассказываю, каким он «был». Девушки пытаются утешить: «Примиришь, забудь, полюби другого...» Я им возражаю: никто другой мне не нужен; такого, каким «был» он — нет и никогда не будет

У одной из девушек — башкирки Маши Жидковой — был жених, он работал следователем. Но Маша, по моему, превзошла его в профессиональной проницательности. Из всех жительниц моей комнаты только она заподозрила неправду в моих рассказах.

Однажды мы с ней вместе зашли на почту. В окошечке «до востребования» я получила письмо и, не распечатывая, положила его в сумочку. Маша стала интересоваться, почему не читаю, и от кого получила. Я попыталась отмахнуться от подружки, мол, а прочитать успею, ничего срочного в нем быть не может... Неожиданно Маша уверенным тоном заявила, что я говорю неправду, что от мужа я получила письмо, от своего Сани. Я растерялась и пыталась отговориться. Но сказанная ей фраза: «Я почерк его знаю», — разоблачила меня окончательно. Я расплакалась, а Маша стала меня уговаривать, успокаивать:

— Брось, Наталка, не надо. Думаешь, у меня с Федей все гладко? Жизнь — не роман...

Я доверила Маше свою тайну, взяв с нее слово никому ничего не рассказывать. Она пообещала и, в свою очередь, призналась, что ничего о Сане не знала и почерк его никогда не видела. Чувствовала, что мой Саня жив, потому что я никогда о нем не говорила как о мертвом. Вот и решила взять на пушку. А я и попалась.

Мою тайну Маша никому не рассказала. А ее фраза «Жизнь — не роман» из моих дневников Александром Исаевичем была взята в название одной из глав «Круга первого». Сама Маша там выведена под именем Даши.

Другой девушке — Шуре Поповой — я открылась сама при нашем расставании. Нас с ней сближала любовь к музыке. Я думала, что больше никогда не увижу ее, и мне не хотелось, чтобы она увезла с собой мой ненастоящий образ. Безусловно, я с нее взяла такую же клятву о неразглашении этой тайны.

В итоге Шура данную клятву не сдержала. Однажды она приехала в Москву и зашла в общежитие навестить своих бывших товарок. В нашей комнате застала единственную из них — Зину Пирогову. Та была больна, обрадовалась гостье, рассказала новости обо всех, кроме меня. Когда же Шура поинтересовалась мной, Зина заявила ей, что мы поссорились на всю жизнь, что я эгоистка, никогда ничего не прощаю другим, а сама... Как ни пыталась гостья смягчить ее отношение ко мне — тщетно. И тогда Шура решила открыть Зине нашу тайну, тоже взяв клятву о неразглашении. Та только и смогла выдохнуть: «Бедняжка!..»

От ненависти ко мне Зина перешла к сочувствию и даже восхищению. Рассказанное Шурой настолько впечатлило ее, что она всю ночь не могла заснуть. Утром не выдержала и последнюю нашу знакомую, еще не ушедшую из комнаты, рижанку Надю Либталс, тоже посвятила в эту тайну, чтобы легче было ее хранить вдвоем. Надя тоже прониклась безмерным сочувствием и выразила это сочувствие мне. Так замкнулся круг знающих мою тайну.

После дома родного общежитие для всех, кому довелось в нем жить, является как бы вторым домом. Так не считала, наверное, одна я. Для многих покажется странным, но для меня роднее дома был тот самый лагерь на Большой Калужской, где находился самый дорогой мне человек. Пусть приходила сюда я как гостья, и совсем ненадолго, но домой я так не стремилась, как стремилась сюда, к моему Сане. И он ждал эти минуты, жил этими встречами. Как всегда времени не хватало обо всем поговорить. А порой и слов не надо было, главное видеть родные глаза и чувствовать тепло рук. А все несказанное он сегодня же напишет в письме и вручит заветный листок на следующем свидании.

«Ну, кажется, сегодня маленькое свиданьице дадут. И то облегчение — хоть двумя словами обмолвиться и передать тебе письма».

Да, в письме можно больше сказать, чем при встрече. Ведь все встречи, как уже говорилось, проходят всегда в присутствии кого-то третьего, лагерного надсмотрщика. При нем не дашь волю чувствам, все скупое и сдержанно. А в письме, идущем в обход цензуры, чувствам можно дать полную волю, сказать так, как мыслилось сказать при встрече, но не сказалось. И получается удивительная несуразность. С одной стороны, свидания укрепляют связи между мужем и женой, с другой стороны — притупляют связь между мужчиной и женщиной. И постепенно превращается жена в добрую сестренку. Муж перестает видеть в ней женщину. И какая-нибудь лагерная «шалашовка» становится для него более женщиной, чем собственная жена.

В романе «В круге первом» Солженицын описывает один интересный случай:

«Заключенные жили в том же доме, который строили, в его неотделанном крыле. Женщины, привозившие передачи, сойдя с троллейбуса, видели поверх забора два-три окна мужского общежития и толпящихся у окон мужчин. Иногда там вперемежку с мужчинами показывались лагерные шалашовки. Одна шалашовка в окне обняла своего лагерного мужа и закричала через забор его законной жене:

— Хватит тебе шляться, проститутка! Отдавай последнюю передачу — уваливай! Еще раз на вахте тебя увижу — морду расцарапаю!»¹

Был мимолетный роман и у моего мужа в лагере на Большой Калужской. Узнала я об этом романе гораздо

---

¹ Солженицын А. В круге первом.

позже. Узнала, как и о других его «грехах», из его же произведений, которые для него всегда являются исповедью. Прочтите пьесу «Республика труда». Она даже посвящена некой Анне Бреславской...

Это для меня — «некой», а для него — той самой лагерной красавице, которая, возможно, участвовала с ним в художественной самодеятельности, а, возможно, и прельстилась высокой в масштабах лагеря должностью Солженицына. Для кого-то это будет неожиданностью, но в гугаговский период мой муж несколько раз оказывался в начальниках. Его литературный двойник Глеб Нержин в пьесе «Республика труда» в самое первое знакомство с начальником лагеря заявляет ему: «Гражданин начальник! (...) я — фронтовой офицер, опыт руководства людьми имею, в делах производства постараюсь разобраться». И начальник назначает его зав. производством.

Не удержался на этой должности, круто начал. Пришлось поработать немного маляром. А потом опять повышение — нормировщик. И здесь не удержался. Перевели в плотники. Так до конца пребывания в лагере на Б. Калужской он шпатлевал двери и настилал паркет.

А может, мои частые передачи — причина вспыхнувших чувств з/к Бреславской к з/к Солженицыну? Ведь вне сомнения, что кроме выражения нежностей он и подкармливал свою лагерную возлюбленную моими деликатесами. Хотя в этом можно усомниться. Ведь в пьесе Люба Негневицкая уходит от Глеба Нержина со словами «...ты все равно меня не накормишь...»

Меньше года пробыл муж на Большой Калужской. Ничто не предвещало перемен. Заканчивался жаркий июнь. Мама приглашала провести аспирантские каникулы у нее в Ростове, возможно и в Кисловодске. А Саня на этом даже настаивал: «Иначе в следующем, самом ответственном году она выдохнется на середине», — напи-

сал он в одном из писем маме. Меня очень успокаивало, что с питанием в лагере стало намного лучше, без передач пока можно обойтись. А со свиданиями — одно расстройство, карантин за карантином. Решаюсь ехать. Заодно и полезное дело сделаю — достану заверенный отзыв о Сане от одного из его сокурсников. А сам Саня заранее передал мне список того, что я должна оставить ему на лето.

В последнее воскресенье перед отъездом устремляюсь на Б. Калужскую. Опять карантин, свидание невозможно. Передаю продукты и жду назад сумку. Среди доносящихся из-за забора голосов четко различаю голос мужа: «Иди в Нескучный сад!»

Получаю назад сумку, отхожу от вахты и смотрю в недоумении. На дне — грязное полотенце. В стирку что ли? Но я ведь здесь не появлюсь до конца лета. Ощупываю полотенце. Один конец подозрительно толсто подвернут и прошит. Рву нитку зубами и извлекаю туго скрученный листок: «Увидишь меня в окне третьего этажа, вторым слева. Ударь по дереву столько раз, какого числа ты уезжаешь! Я отвечу тебе, правильно ли я понял».

Иду в Нескучный сад, отыскиваю указанное окно и вижу на подоконнике своего Саню. Невольно делаю несколько шагов по направлению к нему, к оврагу, за которым забор с колючей проволокой. Саня делает мне широкий отрицательный знак. Опомнившись, подхожу к покосившемуся дереву и, как он просил в записке, семь раз касаюсь рукой ствола. Пристально смотрю на окно, Саня столько же раз подносит к губам свернутую в трубку тетрадь. Он меня понял правильно: я уезжаю 7 июля.

Уходить не хочется. Неотрывно смотрю на заветное окно третьего этажа. Хочется подольше побыть хотя бы вот в такой -- визуальной близости.

Опускаюсь на траву, достаю листок и в тени того дерева начинаю письмо своему недосыгаемому мужу. То и дело поднимаю взгляд на окно. Саня напряженно наблюдает за мной. Мне даже в мысли не может прийти, что сегодня здесь это наше свидание — последнее.

Отдыхаю у мамы в Ростове и тоже не предчувствую никаких перемен. Регулярно получаю письма от своего «паркетчика». Он описывает, как стоя на правом колене, к которому привязан самодельный наколенник, чтоб не было больно, постукивает молотком, подгоняя одну клепку к другой, строгают, фугует... «А голова свободна, роюсь в воспоминаниях, мечтаю о будущем. И время тогда проносится совсем незаметно». Вечерами, приняв холодный душ и поужинав, садится за физику. Успокаивает, что кормить их стали «очень недурно». За высокий процент выработки паркетчики получают по 850 г. хлеба и «утреннюю кашу — каждый день».

Неожиданно присылает фотографию. Уму непостижимо, как ему удалось сфотографироваться за колючей проволокой? После офицерского блеска его последних фотографий не могу без грусти смотреть на бритую голову какого-то безликого лагерника. Припоминаю, что когда-то уже было нечто подобное.

Перебираю архив наших фотографий в моей музыкальной шкатулке с замком и звоном. За этим занятием меня застаёт Санин однокурсник и друг студенческих лет Миля Мазин. Смотрим на миниатюрку весны 1941 года. Там Саня тоже с бритой головой. На обороте шутливая надпись: «От каторжанина».

— Сам себе напроорочил! — произносит Миля.

И рядом фотография действительно каторжанина. И приписка другая: «...Карточка получилась тяжелая. С улыбками уже были и еще будут когда-нибудь».

Здесь, в Ростове, навещала маму Коки Виткевича. Очень тяжелы были наши встречи с ней. Мы обе плакали, когда Антонина Васильевна рассказывала, каким нашла Коку прошлой зимой, когда он, наконец, сообщил о себе! Кока попал на угольные копи в Коми АССР. Поначалу он долго и мучительно болел. Мать застала его покрытого язвами по всему телу. Он был ко всему безразличен. Уже позже Кока сам мне рассказывал, как специально выбегал на мороз, чтобы простудиться, заболеть и... положить конец своим мучениям. Две недели мать выхаживала его, откармливала. Оставила его с огоньками жизни в глазах. Но все равно это был уже не тот Кока. Антонина Васильевна читала мне его письма, в которых так много было невысказанной боли. Его судили на территории Германии и получил он 10 лет, да еще 5 лет лишения прав.

— Как мог он?.. Ведь он был членом партии! — восклицала Антонина Васильевна. Но жалость к сыну пересиливала, и она повторяла: «Мой сыночка, мой сыночка...»

Могла ли я утешить ее? И чем? Ведь у моего Сани положение было гораздо благополучнее. Я, как могла, сочувствовала ей, уверяла, что самое страшное позади, сейчас главное — делать все, чтобы Кока легче пережил эту суровую полосу своей судьбы. И это она делает для Коки. Своей поддержкой, возможно, она спасла ему жизнь.

Невольно вспоминаются проникновенные строки Анны Ахматовой, которая своей жизнью явила пример материнского подвига.

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской веселой грешнице,
Что случится с жизнью твоей —

Как трехсотая, с передачей,
Под Крестами будешь стоять
И своей слезою горячею...
Новогодний лед прожигать...

Неожиданно пришло встревожившее меня известие от Сани. Его снова куда-то переводят. Пока — в Бутырки. Обстановка отъезда, как он писал, «довольно спокойная», нисколько не похожая ни на день ареста — 9 февраля 45 года, ни на предыдущие этапы. «Может быть, это следствие письма Л.В. обо мне и о моей физико-математике?»¹

С таинственным Л.В. — Леней Власовым я познакомилась в Москве. Он, обеспокоенный, что его друг Саня Солженицын уже год не отвечает на его письма, решил навести о нем справки и, оказавшись в Москве, явился к Лиде Ежерец. Та вызвала меня. А Лидин адрес в свое время Саня дал ему на всякий случай.

Узнав о случившемся, Леня загорелся желанием доказать Санину невиновность. Но прежде чем бороться за освобождение, надо повидаться с самим Саней.

Во время очередного свидания я рассказала об этом Сане. Тот просил передать Лене, что очень ценит его порыв, но если он дорожит своей свободой и благополучием своей семьи — надо до поры до времени забыть наши адреса и сам факт нашего существования. Ведь год назад Леня тоже мог быть арестован за переписку с капитаном Солженицыным. Очевидно, его спасла фраза в письме: «Во всем я с тобой согласен, кроме одного, что кто-нибудь лучше Сталина мог продолжить дело Ленина».

Сначала Леня дал мне знать, а уже через много лет подробно рассказал, что не совсем выполнил совет Сани. Прочитав в предвыборном выступлении Берии о необхо-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской Н.А., 18 июля 1946

димости обратить внимание на научные изыскания в области атомной энергии, о привлечении к этому лучших специалистов, Леня взял и написал самому Берия, что в его ведомстве находится эрудированный физико-математик Солженицын Александр Исаевич, и его можно использовать для важных государственных целей.

И Солженицын в свою очередь рассказал Власову: его вызывали и расспрашивали, какое заведение закончил, что он знает, что умеет, дали заполнить анкету. Вскоре ему поручили теоретическую работу, перевели в «шарашку». Таких «шарашек» он прошел несколько. Это были наилучшие годы из всех, проведенных в ГУЛАГе. Но в итоге Солженицын усомнился в том, что именно письмо Л.Власова коренным образом изменило его лагерную судьбу.

Но в тот момент, когда я получила известие об очередном переводе моего мужа в Бутырки, вся эта подоплека мне была неведома. Первое желание — прервать только начавшийся отдых и мчаться в Москву. Но спокойный тон письма успокаивает и меня.

«В течение месяца — полтора — никого не проси узнавать обо мне — в передачах я нуждаться не буду.

Настроение у меня бодрое, хорошее, никаких плохих предчувствий или снов все эти дни не было. Будем надеяться только на лучшее! Горячо-горячо тебя целую, твой любящий, преданный и спокойный Санчик»¹.

Я продолжала отдыхать у мамы, но в глубине души гнездилась скрытая тревога. Когда возвратилась в Москву — сразу навела справки. Саня был еще в Бутырках. А 2 сентября получаю свидание с ним. Это было необычное, даже в какой-то мере страшное свидание, но в память врезалось как одно из светлых воспоминаний. Мы

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 18 июля 1946 г.

не могли не только обняться, но даже коснуться друг друга. Нас разделяли две решетки, между которыми прогуливался вооруженный конвоир. Под впечатлением этого свидания Саня даже написал стихотворение. Оно так и называется «Через две решетки».

Ты — как девочка! Молодая,
Ты все та же! Не блекнет лицо.
Полным даром любви обладая,
Распрямись же, сними, родная,
Обручальное наше кольцо.
Ты не знаешь, что значит ждать?
Холодеть, каменеть, скрывать,
Человеку ль пред жизнью не сдаться?
Ведь не год. Ведь не три. Ведь не пять —
Двенадцать!

Облетят твои свежесть и цвет,
Подо льдами надломится стойкость...
Не клянись мне, безумная, нет!
Даже сказочный срок — семь лет,
Даже в сказках — не ждут по столько...

Со свидания я ушла успокоенная и обнадеженная, что Саню теперь будут использовать по специальности. Только где — пока неизвестно.

— А ты там хорошо будешь работать? — спросила я.

И Саня ответил мне утвердительно,

В конце сентября Саню увозят из Бутырок. А в начале октября я получаю письмо из ... Рыбинска (тогда г. Щербаков).

«Вот уже неделю я на новом месте. И работа ко мне подходит и я подхожу к работе. Думаю, что буду ею доволен, что параллельно подниму и свои университетские знания, подвыветрившиеся за годы войны»¹.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 4 октября 1946 г.

Прямо первыми строками Саня спешит сообщить мне о том, насколько улучшилась его жизнь на новом месте. «Условия питания здесь уже сейчас таковы, что я, наконец, с величайшим счастьем могу сообщить тебе, что я освобождаю тебя от всяких передач и посылок. А дальше эти условия должны все улучшиться»¹.

И здесь же столько внимания ко мне. «Родненькая, заботься о своем здоровье, кушай по возможности вволю и вкусно, мне так радостно будет сознание, что я хоть в этом отношении облегчу существование тебе и маме. И времени в этом году тебе не придется терять на приготовление передач, на езду на Большую Калужскую. Засядь же за свою диссертацию и постарайся утопить в ней тяжесть нашей разлуки»².

А разлука действительно была тяжелой. После таких частых свиданий вдруг оказаться разделенными расстоянием и невозможностью видеть друг друга. Одна надежда — письма. Да и они не часто.

«В этом году мы уже не сможем видаться: я решил, что переписка для нас с тобой удобнее, чем свидания — нелегко было бы тебе приезжать сюда, каждый раз добираться до Рыбинска. Но и писать тебе, маленькая моя Сероглазочка, я буду редко — приблизительно раз в два месяца»³.

Разлука обострила чувства: «Дорогуня моя! Будем с прежней силой любить друг друга в полной уверенности, что наступит когда-нибудь и наша встреча и откроет счастливую жизнь, душа в душу. Из всех ценностей жизни наша любовь кажется мне теперь самой высокой. Видишь, как полезны страдания для твоего глупого Ксандрика»⁴.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 4 октября 1946 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

А заканчивается письмо заверениями в любви и верности: «Родненькая, теперь моя верность тебе не только внутренняя, но и внешне неизбежна — общество здесь исключительно мужское, женщин и в глаза не вижу. Но ведь ты и без этого верила бы мне, правда? От всего сердца горячо целую и обнимаю тебя, крепко целую маму. Твой любящий, глубоко преданный Санчик»¹.

Вот так наша жизнь превратилась в сплошное ожидание писем. Раньше мы жили от свидания до свидания, а теперь стали жить от письма до письма.

«Ты пиши мне, родная, почаще, беседуй со мной всегда, когда тебя потянет ко мне, твои письма будут для меня величайшей радостью, они согреют меня и дадут силу для многолетнего ожидания»².

И в то же время у мужа не угасает надежда освободиться пораньше. «Хлопоты с адвокатом продолжай, как договаривались, по любому из вариантов — и замена, и сокращение...»³

Меня на всякий случай предупреждает, «чтобы не вздумала при распределении на работу ориентироваться как-нибудь на Рыбинск из-за того, что я тут. У меня жизнь, как у моряка — нынче здесь, а завтра там. Ты должна выбрать место работы независимо от того, где я. И не бойся Сибири. Мне все-таки кажется, что мы проживем там с тобой несколько лет»⁴. Как не почувствовать себя после этих строк декабристкой!

Из Рыбинска Саня обещает посылать мне переводы «рублей 100 в месяц». Но в первом же письме традиционные просьбы:

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 4 октября 1946 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

«1) пришли мне маленькую посылочку: мой свитер, рукавицы и валенки. Можно положить туда папирос, коли дядюшка их подбросит, у нас с куревом сейчас не особенно важно, хотя через месяц-полтора должно наладиться. А больше никаких теплых вещей, ни белья не вкладывай. Также ни папирос, ни табаку специально не покупай. Я принципиально не хочу, чтобы ты на меня в этом году хоть копейку тратила. Говорят, из Москвы не принимают посылок. Может быть, из Ростова примут?»

2) пока не посылай до моего специального напоминания, но попробуй подыскать какую-нибудь (не адаптированную, а настоящую, полную) книжку Диккенса на английском. Вообще, что будет попадаться — напиши. Когда-нибудь в январе-феврале, когда тебе уже не нужен будет англо-русский словарь, пришлешь и его, и Диккенса мне бандеролью (...). А Шевалдышев у меня. Свое свободное время — с 20.00 до 22.00 буду тратить на прогулки и на английский»¹.

Я рада, что к Сане вернулась возможность слушать музыку.

«Галина Баринаова играет сейчас концерт Бетховена по радио. Умираю от счастья слушать хорошую музыку, чего лишен был полтора года. Миленькая, а бетховенская «аппассионата» за тобой, ты помнишь? Ты сыграешь мне ее в один из первых дней нашей встречи, если только будет рояль. Боже, как я соскучился по *твоей* игре! Наверно, с июля 41г. я не слышал, как бегают твои любимые пальчики (все их целую) по клавишам»².

У первого письма есть постскрипtum. Он тоже в духе моего Сани: «Дорогая Джеммуленька! Вложи в посылку еще расческу и пару цветных карандашей. Предчувствую,

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 4 октября 1946 г.

² Там же.

что очень буду скучать без беллетристики. Поэтому если сумеешь купить-достать что-нибудь из моей любимой русской прозы (Лермонтов «Герой нашего времени», Чехов — неюмористические рассказы, мелодично-грустные, Толстой — любой том «Войны и мира» или «Анны» или «Воскресенье») — причем экземпляр будет в дешевом издании, не жалко будет, если я когда-нибудь его утеряю — пришли мне бандеролью, милая. Буду обсасывать каждое слово. Как видишь, заказы все «духовные» — значит я сыт»¹.

Скрупулезно выполнила все просьбы мужа, написала ему такой же проникновенный ответ, потом еще один и настроилась ждать аж два месяца. Но в начале ноября сердце снова ликует — от Сани внеочередное, или «сверхпрограммное» (так он выразился) послание:

«Вчера я получил твое письмо № 2. Значит, мы писали с тобой в один и тот же вечер друг другу? Какая ты у меня умница, что пишешь часто. Хотя писать, я теперь чувствую, очень трудно. Когда доживем мы с тобой до того времени, что перестанем «переписываться», «видеться», «встречаться», а просто будем вместе жить?»²

Я все делаю, чтобы ускорить этот момент. Опять встречалась с адвокатом Добровольским. И опять он не советует спешить, еще не время. Остается только ждать. Ждать, когда наступит это подходящее время, ждать писем, тешить себя надеждами, беречь душу воспоминаниями.

«Наше свидание с тобой ровно два месяца назад осталось у меня в памяти не только как радостное, если только допустимо применить к нему это слово (сама ты была какая-то светлая, овеванная югом, а мои глаза за ав-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 4 октября 1946 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 2 ноября 1946 г.

густ привыкли к серому, скупому свету дня), но и запомнилось особенно твоей просьбой-требованием: «А ты хорошо будешь там работать?» Да, Джеммуленька, я работаю здесь неплохо»...¹

Он вспоминает наше последнее свидание... И я его вспоминаю очень часто. И у меня оно стоит перед глазами. Но когда же я снова смогу увидеть своего Санчика? Этот вопрос я задаю ему в каждом письме.

«Приехать ко мне, как я писал тебе уже, ты можешь и приедешь летом, и могла бы приехать и зимой, но сложность в том, где ты остановишься в Рыбинске, т.к. вероятно здесь придется переночевать. А свидание с тобой сделало бы меня пьяным от счастья»².

А пока нас разделяет расстояние, он просит меня прислать мою маленькую фотокарточку:

«Миниатюрку свою ты обязательно мне пришли, Сероглазочка, но это не снимает с тебя задачи прислать мне как-нибудь и хорошую визитку. Той твоей миниатюрки, которая была у меня раньше, у меня не осталось. Я очень грущу, что не могу смотреть на родное, бесконечно дорогое лицо моей любящей, ласковой, самоотверженной девочки. Как хотелось бы мне приласкать и пожалеть тебя в воскресный вечер, когда ты расплакалась, одинокая, со слабым огоньком надежды на далекое счастье. Твоя преданная любовь ко мне — великое чудо и великое счастье моей жизни. И если даже ты не выдержишь напряжения долгих лет и безысходного одиночества жизни в далеком каком-нибудь городе, вдали от родных людей и родных мест — мне будет очень больно, но это ни на минуту не омрачает моей светлой и благодарной любви к маленькой взбалмошной девочке, ставшей героиней»³.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 2 ноября 1946 г.

² Там же.

³ Там же.

Как всегда, не обходится и без более существенных просьб: «...В письме — несколько почтовых марок, в посылке — пару иголок и мыла (...). И, пожалуй, неплохо было бы, если бы ты прислала мне несколько головок чеснока. (...) Зимой в морозы будет, вероятно, холодно, т.к. топят слабовато. И вот только для этого времени, когда сижу у себя, мне и могли бы на зиму понадобиться валенки. А в общем, если их посылать трудно — не надо, обойдусь свободно и без них. Собственно, их переслать мне когда-нибудь нужно лишь для того, чтобы они были со мной лишь на другие зимы, когда тебя уже не будет в Москве, а для меня вдруг начнется какое-нибудь зимнее путешествие»¹.

Но самое радостное для меня: «Следующее очередное письмо напишу вскоре после праздников, и буду писать тебе их два раза в месяц. Ты же можешь писать мне как хочешь часто»².

И это сбылось. В двадцатых числах ноября я получаю третье письмо, совсем не подозревая, что это последнее рыбинское послание мужа. Начинается оно, естественно, с благодарностей: «Вчера получил твою посылку. А извещение о ее приходе с парой твоих строк на обороте читал еще позавчера. Очень тебе за нее благодарен. Воображаю, сколько хлопот у тебя было с ящиком и пр.»³.

«Свитер надел с наслаждением, яблочки кушаю за твоё здоровье, папиросы пришлись весьма кстати — курева у нас нет до сих пор. Но теперь-то уж я до получения табаку дотяну, ты можешь больше не беспокоиться. Посылочка прибыла в полном порядке, распечатывали ее при мне, все цело. «Дяде за папиросы большое спасибо, «Дукат» — мои любимые папиросы»⁴.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 2 ноября 1946 г.

² Там же.

³ Солженицын — Н.А. Решетовской, 29 ноября 1946 г.

⁴ Там же.

Посылкой он настолько доволен, что восторги о ней высказывает и в начале, и в середине, и в конце письма.

«Теперь я знаю, что ты получила *все* мои письма и верно исполнила все, что я тебя просил в отношении посылки»¹.

Я совершенно не ожидала, что его могут интересовать даже такие мелочи, как «*в какое время дня* и из какого почтового отделения ты послала 17/XI посылку? Где достала ящик? Сразу ли у тебя ее приняли или не сразу? Где достала мне цветные карандаши? Сколько стоила расческа?

Вообще ты — золотце, не забыла ни одной мелочи. Про цветные карандаши, например, я сам забыл и не ожидал увидеть их в посылке»².

Дошли и валенки. Достать мне их стоило больших усилий. Но удивительное стечение обстоятельств, накануне прихода посылки мужу выдали казенные валенки в виде поощрения. Но он предпочел присланные мною, а свою эковскую награду сдал обратно на склад и этим помог еще кому-то из собратьев по несчастью утеплить ноги. А валенки, присланные из дому, греют конечно лучше, ведь в них частичка моего и мамино тепла. И больше нечем его согреть.

«...Сейчас для меня *тепло* решает всю жизнь — 24 часа в сутки я нахожусь в очень холодных, фактически нетопленных помещениях. Мерзну на работе так, что руки становятся фиолетовыми, прихожу в общежитие — а там батарея еле теплится, для отвода глаз. Заниматься *сидя*, после 11-часовой работы, в холоде почти уже невозможно — приходится ложиться в постель, а там бы только беллетристику читать — да ее нет, диффуравнениями или

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 29 ноября 1946 г.

² Там же.

языком не займешься — надо писать чернилами, радио слушать — надоедает, хорошей музыки в вечерние часы стали передавать за последнее время меньше, значит — спать. Но и в постели не согреешься: хотя ноги укутаны телогрейкой, болтается под одеялом небольшой пододеяльник — зато одеяло, собственно не одеяло, а легкое дачное покрывало и все тепло зависит только от шинели. Иногда и ее, матушки, не хватает — позапрошлой ночью, например, проснулся от *холода*, и не мог уснуть целый час. Думаем приладить себе нагревательного электрокозла, но никак не достанем подходящей проволоки, а главное — его могут отобрать. Так что в прошлом году ты мерзла, а я наслаждался жарой — теперь наоборот, ведь у тебя тепло, кажется? Я очень за тебя рад в таком случае»¹.

Этими словами в начале письма он вверг меня в уныние. Я ужаснулась тем новым условиям, в которых оказался мой муж. Уж лучше бы он остался на Б.Калужской. Но читаю дальше, и это уныние разбито его же строками:

«Жизнь на Калужской мне теперь представляется кошмаром, я не знаю, как бы я жил там дальше. Здесь при всех бытовых неурядицах я чувствую себя человеком и ко мне относятся как к человеку, и я выполняю человеческую работу. А что бы было, если бы я не совершил «ошибки» своей юности и вместо физмата РГУ поехал бы на литфак ИФЛИ? Какую производственную ценность я мог бы представлять в условиях моей послевоенной жизни? Мне не раз вспоминается моя любимая сказка об олене, которую я читал в детской хрестоматии лет 6-ти — 7-ми, но которая неизгладимо врезалась мне в

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 29 ноября 1946 г.

память. Я ее, кажется, тебе рассказывал — ее часто приходится рассказывать по разным случаям жизни»¹.

Он пересказывает мне эту сказку, которую я помню наизусть. Олень, стоя у ручья и глядя в воду, восторгался своими красивыми ветвистыми рогами и ругал свои некрасивые, тонкие, как жердочки, ноги. Но когда на него напали волки, именно эти ноги стремительно понесли его от погони, а красивые рога подвели, запутавшись в ветвях.

«Так и я. Литературные рога привели меня к беде (хорошо, что они раз и навсегда спилены), а нелюбимые математические ноги потихоньку выручают, давая возможность жить»².

И в предыдущем письме проскальзывала эта мысль. Отвечая на мой вопрос, слышал ли он о событиях в литературном мире, муж пишет: «...Литература для меня навеки умерла, как ты знаешь, остаток моей жизни принадлежит математике и физике»³.

Сейчас, на расстоянии времени, нельзя без улыбки перечитывать эти строки. Мог ли он предположить, что пройдут годы, и не математические ноги, а именно эти, так подведшие его литературные рога сделают его нобелевским лауреатом и запутаются в ветвях мировой славы.

Даже в этом последнем рыбинском письме он восторгается романом Луи Арагона «Базельские колокола». «На днях попалась мне случайно книжка, которую я, поскольку это — художественная литература, значит — редкость в моих условиях, — прочесть поспешил. (...) *Сильные, яркие* страницы, тонкие и художественно обработанные, там встречаются». И тут же жалуется: «...Хочется про-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 29 ноября 1946 г.

² Там же.

³ Солженицын — Н.А. Решетовской, 2 ноября 1946 г.

честь какую-нибудь очень-очень хорошую книжку. Скучно без библиотеки»¹.

В таком положении разве можно обойтись без духовных запросов. Они в каждом письме, и в этом тоже: «Миленькая! Ты вчера или позавчера сдавала экзамен по английскому, да? Я помню. Ну, и как? Думаю, что пятерка. После этого словарь будет свободен? Ты знаешь, если бы ты вложила в посылку книжку, она великолепно бы дошла. Это на будущее — не обязательно посылать бандероль»².

А перед этим Саня сообщает, что продолжает углубленно совершенствовать свой английский. «Сегодня вечером достал англо-русский словарик на 25 000 слов и корректирую с его помощью свой словарный запас — на каждое выписанное из подстрочников *одно* случайное значение набираю еще с пяток-десяток. Гораздо удобнее учить слова целыми гнездами — они тогда выступают рельефнее, яснее становятся тонкости в их смысле»³.

Он продолжает совершенствовать английский, даже не подозревая, как это пригодится ему в будущем. Он до предела заполнял крохи своего свободного времени при 11-часовом рабочем дне. У меня времени было гораздо больше. Педпрактика кончилась, и я стала выполнять указы мужа, рекомендовавшего рациональнее использовать последний год своей жизни в столице. «Изволь ходить на концерты и в театры, — писал он мне, — а то заедешь за Уральский хребет — там уж не увидишь ни Малого, ни МХАТа».

Хожу в театры, на концерты. Кобозевские дипломники: втянули меня в шахматы, которым когда-то научил

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 29 ноября 1946 г.

² Там же.

³ Там же.

Кока Виткевич. Даже сумела возвратиться к музыке. Весь вакуум свободного времени постаралась заполнить до предела.

А у Сани опять наметились перемены. В Рыбинск поступило распоряжение о его переводе в Загорск. Рыбинское начальство пыталось оставить его, здесь его ценят, даже удостоили премии в 500 рублей. Но повторное распоряжение и Саня опять в Бутырьках. Планировали их в Москву, в так называемую Марфинскую шарашку. Это в Останкине, за Шереметьевским парком. Но там не готовы к приему, не успели переоборудовать здание, в котором сначала была семинария, а потом детский приют. Поэтому пока — в Загорск.

Первое письмо с нового места было на редкость большим и начиналось так: «Свидания теперь будут так редки, каждая минута их так дорога, что мне хочется побольше написать тебе в письме, чтобы при встрече можно было не торопиться, говорить о пустяках и просто смотреть в твои дорогие глазки»¹.

Не все ему нравится в Загорске. И питание хуже, и скученность в бараке — 17 человек в комнате — постоянный галдеж и никогда не выключается радио. Читать книжки приходится с заткнутыми ушами. Не устраивают его и порядки в столовой. Но в итоге он утверждает: «Мне здесь, конечно, лучше, чем было в Рыбинске. Ближе к тебе — это главное. Более постоянная почтовая связь — раз в месяц, а не раз в 2 месяца. Возможность пользоваться библиотекой худ. литературы томов на 300 — 400, хоть и бедненькая, а хватит надолго. Свежий воздух. Сейчас гуляю ежедневно час после работы, а станет тепло — буду все свободное светлое время дня проводить во дворе под деревьями»².

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 22 марта 1947 г.

² Там же.

Еще до получения этого письма я съездила в Загорск, с трудом разыскала его лагерь, свидание не дали и передачу не приняли. Он пишет по этому поводу: «Я поднял скандал здесь и добился разрешения получить ту картошку и крупу, которую ты мне привозила. Теперь у тебя их примут, но беда в том, что тебе, бедненькой моей занятой девочке, придется из-за этого специально приезжать. Варить всю эту штуку я буду воскресными вечерами — в воскресенье мы сразу обедаем и ужинаем, а ужина нет — и очень ценно, чтобы не портить самого лучшего дня в неделе, иметь возможность поужинать. В предвидении этого я оставил говяжий жир, а маргарин великолепнейшим образом слопал как масло. Так вот, миленькая, я не «символически» хотел, чтобы ты принесла мне передач на сумму 700 руб., а сама эти деньги положила на книжку, а чтобы ты *ничего* из них не откладывала, ты должна понять, что трудный 46/47 г. мне при всех обстоятельствах хотелось прожить так, чтобы не отягощать тебя и маму. Вот я и задался целью не выйти из суммы, которую я заработаю, но это вовсе не значит, что эту сумму вы само собой должны отложить — *запрещаю* тебе это. Откладывать деньги, если это вообще имеет смысл, в чем я очень сомневаюсь, можешь с будущего года, если станешь получать серьезную зарплату. Что же касается передач, то сейчас при переезде ты меня поддержала, и больше, после того, как довезешь эту несчастную передачу, не надо, я обойдусь»¹.

Но небольшие просьбы насчет пары тетрадок или бумаги — остаются. Есть и новые моменты: просит маленький замочек на чемодан, а то уборщицы могут рыться в его вещах, еще просит «несколько порошков красного стрептоцида, хоть и говорят, что он вредный, а я приму

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 22 марта 1947 г.

0,3 гр. — и любая боль горла проходит, а горло у меня иногда подвержено простуде»¹. Жалуется, что с медицинским обслуживанием в Загорске хуже, чем в Рыбинске.

«Еще забыл, миленькая, — мне бы небольшую стеклянную или железную баночку под масло (лучше стеклянную), нам дают по 200 гр. на 10 дней, пока холода — можно держать в бумаге, а дальше-то понадобится. Вообще привыкни к двум вещам, которые всегда не знают жены таких, как я: что нам всегда нужны спички и что у нас всегда плохо с тарой, в Бутырке много хороших передач у людей буквально пропадало из-за отсутствия тары. Спички старайся передавать всегда такие, как передала в этот раз — с коричневой головкой, не ноздреватой, не крошащейся, а слитной, хорошей, — это очень важное обстоятельство, т.к. каждую спичку я раскалываю вдоль на две части и обе зажигаю. Черная головка крошится так, что колоть нельзя. Спичек, которых ты мне сейчас привезла, в здешних условиях мне хватит на весь апрель»².

Опять настойчиво просит мою фотографию: «Роднуля, до лета, даже — до июня ты должна сфотографироваться на визитку и передать мне карточку при свидании, это обязательно, и чтоб карточка была очень хорошая. Миниатюрочку я твою храню. Так как письма нам здесь отдают совсем (в Рыбинске мы их прочитывали один раз и возвращали), то, возможно, и через письмо можно переслать карточку»³.

После долгого затишья просит возобновить хлопоты с адвокатом Добровольским: «Милая! Если ты получила мое письмо об адвокате и в нем — письмо к нему, полагаю, что ты уже начала действовать. Если нет — передам

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 22 марта 1947 г.

² Там же.

³ Там же.

тебе еще один экземпляр письма на имя Алексея Георгиевича, действуй обязательно. Ей-богу, мне легче получить отказ, чем ждать, ждать и ждать еще»¹.

В письме он дважды радостно подчеркивает, что в Загорске письма не отбирают по прочтении, а оставляют адресату. «Милые твои письма по адресу 1039 я получил и с удовольствием их перечитывал вновь и вновь, пользуясь тем, что они — совсем мои и никуда от меня не убегают. Очень ярко представил себе разговор с заведующим кафедрой Фростом в твой день рождения. Я в тот вечер лежал на Ново-Слободской и гадал — как же ты можешь пригласить к себе кого-нибудь в общежитие, куда же денутся девчата. Бедный Страус,² ему со школьной скамьи судьба — веселить многолюдные женские общества. Строго по Дарвину у него и выработались нужные для этого качества — балагурство и способность танцевать до упаду. Что касается музыки, то — насколько это у тебя серьезно, не знаю, да и ты сама не знаешь, но раз кроме диссертации больше ничего не осталось, конечно, занимайся, тем более, если рояль близко (я не понял, о каком клубе идет речь — о клубе МГУ или о клубе Стромьинки) и если преподавательница тебе нравится. В предстоящие годы музыка тебе очень и очень понадобится, это будет друг, который всегда утешит. Жду с нетерпением твоих дальнейших писем»³.

Письма письмами, они были всегда. В рыбинский период были только они. А теперь возобновляются свидания. Кончилась жизнь от письма до письма. Мы можем видеться.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 22 марта 1947 г.

² Страус — прозвище Кирилла Симоняна.

³ Солженицын — Н.А. Решетовской, 22 марта 1947 г.

Пусть первое свидание было неудачным, зато на второе я поехала в полной уверенности, что и передачу примут, и мужа увижу. Запасла побольше картошки, а помочь ее довести и донести до лагеря вызвался Кирилл Симонян.. Он не предусмотрел, поехал в своей офицерской форме. И поплатился за это, часа полтора маршировал в комендатуре за нарушение устава. Ведь офицерам не положено носить хозяйственные сумки. И командовал им какой-то сержантик.

Но до Загорска мы добрались, свидание состоялось. И таких свиданий было несколько. На фоне этих перемен можно представить мои душевные терзания, связанные с предстоящим распределением. Муж снова перебрался к столице, а я в полной неизвестности — куда пошлют. Сани как может успокаивает, и в письмах, и на свиданиях. Уговаривает меня не бояться распределения. Ему милы многие русские города, особенно в Поволжье. «Ты ведь знаешь, что я вообще равнодушен к Волге». И Томск, и Новосибирск, и Свердловск, и Омск, и Красноярск ему «великолепны». Можно и Воронеж, Курск, Тамбов. А вот Вологда подходит не совсем, «там лето короткое». Зато в Ташкенте «должно быть славно».

В итоге — я чуть было не попала в Полтаву. Но Божье провидение, иначе не назовешь — мой профессор Кобозев предложил остаться у него научным сотрудником. Я была на вершине счастья, а душа в новом смятении. Вправе ли я продолжать скрывать от своего профессора, что у меня есть муж и что он ... Я раскрываю Кобозеву все свои секреты. Он не меняет свое решение, обещает, что я буду работать только по открытой тематике, чтобы обойтись без спецдопусков и спецанкет.

А у Сани в Загорске много новых увлечений. Работа... н неожиданно для себя переводчиком с английского и немецкого различной технической литературы. В свобод-

ное время смакует словарь Даля, попавшийся ему в лагерной библиотеке. Он открывает для себя богатство настоящего русского языка и в каждом письме восторженно мне об этом рассказывает. (Вот тебе и математические ноги...)

С наступлением весны появляется возможность получить свой небольшой огородик. Поначалу Саня в растерянности, ведь в любой момент могут перевезти в Марфино и плоды его труда достанутся другим людям. Но все-таки он решается посадить «что-нибудь быстро зреющее — редиску, огурцы.» И в апрельском письме ко мне просит: «...Привези мне в первой половине мая семян для посадки (когда поедем в Останкино — неизвестно, решили заводить огородами) по чайной ложке (20-25 гр.) семян моркови и редиски, а луку («чернушки» или «сеянца») — тоже с расчетом на такую же маленькую грядочку (понимаешь, не крупного лука, а «сеянца» — что-то вроде не то семян, не то маленького-меленького лука)»¹.

Он настолько увлекся своим огородом, что посвящает ему почти все свободное время. По выходным и вечерами он читает «под славной пожилой березой у себя на огороде». «Дышу, дышу, глажу травку, смотрю на небо, читаю книги, загораю, когда солнце прорвется ко мне сквозь деревья, пропалываю и поливаю свой огород». Вдобавок ко всему птичка малиновка вывела около его огорода двух птенцов, их можно брать в руки и рассматривать глупые рожицы и огромные клювы. Саня каждый день стал ходить их проведывать.

Слияние с землей, гармония с природой — хорошая отдушина в лагерной жизни этот маленький тюремный огород. В нем можно забыться, отвлечься, отрешиться от

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовой, 22 марта 1947 г.

всех тягот жизни. И я, как могу, поддерживаю его своими письмами и теплыми словами во время свиданий. «До чего радуется меня сознание того, что после всего пережитого ты не сломлен, не потерял интереса к жизни, к труду, к знаниям. И я так рада, что ты так хорошо выглядишь. Там у вас так хорошо чувствуется природа, а я ее не вижу здесь совсем»¹. Это я написала ему после свидания 18 мая. А потом заготовила более откровенное письмо, надеясь передать во время следующей встречи:

«Родной мой! Все это время ты стоишь передо мной таким, каким я увидела тебя в первое мгновение: в своем зеленом костюмчике с коротковатыми рукавами, в свеженькой рубашке, с оживленным румянцем лицом, с непослушными рассыпающимися на стороны волосами. А потом эти быстрые полчаса, которые только в воспоминаниях расширяются.

Чем бы я ни занималась, твой образ всегда со мной. Он выше, лучше, он заслоняет для меня любого человека, с которым мне приходится иметь дело. Иногда чувствую такую пустоту, что силушки нет. Надо подавлять в себе желание любить тебя, заботиться о тебе, делиться всем с тобою, быть твоим повседневным товарищем»².

Встречались мы с Саней почти каждый месяц. И каждая встреча впечатляла, западала в душу. Но из всех запомнилась вот эта, июньская.

В первом письме из Загорска Саня дал расписание своих выходов на работу, возвращений с работы, на обед и с обеда. И в конце июня я специально подгадала к обеденному перерыву. Колонна эков как раз шла с завода в зоновскую столовую. Саня был с краю. Я увидела его, быстро пристроилась рядом и пошла в ногу. Конвоиры

---

¹ Н.А. Решетовская — Солженицыну, 18 мая 1947 г.

² Н.А. Решетовская — Солженицыну.

тут же приказали отойти. Но «впервые за три года, — писала я потом Сане, — мы шли с тобой, пусть одно мгновение, но шли рядом. Когда же мы дождемся, чтобы идти рядом постоянно? Мне как-то не верится, что это будет не скоро. Чувство, что я нахожусь на пересадочной станции, не оставляет меня. В Москве, на Стромынке, в университете я чувствую себя транзитным пассажиром. Так жажду получить билет до конечной станции. Мне все равно, где это будет, но я хочу, чтобы был ты, было преподавание, была мама»¹.

А Саня испытал боль и тревогу за меня в тот день. При свете солнца он смог разглядеть, какая я бледная, худая, уставшая.

«Так и не могу успокоиться, все время об этом думаю», — писал он мне и серьезно убеждал меня заботиться о своем здоровье, перестать возить ему продукты, ибо он выглядит лучше меня. «Не тот болен, кто лежит, а кто у постели сидит», — вспоминал он русскую поговорку.

«Я поправлюсь, когда мы будем вместе», — отвечала я мужу, но все же обещала делать все, чтобы выглядеть и чувствовать себя лучше. Вот кончится лаборатория — отдохну за писанием диссертации!

Наступила середина лета. Саня всецело увлекся своим огородом, влюбился в загорскую природу и мечтал побыть там подольше. Не хочется уезжать от «берез, травы, огорода». Он поражен могуществом матушки-земли. «Сколько полезных вещей она делает из ничего!» Действительно, он сорвал штук 20 редисок, которые не сеял, сами выросли. Из картофельных очисток выросли несколько роскошных кустов картофеля. Действует морковь. Принялись 11 кустиков капусты. Растет куст малины. И подсолнух вылез. «Но это уж прямо смешно, —

---

¹ Н.А. Решетовская — Солженицыну.

удивлялся Саня, — ткнул в землю обыкновенные семечки 2 недели назад, смотрю — лезет подсолнух без всякого ухода с моей стороны». И еще на Санином огороде расцвел фиолетовый мак. На следующей встрече он собрался приколоть мне на грудь цветок.

Но опять перемены. И мак, и капуста, и морковь, и птенцы малиновки достались другим. Марфинская шарашка готова к приему «гостей», и всех, кого планировали туда отправить, 7 июля увозят из Загорска.

На новом месте у Солженицына начался относительно благополучный период его лагерной жизни. Он продолжался без двух месяцев три года — с июля 1947 до мая 1950-го. Солженицын был сыт: масло сливочное к завтраку, хлеб на столах... Ежемесячно ему платили какое-то количество денег, на которые можно было кое-что докупить в лагерном ларьке. В регулярных передачах уже не было никакой нужды. Вот как он сам пишет об этом 14 сентября 1947 года:

«Кормят неплохо. Правда, до полной сытости требуется чуть-чуть добавить, но теперь картошка дешева, покупаю ее и варю или жарю или прошу кухню испечь в духовке. Сейчас из Загорска с моего огорода мне передали морковку, репу и редьку — несколько килограмм. Сегодня угостили ломтиком южной дыни, на днях отведал яблочко и сливу. Сухумские же (незабываемые) груши придется отложить на будущее...»¹

Уже через полгода он пишет более категорично: «Я, моя миленькая, ни в чем решительно не нуждаюсь. Даже лежит картошка — и ту не ем. И шнурков для ботинок, которые я у тебя как-то просил, можешь не передавать, я купил. Только летние тапочки пришли или привези на свидание, коли они сохранились»².

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 14 сентября 1947 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 11 апреля 1948 г.

Как видите, в его письмах остаются незначительные просьбы чисто бытового плана. Вот, например, в сентябре 1947 г.: «Ты знаешь, последнее время ощущаю недостаток в помазке (кисточке) для бритвы, надоело одолжаться у других. Покупать не хочется, т.к. мне купят дорого и плохую. Может быть, ты к следующему свиданию приобретешь мне самую дешевенькую?...»¹

И мы с мамой делаем все, чтобы и в этих мелочах у Сани не было неудобств. В ответ: «Мамины сандалии чудесно мне подошли, благодарю»². А что касается посылки или передачи посолднее — отказывается наотрез:

«Как мама? Тетя Нина? Как их здоровье? Поцелуй их от меня. И ради бога запрети присылать мне ко дню рождения традиционную посылку — я сыт и ни в чем не нуждаюсь, пусть поддерживают свое и твое здоровье, а я ж так знаю, что они меня помнят и любят»³.

Это он написал в конце 1948 года. А через год мама все-таки поздравила его с днем рождения посылкой с разными вкусами. Вот Санина реакция на это:

«Мамину посылочку получил 14-го рано утром, пирог — обедение и тянется до сих пор, как и мандарины, съедаются парочка в вечер (на ночь). Но и кроме этого имеются разные вкусные вещи (сгущенное молоко, печенье, брынза, сало), а к Новому году будет куплено еще. Маме большое спасибо, но больше ни-ни, никаких посылок»⁴.

Действительно, так может писать только человек, у которого нет особых проблем в жизни, проходившей в спецтюрьме. Бытовых проблем действительно нет. Саня сам подтверждает это в одном из своих писем:

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 27 сентября 1947 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 20 июня 1948 г.

³ Солженицын — Н.А. Решетовской, 23 октября 1948 г.

⁴ Солженицын — Н.А. Решетовской, 21 декабря 1949 г.

«Роденькая моя! Что касается меня, то наверное, никогда еще я не жил в отношении мелочей быта так налажено, как сейчас. У меня большой письменный стол со множеством ящичков и закрывается на подвижные шторки — знаешь, как в т.н. у нас «канцелярских бюро». В комнате — она высокая, сводом, много воздуха. Окно открыто круглые сутки — рядом с моим столом. У стола — так называемая «переходная колодка» — т.е. четыре штепселя. В один штепсель включаю удобную настольную лампу, в другой — собственную электрическую плитку (пользоваться энергией могу неограниченно); в третий — электрический прикуриватель — чтоб не изводить зажигалку, которую, кстати, пришлось уже капитально отремонтировать. Четвертый пока пустует, но, наверно, скоро будет служить для переносной лампы — освещать книжные полки. Думаю также устроить себе радиопроводку к рабочему месту. Здесь провожу время с 9 утра до 11 вечера, только в обеденный перерыв валяюсь во дворе или сплю в общежитии, да вечерком и с утра дополнительно гуляю (обед отнимает всего 15 мин.). В 11 часов отправляюсь в общежитие. Там на тумбочке у меня еще одна такая же настольная лампа. Дополнительно маскирую свет, чтобы не мешал товарищам, а падал только мне на подушку, и читаю до 12. В 0.05 надеваю наушники, тушу свет и слушаю ночной концерт...»¹

В Марфинской «шарашке» у Сани не только устроенность в бытовом отношении. У него наконец-то появился круг друзей. Еще в Бутырках он оказался в одной камере с Николаем Андреевичем Семеновым. Это с ним он, лежа на нарах, сочинил «Улыбку Будды», которая впоследствии стала отдельной главой «Круга 1-го». Здесь же к Николаю Андреевичу добавились Дмитрий Михайлович

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 14 сентября 1947 г.

Панин, Лев Зиновьевич Копелев, Сергей Михайлович Ивашов-Мусатов и еще несколько. Все они были старше Солженицына, и потому он мог не только делиться с ними своими мыслями, переживаниями, спорить на разные темы, дискутировать по разным проблемам, но и много почерпнуть из их жизненного опыта. Круг друзей обеспечил ему то духовное общение и ту моральную поддержку, какой не хватало ни в Новом Иерусалиме, ни на Калужской заставе, ни в Рыбинске, ни в Загорске.

Марфинский период — это действительно период его относительного благополучия во всех смыслах. Отказываясь от посылок и передач, Саня готов и все зарабатываемые там деньги высылать мне. «Напиши, пожалуйста, по какому адресу пересылать тебе деньги, если это будет в июле? и если это будет позже? Хотелось бы так их послать, чтоб они меньше пересылались, ведь на каждой пересылке пропадает 2 %. Думаю, что руб. 600 смогу тебе скоро прислать. Мне-то они абсолютно не нужны, ни копейки»¹. И буквально через неделю после этого письма: «Родная моя, денег еще до сих пор выслать не удалось. Надеюсь, что это будет в июле и сразу за полгода, т.е. руб. 600-700. Значит, если не получу от тебя никаких дополнительных справок, вышлю домой, маме»².

В начале 1949 года Саня интересуется: «Получила ли ты мои 200 руб. за IV квартал 48 г.? Видно, это — все, никакой доплаты ни за III, ни за IV кварталы не будет. А следующие деньги пришлю не раньше апреля»³.

Марфинская шарашка. Ведь это — за Останкинским парком. Мы снова с Саней москвичи, как когда-то, во время лагеря на Калужской заставе. Только на Калуж-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 26 июня 1948 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 2 июля 1948 г.

³ Солженицын — Н.А. Решетовской, 17 февраля 1949 г.

скую я могла ездить и видеть его почти каждое воскресенье, а иногда и два раза в неделю, а здесь — объект за секречен, свидания дают редко, где-то раз в полгода. И вот в одном городе находясь, мы вынуждены общаться в основном письмами.

Мои письма опять ему давали только прочесть, потом забирали и они оседали или у энкаведешников в специальных папках, или уничтожались вместе с мусором. Поэтому, получив переполненное эмоциями письмо мужа, я садилась за ответ, и рука опускалась от осознания, «...что некто суховатый, / Пальцем мумии по кодексу сверяя криминал, / В папку с номером запишет, как цитаты, / Кто из нас, когда, о чем писал, / Иль усмешкой пошлой в сокровенной фразе, / Осквернит строку, пролитую в экстазе»¹.

Ощущение близости и недоступности делает письма мужа повышенно эмоциональными:

«Любимая моя, светик мой! Люблю тебя по-прежнему нежно и горячо и самые светлые, самые сокровенные мои представления о будущем воплощаются в тебе. Сейчас для меня, непохожего на прежнего, все лишения, которые я переношу, по сути дела сводятся только к одному — к тому, что я лишен тебя. Я горячо верю, что наше счастье впереди»².

В выплескивании своих эмоций Саня совершенно не стесняется никаких цензоров и прочих соглядатаев. Сама обстановка лагеря, длящаяся годами, притупила ощущение их присутствия. Муж свободно и запросто поднимает в своих письмах любые темы, даже самые сокровенные:

«А жаль, что у нас нет ребенка... обзаведемся ли мы им когда-нибудь?»³

---

¹ Цикл «Когда теряют счет годам (из писем женщины)». «Август».

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 26 июня 1950 г.

³ Солженицын — Н.А. Решетовской, 11 апреля 1948 г.

Это он восклицает в апрельском письме 1948 года. А буквально через два месяца, в июне:

«Безгранично мне стало жаль тебя, родная, да еще царапнуло по сердцу твое очень грустное замечание, что будет поздно нам с тобой иметь детей.

Вот это и есть самое тяжелое — сознание, что из за меня страдает мой любимый человек»¹.

Эта тема волнует его постоянно. Примерно за год до этих слов он написал:

«Дорогая моя девочка!

Почему-то с того времени, как я задал тебе в письме (прошлом) вопрос о том, что — лучше или хуже было бы, если бы у нас был ребенок, я очень часто произвольно стал возвращаться к этой мысли. Подумал, что ведь ей (дочке) было бы сейчас *шесть* лет! Уже была бы на пороге школы! Вот так штука! Видишь когда — только под тридцать лет я впервые почувствовал в себе желание отцовства. И представь, сегодня мне снился ласковый хороший сон — будто у нас с тобой есть дочка — лет 4-5, этакий белокурый веселыш, лицо ее запомнил смутно, а волосы даже сейчас вижу... Будет ли у нас когда-нибудь такое? И не поздновато ли будет обзаводиться этим еще через шесть лет?»²

И в конце 1949 года Саня возвращается к этой теме. Один из его солагерников погадал ему по руке. И вот какое письмо присылает муж после его предсказаний:

«Что тужить, если жить мне 70 лет, если у меня будет двое детей (а раз у меня, то значит и у Натсика, ибо ни от кого больше невозможно никогда, не хочу и не захочу и не буду), если и разлуки с домом впереди осталось немного. Милая, дорогая, любимая женщина! Как хочется детей! Зависть берет смотреть на фотографии

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 20 июня 1948 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 9 сентября 1947 г.

чужих сынишек и дочурок! Мне когда-то говорили, что к мужчине с возрастом обязательно приходит потребность детей — а я не верил. Оказывается, правда»¹.

Затрагивает он эту тему и в романе «В круге первом». В главе «Немой набат» читаем:

«И мысль о Наде была сейчас высшая, поглощающая мысль, — его телу, наслажденному необычностью поездки, хотелось только ехать, ехать и ехать... Чтобы время остановилось, а шел бы автобус, шел бы и шел, по этой оśnieженной дороге с проложенными черными покати́нами от шин, мимо этого белого парка в инее, густо закуржавевших его ветвей, мелькающих детишек, говора которых Нержин не слышал, кажется, с начала войны. Детских голосов не приходится слышать ни солдатам, ни арестантам.

Надя и Глеб жили один единственный год. Это был год — на бегу с портфелями. И он, и она учились на пятом курсе, писали курсовые работы, сдавали государственные экзамены.

Потом сразу пришла война.

И вот у кого-то теперь бегают смешные коротконогие малыши.

А у них — нет...

Один мальчик хотел перебежать шоссе. Шофер резко вильнул, чтобы его объехать. Малыш испугался, остановился и приложил ручонку в синей варежке к покраснелому лицу.

И Нержин, годами не думавший ни о каких детях, вдруг ясно понял, что Сталин обокрал его и Надю на детей. Даже кончится срок, даже будут они снова вместе — тридцать шесть, а то и сорок лет будет жене. И — поздно для ребенка...»²

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 21 декабря 1949 г.

² Солженицын А. В круге первом. С. 249.

А в июне 1950 года, узнав, что мне предстоит операция, успокаивает:

«...Миленькая, нежно любимая моя девочка. Как хочется узнать скорей о ее благополучном исходе, узнать, что ты совершенно здорова, единственная моя девочка! А о детях и не думай даже, пусть нимало это не огорчает тебя»¹.

Не только мечта о ребенке, Саню волнуют проблемы семейной жизни вообще, наши с ним взаимоотношения в этой ситуации. Даже художественные фильмы он не может смотреть без каких-то ассоциаций, воспоминаний, проведения параллелей:

«Я живу по-прежнему. Здоров. Материально ни в чем не нуждаюсь. Вижу раз в неделю кино. Видел «Сельскую учительницу» и вспоминал, как ты на ней плакала когда-то. Мне тоже было очень больно. И Марецкая хорошо играет. Писал ли я тебе, что над некоторыми кадрами «Мичурина» — судьбой его жены и историей их семейных отношений — просидел с незарастающей, непоправимой — или поправимой еще? — щемящей болью в сердце...»²

Письма идут самые разные. В одном он хвалит меня за успешную защиту диссертации:

«Любимая моя, ученая моя женушка!

С какой любовью и гордостью я читал сегодня твое письмо о защите диссертации! И нужно же было, чтобы оно пришло именно сегодня — в годовщину (десятую...) того дня, когда между нами впервые было произнесено слово «люблю». Поздравляю тебя, моя хорошая, с днем, которого уже жду три года, непомерно горд за тебя —

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 26 июня 1950 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 17 февраля 1949 г.

для женщины, мне кажется, звание кандидата наук особенно почетно. Труд, проделанный тобой за последние 4 года, конечно, неизмеримо тяжелей, чем труд, за который тебе дали университетский диплом. Зато и победа ценней.

Как горько, что я не мог присутствовать на этом большом празднике твоей жизни. Но ты так чудесно и так полно описала все в письме, что я многое ярко представил»¹.

И тут же его неожиданно волнует такая вроде бы малосущественная деталь:

«Где ты успела переодеться между защитой и банкетом, если все это происходило в здании университета? Ты что же, брала с собой заранее и платье на защиту? Женщина!»²

В другом письме он извиняется:

«Прости, родная, что прислал тебе прошлый раз кислое письмо. К сожалению, не могу обещать, что это не повторится. Но постараюсь, чтоб это было пореже. Потому с тех пор и не писал, не получалось хорошее письмо. А получил твое хорошее — и удалось»³.

В третьем — пытается поучать:

«Вот получила ли ты мое последнее письмо? Я писал тебе там, что я очень-очень смягчился душой и мне так больно за тебя, что ты нервна, сердита и боишься «стать мегерой». Ведь я знаю, что ты можешь быть такой доброй, ласковой, светлой... Может быть, сейчас выше твоих сил, но, милая, попробуй воспитывать себя, попробуй научиться труднейшему искусству — быть терпеливой к людям...»⁴

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 2 июля 1948 г.

² Там же.

³ Солженицын — Н.А. Решетовской, 23 октября 1948 г.

⁴ Солженицын — Н.А. Решетовской, 26 апреля 1949 г.

Есть письма-разочарования:

«Ты видишь, видно я все-таки связывал с пересмотром больше надежд, чем сам отдавал себе в этом отчет. Во всяком случае, у меня часто возникали мысли о будущем, даже вот астрономию я прорабатывал не без задней цели, думая, что она может понадобиться для преподавательской работы, а сейчас и астрономию забросил, и ни о каком будущем и думать не хочется, и гораздо острее и горше ощущаю свое теперешнее положение. Хлопотать больше, конечно, не буду. Раз моего дела и при пересмотре не прочли (прочсть его могла только прокуратура, наблюдающая за делами ОСО), бессмысленно предпринимать какие-нибудь новые шаги»¹.

Когда же я пытаюсь убедить его не складывать рук, действовать дальше — он охлаждает мой порыв:

«Только что получил твое письмо от 20/IX. Мне страшно нравится, что у тебя так много энергии, что ты готова идти куда-то в Прокуратуру и с кем-то о чем-то говорить. Но это бесцельно, делать мы этого не станем. Полученный отказ будет и первым и последним отказом. Урок достаточный, тем более что он стоил стольких нервов, времени тебе и, кроме того, денег»².

Не могу забыть одно из его пророческих писем:

«После долгого перерыва получил твое письмо от 19/X, и оно очень обрадовало меня — своей бодростью. Приятно сознавать, что ты так занята, что тебе некогда тосковать. Особенно радует меня то, что ты так бурно прогрессируешь в музыке — ведь это чудесно, что за такой короткий промежуток и между делом ты вернула свою музыкальную форму. Значит, у тебя музыкальный талант — настоящий. А как бы поставить это на научную

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 9 сентября 1947 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 27 сентября 1947 г.

ногу? Не поступить ли тебе в консерваторию? (...) Очень хотел бы, чтобы ты выросла в большую пианистку, выступала бы в серьезных концертах — может быть, я когда-нибудь услышал бы тебя по радио? Что твой творческий потолок допускает это — я не сомневаюсь. Что у тебя сейчас есть на это возможность — полагаю, ибо находишь же ты время заниматься музыкой дилетантски, да еще и шахматами? (Тут у меня коварная мысль отвлечь тебя от шахмат — а то я боюсь, что когда вернусь к тебе, ты станешь давать мне ладью вперед). А раз уж ты хочешь забыться, то только в напряженной работе и учебе это и может удалиться»¹.

Я называю это письмо пророческим, потому что Санина мечта сбылась. 26 апреля 1949 года в Театре Советской Армии проходил очередной съезд профсоюзов. Заключительный концерт для делегатов был подготовлен силами участников художественной самодеятельности МГУ. В этом концерте я исполняла Революционный этюд Шопена. Я даже не подозревала, что наш концерт транслируется по радио и что его слушает мой Саня. Лучшее всего скажет об этом его восторженное письмо, написанное сразу, прямо в этот же вечер, под впечатлением:

«Золотые пальчики, светлое музыкальное сердечко! Не знаю, чему больше радоваться — содержанию ли твоего письма, полученного вчера (т.е. через сутки после отправления!), или тому, что произошло сегодня — именно в сегодняшней вечер, нужно же было! Я, конечно, еще с утра сообразил, что ваш концерт могут транслировать, и с самого начала внимательно слушал. Я волновался за тебя, хотя ты уже отвыкла волноваться. Тебе не передалось мое волнение? Почему-то я представлял тебя в белом платье, моем любимом, которое, конечно, давно

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 23 октября 1947 г.

состарилось, и ты его давно не носишь — и все-таки я не мог представить тебя ни в чем другом. После того, как станцевали белорусский танец, — радио замолчало на мгновение и меня как в сердце ударило — сейчас будешь ты. И загадал — если ты, то будет еще в жизни счастье. И объявили тебя. Я почему-то так и думал, что будет Шопен, а не Рахмаинов. Слушал — и сердце билось. Как хотелось взглянуть на тебя в этот момент! Напиши хоть, в каком ты была платье или одень его, когда будешь ехать на свидание. Передача была не особенно чистая, поэтому не знаю, насколько хорошо ты играла, но это играла ты! Ты этот этюд не раз играла и раньше, правда? Я помню. Ну, вот, на сердце такое чувство, как будто повидались перед самым праздником»¹.

«Повидались перед самым праздником...» При таких редких свиданиях желание повидаться было велико. Оно в буквальном смысле жило в нас. Но — раз в полгода... А порой и того реже. Отсюда объяснимо желание Сани иметь мои фотографии. В июне 1948-го он пишет: «Я очень жалею, что не попросил у тебя увеличенную фотографию твою — за роялем. Если у тебя она не одна — принеси в следующий раз, попроси разрешения, это разрешат. Хорошо, Огонек мой?»²

И буквально через две недели снова: «Фотографию свою пришли обязательно — и именно ту, где ты вышла лучше всего. Буду ее с нетерпением ждать»³.

Накануне Нового 1950-го года он пишет мне: «Я тоже собираюсь его встретить бодро. Разверну фотографии моей девочки в 12 часов и буду на них смотреть»⁴.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 26 апреля 1949 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 20 июня 1948 г.

³ Солженицын — Н.А. Решетовской, 2 июля 1948 г.

⁴ Солженицын — Н.А. Решетовской, 21 декабря 1949 г.

Это написано за 10 дней до Нового года. Не утерпел, развернул мои фотографии уже на сле...

И пишет мне:

«Сероглазочка моя! Долго просидел вчера и сегодня над твоими фотографиями. Сидишь — и видишь уже не отдельные изображения, противоречащие друг другу, а один образ, в который сливаются все эти лица — и перед образом этим я испытываю нежный, благоговейный трепет. Словно какой-то тонкий душевный аромат струится над фотографиями. (...) Милая, дорогая, любимая! Я много знаю русских слов, но не могу выбрать из них, каким назвать тебя, мое сокровище. Я порой испытываю чувство преклонения перед тобой, иначе не назовешь.

На всю жизнь, любимая, — счастливой встречи Нового года!»¹

Письма, письма, письма... Самые разные: и эмоциональные, и сдержанные, и длинные, и короткие, но все желанные, все долгожданные:

«Пиши мне, милая. Твои письма — такая радость»².

«А все-таки грустно-грустно, моя девочка»³.

Да и такое:

«Чудный весенний день. И так празднично на душе»⁴.

Одной такой строчки, порой, достаточно, чтобы проникнуться настроением мужа, посопереживать с ним. Посопереживать на расстоянии. Хоть и был у него там круг друзей, единомышленников, но самое сокровенное он, как всегда, доверял мне — своей жене. Это и понятно. Ведь я оставалась единственным связующим звеном между ним и внешним миром, от которого он так долго был отгорожен стеной с колючей проволокой.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 22 декабря 1949 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 11 апреля 1947 г.

³ Солженицын — Н.А. Решетовской, 20 июня 1948 г.

⁴ Солженицын — Н.А. Решетовской, 27 апреля 1949 г.

Муж писал мне подробно, обстоятельно, не упуская даже самые мелкие подробности своей жизни, своих переживаний и настроений. О чем он умалчивал? Пожалуй, о единственном: что в тайне он не расстался с мечтой стать писателем. Хоть и напоминал мне сказку об Олене, хваля свои математические ноги, но исподволь готовился к литературной деятельности. У Марфинской шарашки была прямая связь с библиотекой им. Ленина. Заключенные имели возможность делать туда заказы. Он этим пользовался. Но не книги по математике заказывал отсюда Солженицын, а те, которые нужны для его будущего «Красного колеса». Много конспектировал, делал выписки, фиксировал наброски своих мыслей...

Еще в сентябре 1947-го, в начале Марфинского периода, он пишет мне:

«...Языками, к сожалению, не занимаюсь и Кингсли читать перестал — появилось слишком много чтива на русском языке. Во-первых, много книг по математике и физике, которые непременно хотелось бы проработать, потом — биология (сам Дарвин, Тимирязев, Брем, Кернер, Реклю) — но это придется не трогать, затем — Даль (III том) в моем личном владении — как с неба свалилось такое золото! И может быть будет еще! Вот уж поистине на ловца и зверь бежит! Затем несколько томов Ключевского, один том «Римской истории» Мощена — величайшего знатока Рима, хрестоматия Струве по древней истории, несколько книг по истории западной литературы и ряд книг по другим интересным наукам. Если добавить к этому нечитанный еще III-IV том «Войны и мира» (I и II прочел и надеюсь отдать тебе, чтобы ты читала его обязательно), то тут и за 2 года всего не расхлебашь. Так что отсутствия беллетристики совершенно не ощущаю...»¹

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 14 сентября 1947 г.

Но уже через полгода Солженицын возвращается к совершенствованию английского. Только не из Ленинки выписывает, а ко мне обращается:

«...Сейчас, кажись, на книжном рынке продается много (и дешево) английских книжонок. Может быть, ты приобретешь для меня, *если случайно попадетя* (специально не ищи): или Диккенса, или Джека Лондона (только не собачьи рассказы, я их хорошо помню, и не романы — а сборник каких-нибудь хороших рассказов), или Вальтера Скотта (не «Айвенго») — только если посложней, простых не нужно. Но это — немножко, и не к спеху. Вообще же книг мне никаких не покупай и не передавай, потому что обратно возвратить их я вряд ли смогу, и куда девать — не знаю»¹.

И в начале 1949-го опять у меня просит:

«Кстати, если когда-нибудь (хоть через год) представится случай получить из Ростова моего Пушкина (6-томника), 2-3 тома (с лирикой, поэмами, драмами), и для тебя не будет неудобно, я бы с удовольствием надолго оставил его у себя. В 30 лет каждый писатель оказывается иным — то неизмеримо богаче, то бедней — чем это казалось в школьные и даже студенческие годы. Мне кажется, что Пушкина я теперь полюбил, как и Достоевского очень полюбил»².

И только позже отказывается от традиционных просьб:

«Миленькая! Не беспокойся о том, чтобы пересылать мне Пушкина — книг теперь у нас не принимают от родственников, да я и найду здесь всего Пушкина»³.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 5 мая 1948 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 17 февраля 1949 г.

³ Солженицын — Н.А. Решетовской, 1 июля 1949 г.

К концу пребывания в Марфино у него накопилось столько ценных записей, что он не знал, что с ними делать, переезжая на новое место. Выход нашел: попросил девушку из состава вольнонаемных сотрудников, звали ее Аня, фамилию не помню, попросил взять и сохранить ценные для него записи. Аня была равнодушна к Солженицыну и согласилась выполнить его просьбу. Она была верна своему обещанию, даже выйдя замуж за гэбиста.

Вернувшись из ссылки в 1956 году, будущий писатель по памяти разыскал адрес Ани, встретился с ней и забрал свой Марфинский архив. Досадно, что «В круге первом» он искажил этот эпизод, умалив поступок женщины, пошедшей на такой риск ради него:

«И в одну папку уже вложил свое сокровище — свои три блокнота. Но какой-то внутренний дух-советчик подтолкнул Нержина не делать этого.

Если даже теплы ее протянутые руки — надолго ли хватит девичьей верности?

Он переложил блокноты в карман, а папки носил Симочке.

Горела Александрийская библиотека. Горели, но не сдавались, летописи в монастырях. И сажа лубянских труб — сажа от сжигаемых бумаг, бумаг, бумаг, падала на эков, выводимых гулять в коробочку на тюремной крыше.

Может быть великих мыслей сожжено больше, чем обнародовано... Если будет цела голова — неужели он не повторит?

Нержин тряхнул спичками, выбежал.

И через десять минут вернулся бледный, безразличный»¹.

---

¹ Солженицын А. В круге первом. С. 710.

Так не поставлен памятник еще одной женщине. Как и мимо многих добрых дел, совершаемых нами, женщинами, во имя эков, так и здесь он прошел мимо. Я имею в виду ту часть его жизни, которая была до мировой известности. Женщины, которые помогали ему позже, когда он стал известным, но оказался в опале у власти, тех женщин он не забыл. Им посвящена целая глава в «Угодило зернышко промеж двух жерновов». Она называется «Невидимки». Что ж, и на том спасибо!

Но вернемся к письмам. Пусть не будет читатель в обиде, что я цитирую только отрывки из эпистолярного наследия самого Александра Исаевича и не привожу ни одной цитаты из своих писем. Их просто не сохранилось за этот период. Они и не могли сохраниться, ведь администрация лагерей давала их адресату только прочитывать. Затем они отбирались и... канули в неизвестность.

Впрочем, права ли я? Настроением моих писем Солженицын проникся настолько, так глубоко прочувствовал их, что написал от моего имени целый цикл стихов под названием: «Когда теряют счет годам (из писем женщины)», даже название оправдано: цикл начинается новогодним стихотворением, и новогодним же заканчивается. Давайте представим на мгновение, что стихи — это действительно мои письма к нему, и строки из них переплетем с отрывками из его писем-ответов:

Декабрь

А завтра — снова Новый год.
Еще одно, еще деленье
Слепая стрелка перейдет.
Когда-нибудь вот также вот
Она неслышно принесет
Тебе и мне освобожденье.

Второй такой, скромней моей,
Сегодня в ночь не будет просьбы:
Сквозь эти столько тысяч дней
Лишь только мужество пронес бы!

Лишь помнил бы, что как ни труден
Быт каторжных жестоких буден, —
Не вечность им отведена! —
Что есть в конце пути твой дом,
Что ждет тебя с любовью в нем
Твоя, всегда твоя жена».

«С Новым годом, моя ненаглядная Джеммочка! (С новым десятилетием и полувеком не поздравляю, потому что и то и другое правильно будет сделать через год). Если не считать 40-го, то все годы, начинающиеся с четверки, прошли тяжелой полосой для нашей семьи. Будем надеяться, что с пятеркой пойдут дела лучше. Прежде всего, и больше всего желаю тебе здоровья, бодрости, интереса к жизни и к работе, который у тебя все время был и который один способен сохранить молодость души. Но не меньше желаю тебе серьезного музыкального развития».

Февраль

Где набраться сил, чтоб ждать так долго?
Есть занятия, есть и достаток.
Только Смысла жизни нет.

Если бы ты знал! — дни за днями кряду
Как мне трудно! Как мне бывает надо
Прижаться к тебе!..

Говорят, что стареюсь я, что вяну.
Без тебя — свежа — отчего ж я стану?
А ты? — ты не разлюбишь меня?..

«Вот и пять лет минуло вчера, разменял шестой год. Я думаю, что тридцати одного года от роду можно еще ждать долго, переполняющего душу семейного счастья впереди. Оно светит мне из будущего и наполняет смыслом мою сегодняшнюю жизнь»¹.

Март

Свободу, не нужную мне,
В который ты раз предлагаешь?
В котором по счету письме
Расчетом, рожденным в уме, —
На что ты меня толкаешь?

Я — знаю. Я с дрожью прочла,
Когда ты, едва осужден,
Писал, чтобы я не ждала,
Чтоб жизнью своею жила,
Искала другого мужа.

Тогда ты растрогал меня.
Но сколько же можно! Я — знаю!
Желаний придумывать я
Не стану! Не жертва моя, —
А я уродилась такая.

Скажи, что тебя тяготит
Непрошеное ожиданье, —
Жена тебе все простит
И будущий ход облегчит,
Придумав себе... желанья.

«(...) Нежная моя! Что ж делать, что наша жизнь так сложилась. Больше трех лет я уговаривал тебя оставить

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 10 февраля 1950 г.

меня. Но ты отказалась — и я счастлив, что это так произошло. Худа никогда не бывает без добра. И в том хude, что я настолько лет от тебя оторван, тоже есть добро — что я впервые, по-настоящему открылся всей душой для любви к тебе. Счастливый, преуспевающий, уверенный, что я сам хозяин своей судьбы, сам кузнец своего счастья — я бы никогда не мог полюбить тебя с такой полнотой и цельностью, с какой люблю после всего перенесенного, после того, как я почувствовал свою слабость, свою беспомощность, после того, как я понял, как должен ценить человек каждую короткую радость, которая выпадает ему в короткой и печальной земной жизни. Нет, моя единственная, я теперь совсем-совсем другой — и вот это-то и хорошо.

Горячо целую и крепко обнимаю — тебя, моя единственная, сердечушко мое.

И не смей больше сомневаться».

Апрель

Кто бы знал в тот полдень вешний,
Когда жизнь так голуба,
Что жестоко, что поспешно
Разрубает нас судьба?..

Милый мой! Средь лет бесплодных
Что сквозь сердце не прошло!..
Но сегодня — мне сегодня
Удивительно светло!

И на радость, и на муки
Раз с тобой обручена, —
Девять лет с тобой в разлуке —
Десять лет твоя жена.

«...Слов нет, начало весны особенно тяжело переносить. Сегодня вот просидел весь день на солнце с книжкой Тургенева в руках — какая мучительная тоска взбродила душу! Но ты помнишь железное «надо» тети Нины? *Надо* вынести, *надо* дожждаться. Освети свои поступки светом будущего, любимая моя девочка, учись, живи и работай для него — чтобы потом, когда мы снова будем вместе, не досадовать на то, что годы миновали впустую, потеряны из-за нашей душевной слабости, из-за отсутствия выдержки.

Родная Наталочка, любимая моя! Я знаю, что все это тебя не утешает, не может утешить, но я чувствую себя бессильным сказать тебе что-нибудь более глубокое и исцеляющее.

В одном только можешь не сомневаться, бесценная: что моя любовь к тебе никогда не ослабеет».

Июль

Годы, годы и годы порознь...
За горами-долами — встреча с жар-птицею,
Мне ты думаешь, милый, легко разве
Вот над этой короткой страницей
Проплакать вечер?
Буквы почерком мелким едва намечу,
Строки выровняю едва,
В недодуманных фразах
Замечу не сразу
Недописанные слова.
И тебе. Ты получишь, рванешься к письму, —
А откроешь в нем радости — мало...
...Дорогой мой! Ты видишь теперь, почему
Я давно, давно не писала.

«...Еще раз хочу тебе подчеркнуть, что в письме, которое я тебе раздумал отсылать, я *ни в чем* тебя не обви-

ню, *ни в чем* на тебя не обижен — я только с горем отмечал, что рвутся и слабеют наши душевные связи и нет никаких средств укрепить их. Ты не виновата в этом, так же как я. Короткие открытки — твои и мои — являлись только внешним выражением этого факта. И я снова спрашивал там тебя — имея в виду, что Бог вещь, придется ли нам начать совместную жизнь через 4¹/₂ года — не лучше ли, чтобы ты прекратила эти свои страдания? Но сегодня ты так решительно ответила мне, что я умолкаю, и письма не пошлю»¹.

«Моя единственная! Получил после долгого перерыва твое усталое, тоскливое письмо. Хоть и очень больно мне было его читать, но хорошо, что ты пишешь все, как есть. Мне было бы еще больней, если бы я стал подозревать, что ты скрываешь от меня свое подлинное настроение, как это делается в стольких семьях из ложного расчета «оберегать» любимого человека от неприятностей. Слава богу, мы всегда с тобой были откровенны друг с другом.

Твое усталое и почти даже отчаянное письмо я, конечно, ожидал от тебя рано или поздно получить. Хорошо хоть, что за три с лишним года это письмо такое — первое. Я думаю, что напряженная аспирантская гонка удерживала тебя, увлекала, заставляла забыть — и именно первое же высвобождение времени и мыслей вызвало у тебя такую реакцию.

Ты столько раз повторяешь в письме, чтоб я тебя не ругал. Глупенькая, маленькая девочка! Не ругать тебя, а обнять, приласкать и приободрить — вот чего мне только хочется, когда я читаю это твое письмо. Как тяжело, как нестерпимо мучительно, что я не могу этого сделать! Есть маленькая надежда, что в одно из ближайших воскресе-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 20 июня 1948 г.

ний будет свидание — но будет ли? И сколько нужно времени, чтоб насмотреться и наговориться после полугодовой разлуки со времени последнего свидания!

Ничего я в письме не могу тебе посоветовать и ничего не могу придумать — ведь я же страшно плохо представляю себе твою жизнь сейчас, и ты так мало пишешь мне о ней. Об одном только прошу тебя, моя родная девочка: не называй бессмысленной свою теперешнюю жизнь и не живи исходя из того, что она бессмысленна: она *осмыслена*, раз освещается нашим будущим, нашим совместным счастьем, которое *будет* — если только ты не потеряла веру в него и желания выдержать, одолеть все сроки до него и все тоскливое одиночество. Что касается меня, — я верю в него, моя Джеммочка!»¹

Август

И, как в зеркало, туда, к себе вовнутрь,
В искрах вечеров, сквозь пленку серых утр
Я смотрюсь в тебя! — единственный, кому
Одному
Всем, что сильного прошло по сердцу моему,
Всем хорошим подлинно и подлинно плохим,
Всем, что было высказано и что вслух не сказано,
Всем, что стала я, всем существом моим, —
Всем обязана!

«...Какая-то мягкая музыкальная грусть владеет мною сегодня весь день, а к вечеру так разрослась, что я почувствовал, что не найду покоя, пока не напишу тебе хоть несколько строк — просто так, ни о чем. Дождь сегодня идет весь день. Как ты провела это воскресенье?

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 11 апреля 1948 г.

Была ли где-нибудь, или сидела дома? Да у тебя и «дом»-то, кажется, сегодня последний день. Где ты будешь жить в августе? Что за настроение у тебя сегодня? Как решилось твое близкое будущее? Получила ли ты по приезду два моих июльских письма и перевод на 400 рублей? С каким нетерпением я жду от тебя письма! На свидание в августе надежд так мало, что не знаю даже, стоит ли начинать хлопоты и связанные с ним волнения.

Лежу в постели. Передо мной Пушкин — но не читается сегодня, отложил его. Мысли беспорядочно блуждают то в прошлом, то в будущем — и все вокруг тебя. Вспомнил гору над Ялтой, поездку пароходом из Крыма, блуждание по Мариуполю, и как ты расплакалась у борта, когда тебе показалось, что мне не понравился твой подарок. Задумался о будущей жизни где-нибудь в глуши. Девочка моя! Как трепещет у меня от нежности вся душа, когда я думаю о тебе!

(...) А потом прочел Пушкинскую «Русалку» — и тоже расстроился. Какая чистота, глубина и сила чувства у дочери мельника. И невольно я почувствовал над первой сценой «Русалки» мучительный укор себе: моя жестокость по отношению к моей ненаглядной Джеммочке имела другие причины, другие формы — но была ли она от этого менее жестока? Господи! Да неужели же десять раз надо прожить жизнь от начала до конца, чтобы только на одиннадцатый раз прожить ее как надо — чтоб не жалеть, не мучиться над своими прошлыми поступками. Каким хорошим, сильным и удачливым я казался себе до 27 лет, каким плохим, слабым, беспомощным — теперь...

Спокойной ночи, моя Кисонька. Почувствуешь ли ты сегодня мою безмерную тоску по тебе?..»¹

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской Н.А., 31 июля 1949 г.

Октябрь

Я вся промокла
Но, не раздевшись,
Вошла — и за стол —
Тебе писать...
Куда от мыслей
Одних и тех же,
Одних и тех же
Мне убежать?

Я шла по парку.
Черно нависло
К деревьям небо,
Дул ветер злой, —
Темны и влажны
Кружились листья,
Катились листья
По-над землей.

Топча, топча их
Я шла по парку
И вдруг склонилась
Над кучкой их —
Вообразила
Так сразу ярко,
Так сразу ярко
В какой-то миг,
Как этот ветер
Листы срывает,
Их стаи гонит
Куда-то зря, —
И я бессильно
Листки срываю,
Листки швыряю
Календаря.

Их столько ж тысяч,
Листков бумажных!
Их так же гонит
Жестокий вихрь! —
Таких же темных,
Таких же влажных,
Таких же влажных
От слез моих.

Я шла по парку...
Срывались капли.
Глаза застило
Пленой дождя...
Мой ненаглядный!
А ты — не так ли?
А ты не так ли,
Сквозь все пройдя, —
Придешь — увидишь
Меня не прежней, —
Не так игрива,
Не горяча, —
Уйдешь с другою! —
Ногой небрежной,
Ногой небрежной
Листки топча?..

«(...) Случись что-нибудь надолго непоправимое — допустим что-нибудь невероятное — что я, например, не имел бы возможности писать тебе по целым годам — помни, помни, моя единственная, что пока я жив, я каждый день мысленно повторяю тебе то, что написал в день твоего тридцатилетия: что я и в 60 лет буду любить тебя так, как любил в 18, а если разобраться — так и еще преданней, так и еще полней. Ты — свет моей жизни, только ты делаешь для меня дорогой мысль о моем будущем.

Если бы тебя не было у меня, мне было бы не «легче» — у меня просто не оставалось бы никакой привязанности к жизни. Я ведь — не тот. Я — совершенно не тот, каким был в дотюремные — теперь кажется, давно прошедшие времена(...).

Ты знаешь, как усиленно я уговаривал тебя три или даже четыре года, чтобы ты искала свое счастье вне меня. Но я это всегда делал *для тебя, жертвуя* своим счастьем, а не освобождая его от обязанностей. Но теперь, когда ты прошла через этот искуc, я представляю себе свое будущее только как *наше* будущее — и никак иначе. Не слушай никого, кто имеет право тебя упрекать, не выстрадав с твоей, и заботиться о тебе больше, чем ты сама, а обо мне больше, чем я сам? Слишком уж много прожжено, чтобы не ждать дальше. Если уж ты не захотела прожить свою молодость в счастье — то уж не мне искать путей наверстать ее без тебя. И если нам судьба оставит даже не середину, а *конец* только жизни вместе — значит, проживем вместе конец. Ты же знаешь, что для меня не существовало никогда женщин кроме тебя — и никогда не будет существовать. Для меня нет воспоминаний дороже, чем воспоминания о лучших днях нашей любви и нет воспоминаний мучительнее, чем воспоминания о моих промахах, нечуткости, грубости, сухости, невнимательности, когда я причинял такую бессмысленную, жестокую, непоправимую боль твоему любящему, нежному уязвимому сердечку»¹.

Декабрь

И вот он снова,
Новый год...
Еще одно, еще деленье
Слепая стрелка перейдет.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 1 июля 1949 г.

Ее неслышный мерный ход
Когда-нибудь да принесет
Тебе и мне освобожденье.

В двенадцать, губы скрыв в бокале,
Я прошенчу, другим невнятно:
«Любимый мой! Мы — дольше ждали!
Осталось меньше, меньше ждать нам...»

«...Вот и пошел 50-й! Встретил я его так, как и собирался, как и писал тебе в прошлом письме, — лежал на кровати до полдвенадцатого весь вечер — и прошли передо мной все последние годы, и твоя жизнь в эти годы, охваченная единым собирающим взглядом. Сердце рывалось от тоски по тебе. Было так, как будто ты пришла ко мне и была со мной эти часы и выплакалась у меня на груди. Родная моя!

Все эти годы были тяжелы для тебя, но особенно тяжелым был, кажется, 48-й. Ты была так издергана, нервы так расшатаны, особенно весной. Лишь в конце года чувствовалось, как музыка излечила тебя, или по крайней мере, подлечила. Ненаглядная Джеммочка! Я верю, что самая тяжелая часть твоей жизни, — позади, что теперь ты будешь все больше здороветь телом и душой. И сознание того, что теперь тебе легче, чем было, дало возможность мне с улыбкой встретить наступающий год. (...) Когда удастся забыться от тоски по тебе — чувствую себя прекрасно. Но не так-то часто это удается»¹.

Примерно вот так выглядела наша с Саней переписка. Письма приносили огромную радость нам обоим. Но еще большей радостью, попросту даже праздничными были для нас те дни, когда разрешались свидания. Но и эта редкая возможность порой могла быть омрачена:

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 7 января 1950 г.

«Свидание не состоялось 24-го, как я предполагал, и когда оно теперь будет — не ведаю, 8-го ли, 15-го или еще позже. В общем, получают свидания два раза в год. Денег тоже пока нет, но скоро ожидаются. Жаль, что не мог послать их тебе до 1 мая. Возможно, что их будет на этот раз побольше»¹.

Это — из письма Солженицына, другая причина, и тоже очень веская, высвечена им в романе «В круге первом»:

— Зачем Климентиадис в воскресенье?

— Ты разве не знаешь? Шесть человек на свидание едут.

Нержину напомнили об этом, и душу его, так просветлившуюся во время утренних дров, снова залила горечь. Почти год прошел со времени его последнего свидания, восемь месяцев — с тех пор, как он подал заявление, — а ему не отказывали и не разрешали. Тут была между другими и та причина, что, оберегая учебу жены в университетской аспирантуре, он не давал ее адреса в студенческом общежитии, а лишь «до востребования», — до востребования же тюрьма писем посылать не хотела. Нержин, благодаря сосредоточенной внутренней жизни был освобожден от чувства зависти: ни зарплата, ни питание других, более достойных зэков, не мутили его спокойствия. Но сознание несправедливости со свиданиями, что кто-то ездит каждые два месяца, а его уязвимая жена вздыхает и бродит под крепостными стенами тюрем — это сознание терзало его.

К тому же сегодня был его день рождения»².

Но случались и чудеса:

— Да отказали мне в свидании, что с тобой? — раздосадовался Нержин, приловчаясь располовинить чурбак.

— А посмотри!

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 26 апреля 1949 г.

² Солженицын А. В круге первом. С. 184.

Нержин оглянулся. Старшина шел к ним и издали манил его пальцем. Уронив топор, с коротким звоном свалив телогрейкой прислоненную пилу на землю, Глеб побежал как мальчик¹.

А вот как в письмах:

«Дорогая моя девчуша! Сегодня узнал официально, что послезавтра у меня — свидание. Весь отдался предсвиданному настроению. Вечером после работы долго гулял во дворе (сегодня я первый день на правах здорового) и был на работе, смотрел на луну, мысленно представлял себе наш послезавтрашний разговор, думал о том, что ты уже тоже, наверное, знаешь о нашем свидании, что ты тоже, вероятно, последний день-два думаешь о нем больше, чем о своей диссертации...»²

И буквально на следующий день:

«Дорогая моя, любимая, единственная моя!

Чем ближе свидание, тем больше мое возбуждение. Сегодня оформил разрешение на получение от тебя часов и передачу тебе книг. Помыл голову и, когда только можно, хожу в чалме из полотенца, чтоб волосы завтра как следует лежали. Сегодня с вечера побреюсь, начищу ботинки (купил себе сапожную щетку и крем). Только останусь нестриженным, но это уж от меня не зависит»³.

Но и ожидание этих радостных моментов до последней минуты было часто под вопросом. Козни администрации порой были самыми неожиданными. Один из примеров описан в «Круге», когда лагерное начальство решило запретить поцелуи:

«И Нержин, оставшийся вполне равнодушным и к шмону и к тупой инструкции, которую знал, как обой-

---

¹ Солженицын А. В круге первом. С. 185.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 26 сентября 1947 г.

³ Солженицын — Н.А. Решетовской, 27 сентября 1947 г.

ти, — при запрещении поцелуев почувствовал темный взлет в глазах.

— Раз в год видимся, — хрипло выкрикнул он Клементьеву, и Клементьев обрадованно повернулся в его сторону, ожидал, что Нержин выпалит дальше.

Нержин почти предугадывал, как Клементьев рывкнет сейчас:

— Лишаю свидания!!

И задохнулся.

Свидание его, в последний час объявленное, выглядело полузаконным и ничего не стоило лишить...

Всегда какая-нибудь такая мысль останавливает тех, кто мог бы выкрикнуть правду или добыть справедливость.

Старый арестант, он должен был быть господином своему гневу»¹.

В отличие от Калужской заставы для узников «шарашки» свидания проходили не в Марфино, а в одной из московских тюрем: когда в Бутырках, когда в Таганской, когда в Лефортово. Ведь Марфинский спецлагерь считался секретным.

«Семеро заключенных поднялись в автобус через единственную переднюю дверцу и расселись.

Зашли четыре надзирателя в форме.

Шофер захлопнул дверцу и завел мотор.

Подполковник Клементьев сел в легковую»².

Одно из Лефортовских свиданий в «Круге» описано очень подробно. Отражены все оттенки разговора и все нюансы поведения. Замечены все мелочи в одежде, во взгляде, в интонациях голоса:

---

¹ *Солженицын А.* В круге первом. С. 241.

² Там же. С. 242.

«— У-гм. Вообще девчонки меня ругают за то, что я музыкой увлекаюсь. А я говорю: лучше увлекаться чем-нибудь, чем кем-нибудь...

Это — не между прочим было, это звонко она сказала, это — был удачно сформулированный ее новый принцип! — И она выставила голову, ожидая похвалы.

Нержин смотрел на жену благодарно и беспокожно. Но этой похвалы, этого подбодрения тут не нашелся сказать...»¹

На этом свидании решался очень важный, очень серьезный вопрос о вынужденном фиктивном разводе:

«— Я хотела тебе сказать... Только ты не принимай этого к сердцу — ни хт ваар!(немецк.) — ты когда-то настаивал, чтобы мы... развелись... — совсем тихо закончила она (это и была та третья возможность, — одна, дающая путь в жизни!.. — чтобы в анкете стояло не «разведена», потому что анкета все равно требовала фамилию бывшего мужа, и нынешний адрес бывшего мужа, и родителей бывшего мужа, и даже их годы рождения, занятия и адрес, — а чтоб стояло «не замужем», а для этого — провести развод, и тоже таясь, в другом городе).

Да, когда-то он настаивал... А сейчас дрогнул. И только тут заметил, что обручального кольца, с которым она никогда не расставалась, на ее пальце нет.

— Да, конечно, — очень решительно подтвердил он.

Этой самой рукою, без кольца, Надя втирала ладонь в стол, как бы раскатывала в лепешку черствое тесто.

— Так вот... ты не будешь против... если... придется... это сделать?.. — Она подняла голову. Ее глаза расширились. Серая игольчатая радуга ее глаз светилась просьбой о прощении и понимании. — Это — псевдо, — одним дыханием, без голоса добавила она.

---

¹ Солженицын А. В круге первом. С. 272.

— Молодец. Давно пора! — убежденно твердо соглашался Глеб, внутри себя не испытывая ни убежденности, ни твердости — отталкивая на после свидания все осмысление происшедшего.

— Может быть, и не придется! — умоляюще говорила она, надвигая снова шубку на плечи, и в эту минуту выглядела усталой, замученной.

— Я — на всякий случай, чтобы договориться. Может быть, не придется.

— Нет, почему же, ты права, молодец, — затверженно повторял Глеб, а мыслями переключился уже на то главное, что готовил по списку и что теперь было впору опрокинуть на нее.

— Важно, родная, чтобы ты отдавала себе ясный отчет. Не связывай слишком больших надежд с окончанием моего срока!»¹

Последняя фраза повернула весь ход разговора немного в другое русло. И кульминационный момент свидания стал драматичным:

«Цель была достигнута: отставной гангстер не шелохнулся, успевал только моргать вслед пронсящимся фразам.

Но Глеб забыл — нет, не забыл, он не понимал (как все они не понимали), что привыкшим ходить по теплой, сырой земле — нельзя вспарить над ледяными кряжами сразу, нельзя. Он не понимал, что жена продолжала и теперь, как в начале, изошренно, методично отсчитывать дни и недели его срока. Для него его срок был — светлая холодная бесконечность, для нее же — оставалось двести шестьдесят четыре недели, шестьдесят один месяц, пять лет с небольшим — уже гораздо меньше, чем прошло с тех пор, как он ушел на войну и не вернулся.

---

¹ Солженицын А. В круге первом. С. 272.

По мере слов Глеба боязнь на лице Нади перешла в пепельный страх.

— Нет, нет! — скороговоркой воскликнула она. — Не говори мне этого, милый! — (Она уже забыла о надзирателе, она уже не стыдилась).

— Не отнимай у меня надежды! Я не хочу этому верить! Я не могу этому верить!»¹

В романе очень естественно описана завершающая сцена свидания. Она как бы охлаждает накал, успокаивает, и в то же время усиливает драматизм ситуации:

«— Тебе идет, — грустно кивнула она.

— Что идет?

— Вообще. Здесь. Все это. Быть здесь, — говорила она, маскируя разными, оттенками голоса, чтоб не уловил надзиратель: этому человеку идет быть в тюрьме.

Но такой ореол не приближал его к ней. Отчуждал.

Она тоже оставляла все узнанное передумать и осмыслить потом, после свидания. Она не знала, что выведется из всего, но опережающим сердцем искала в нем сейчас — слабости, усталости, болезни, мольбы о помощи, — того, для чего женщина могла бы принести остаток своей жизни, прождать хоть еще вторые десять лет и приехать к нему в тайгу.

Но он улыбался! Он так же самонадеянно улыбался, как тогда на Красной Пресне! Он всегда был полон, никогда не нуждался ни в чем сочувствии. На голой маленькой табуретке ему даже, кажется, и сиделось удобнее, он как будто с удовольствием поглядывал вокруг, собирал и тут материалы для истории. Он выглядел здоровым, глаза его искрились насмешкой над тюремщиками. Нужна ли была ему вообще преданность женщины?

Впрочем, Надя еще не подумала этого всего.

---

¹ Солженицын А. В круге первом. С. 273.

А Глеб не догадался, близ какой мысли она проходила»¹.

После такого свидания трудно быстро отойти от впечатлений. Душа переполнена гаммой чувств, в голове — рой мыслей. Это — из письма:

«...Сегодня после свидания первые часы я испытывал какую-то неудовлетворенность — она целиком относилась на этот раз к моему собственному поведению: я почему-то настолько напряженно и неестественно держал себя, что многих мелочей не уловил в твоих рассказах и сам не был таким, каков я есть теперь, каким я хотел бы, чтобы ты повидала меня и представила себе. Но к вечеру и эта неудовлетворенность закрылась светлым чувством радости от свидания, от того, что ты такая славная, что мы так любим друг друга. Смотрю на две твои фотокарточки, и не могу налюбоваться на их сочсание. На визитке — это моя Джеммочка, а около дерева — Натсик. Обеих люблю безмерно. И если уж моя отчаянная и моя глупенькая головка, ты решилась ждать и ждать своего мальчика, несмотря ни на что, — искренне заявляю, что верю, что не обману твоего ожидания, твоей любви. (А все-таки передумывай время от времени — ждать ли?)»²

А это — в романе:

«И — опять оба тряслись, вбирая улицу глазами, и отдались перебойчатым мыслям.

...Непостижимо, как Надя может столько лет его ждать? Ходить среди этой суетливой, все что-то настигающей толпы, встречать на себе мужские взгляды — и никогда не покачнуться сердцем? Глеб представлял, что если бы наоборот, Надю посадили в тюрьму, а он сам был бы на воле — он и года, может быть, не выдержал

---

¹ *Солженицын А.* В круге первом. С. 275.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 28 сентября 1947 г.

Студенческая пятерка друзей: А. Солженицын, К. Симонян, Н. Решетовская, Н. Виткевич, Л. Ежерец, Май 1941 года. Все мальчики были влюблены в Наташу, но победил Саня. Такую надпись он сделал на обороте свадебного фото:

Будешь ли ты
при всех обстоя-
тельствах любить
человека с которым
однажды соединишь
жизнь?
27.4.40.

Фронтовые фотографии
А.И. Солженицына

Встреча с Николаем
Виткевичем.
2-й Белорусский фронт,
1944 год.

Н. Виткевич с мамой
Антониной Васильевной и
бабушкой

Н. Виткевич на балконе ресторана
"Дубрава" по пути на дачу
"Борзовка". Лето 1975 года

Когда Н. Решетовская узнала о кончине
Н. Виткевича, над изголовьем своей
кровати она повесила вот этот
портретик Коки

У мужа на
фронте.
Весна 1944 года

"А.И. читает мне роман Горького "Матвей Кожемякин". В момент съемки ветер перевернул листок. Эта фотография очень понравилась А.Т. Твардовскому, когда он был у нас весной 64 года".
(Надпись, сделанная Н.А. Решетовской на обороте фото)

Марфинская "шарашка"

"Три богатыря" — друзья-солагерники Л. Копелев,
А. Солженицын и Д. Панин. 20 августа 1968 года в Подмоскowie

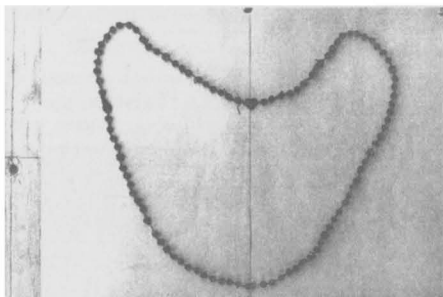

Солженицын — зэк.
(Постановочная
реконструкция после
освобождения)

Скульптурка зэка, отлитая из
расплавленных оловянных
ложек одним из узников
ГУЛАГа Недовым

Четки из хлебного
мякиша, по которым
А.И. Солженицын
запоминал написанные
в лагере поэмы

"Шмон" —
постановочная
реконструкция уже после
освобождения

"Гамлет" - картина
С.М. Ивашева-Мусатова

С.М. Ивашев-Мусатов

Портреты А.И. Солженицына, выполненные на Марфинской
"шарашке" С.М. Ивашевым-Мусатовым

Нина Васильевна
Ивашева-Мусатова —
2-я жена художника
у своей картины

Подаренная
А.И. Солженицыну
С.М. Ивашевым-
Мусатовым картина
"Замок святого Грааля"
висела в квартире
Н.А. Решетовской
до конца ее жизни.

После кончины Натальи
Алексеевны она передана
Александрю Исаевичу

48

Но правда ли во том обращении
слова Жиды из этой книги:

"Все слова Жидей прокляты,
потому что у все такая мабаль,
что перед ней отступит сама с-
собрание раб: вострашится, посмеет
в маме и отступит. Тот же
нигило, кажется, не уйдет так на
виль, сколько бы .. Сам. Так сильно,
так упрямо, всю фанк."

27/10-48.

Каверин из книги "Два капитана"
Каверин, подаркой Н.А. Решетовской
в день их 8го юбилей.
6.10.46

Р

Не пропущенная лагерной цензурой страничка из книги Каверина "Два капитана" теперь уже с двумя автографами Н.А. Решетовской хранится в ее архиве

Аспирантка МГУ Н. Решетовская (крайняя справа)
в общежитии на Стромынке в выходной день. 1946 год

Никто из подруг Н. Решетовской не знал, что она тайно ездит
на свидания с передачами к мужу-заключенному.

На снимке: все жильцы аспирантской комнаты общежития
на Стромынке. Н. Решетовская — крайняя справа в нижнем ряду.
Фото из архива Зинаиды Пироговой (крайняя слева в верхнем ряду)

Н. Решетовская у рояля
во время концерта в
Театре Советской Армии
для делегатов съезда
профсоюзов. Концерт
транслировался по радио и
ее игру слушал в
Марфинской "шарашке"
заключенный
А. Солженицын

В общежитии на Стромынке у пианино с подругой Леной Сиговой

Зинаида Пирогова у книжной полки — общей с Наташей Решетовской

Концерт художественной самодеятельности Рязанского сельхозинститута. У рояля — Н. Решетовская, поет Аэлита Власова

Шура Попова

На фронте

В аспирантуре

Летом 1962 года

Навещает больную
Н. Решетовскую

Ундина Михайловна
Дубова-Сергеева

С Олегом Бошняковичем в одном из подмосковных домов отдыха.
1949 год

Мария Власова — подруга по общежитию на Стромынке — прототип Маши Жидковой в романе "В круге первом" — в Рязани в гостях у Н.А. Решетовской

Н.А. Туркина с сыном Валентином

Тамара Александровна Поспелова, Ольга Дмитриевна Ульянова и ее муж Алексей Николаевич Мальцев — прототип Щагова в романе "В круге первом" — на крыльце химического факультета МГУ

бы. Как же он мог миновать всех этих женщин?.. Никогда он раньше не предполагал в своей слабой подруге такой гранитной решимости. Первый, и второй, и третий год тюрьмы он уверен был, что Надя сменится, перебросятся, рассеется, отойдет. Но этого не случилось. И вот уже Глеб стал понимать ее ожидание как единственно возможное. Так ощущал, будто для Нади стало ждать уже и нетрудно.

Еще с Краснопресненской пересылки, после полугода следствия впервые получив право на письмо, — обломком грифеля на истрепанной оберточной бумаге, сложенной треугольником, без марки, Глеб написал:

«Любимая моя! Четыре года войны ты ждала меня — не кляни, что ждала напрасно: теперь будет еще десять лет. Всю жизнь я буду, как солнце, вспоминать наше недолгое счастье. А ты будь свободной с этого дня. Нет нужды, чтобы гибла и твоя жизнь. Выходи замуж».

Но изо всего письма Надя поняла только одно:

«Значит ты меня разлюбил! Как ты можешь отдать меня другому?»¹

После дороги калейдоскоп мыслей и чувств не отпускает Нержина-Солженицына. Он ищет уединения, чтобы и дальше предаться воспоминаниям:

«Это было досадно. Не хотелось, да просто невозможно было никому рассказывать о свидании, ни с кем делиться, искать ничьего участия. Ни говорить; ни слушать. Хотелось быть одному и медленно-медленно протягивать через себя все это внутреннее, что он привез, пока оно еще не расплылось, не стало воспоминанием. (...)

Черной задней лестницей, по которой никто почти не ходил, минуя составленные там в опрокидку ломаные стулья, он стал подниматься на глухую площадку третьего этажа. (...)

---

¹ Солженицын А. В круге первом. С. 252.

Сейчас Глеб не мог бы представить или вспомнить каких-либо недостатков жены. Она казалась сплетенной из одних достоинств. Из верности.

Жаль, не решился поцеловать ее еще в начале свидания. Теперь этого поцелуя никак уже не добрать.

Губы у жены — развыклые, слабые. И как утомлены! И как затравленно сказала о разводе.

Развод перед законом? Без сожаления относился Глеб к разрыву гербовой бумажки. Вообще, какое дело государству до союза душ? Да и до союза тел?

Вот и Надя. Разводится, чтобы избежать преследований. А разведется — и сама не заметит, как выйдет замуж.

Почему-то от ее последнего помахивания пальцами без кольца сердце сжалось, что именно так прощаются навсегда...

Нержин сидел и сидел в молчании — и избыток послесвиданной радости, который еще распирал его в автобусе, постепенно отлил, тесным и трезво-мрачными соображениями. Но тем самым уравнились его мысли, и опять он стал входить в свою арестантскую шкуру, обычную.

«Тебе идет здесь», — сказала она.

Ему идет быть в тюрьме!

Это правда.

По сути, вовсе не жаль пяти просиженных лет. Еще даже не отдаваясь от них, Нержин уже признал их для себя своеобразными, необходимыми для его жизни.

Откуда ж лучше увидеть русскую революцию, чем сквозь решетки, вмурованные ею?

Или где лучше узнать людей, чем здесь?

И самого себя?

От скольких молодых шатаний, от скольких бросаний в неверную сторону оберегла его железная предугазанная единственная тропа тюрьмы!»¹

---

¹ Солженицын А. В круге первом. С. 322 — 325.

«Нержин застенчиво замялся на предпоследней ступеньке. Он сказал почти шепотом, будто еще кого-то третьего боялся здесь разбудить:

— Нет, нет, Ипполит Михалыч! Я пришел, если можно?.. помолчать здесь...

— Ах, да! Ах, да! Ну, разумеется! — так же тихо закивал художник, быть может уже по глазам заметив или вспомнив, что Нержин ездил на свидание. И отступил, как бы раскланиваясь и показывая кистью и палитрой на чурбачок»¹.

И здесь такая поэзия воспоминаний и переживаний. Ее нельзя читать без волнения:

«В Нержине приятно-тонко ныло разбуженное чувство к жене.

Как будто в драгоценной пылице были те места пальцев, которыми он на прощанье касался ее рук, шей, волос.

Годами живешь без того, что отпущено на земле человеку».

И письма проникнуты такими же переживаниями:

«Моя нежно-любимая, бесконечно-дорогая девочка!

Несмотря на всю неестественность и напряженность, в которой проходила наша встреча — я чувствую сегодня себя освеженным и будто облеченным от какой-то душевной тяжести, хотя, казалось бы, наоборот, — боль за тебя и жалость к тебе должны бы были расстроить меня. Это облегчение — просто от того, что я повидал тебя, посмотрел в твои дорогие серенькие глазки, послушал твой голос.

Вообще же, хоть ты выглядишь сейчас значительно лучше, чем в прошлом году в это время, но легко поверить, что настроение твое тяжелее, чем было раньше. Это очень расстроило и огорчило меня, моя ненаглядная,

---

¹ Солженицын А. В круге первом. С. 324.

родная Джеммочка, Я смотрел на тебя и думал о том самом, о чем сказал — как бы ты неузнаваемо расцвела, пополнила, повеселела, успокоилась, поживи мы с тобой сейчас хоть с полгодика вместе»¹.

Есть и такие вот нежные и поистине поэтические восторги:

«Светлая, ненаглядная девочка!

Не помню, после какого свидания у меня было такое светлое, легкое чувство, как сегодня. От чего это? Не обманула ли ты меня — не нарочно ли преобразилась к свиданию? Но насколько в декабре ты дышала усталостью, насколько тогда у меня разрывалось сердце, глядя на тебя, насколько я тогда вернулся в мрачной безнадежности, настолько я сегодня приехал веселый, с ландышами в руках и удивительно облегченный. Конечно, тут и майский день вложил свою долю, но главное — несмотря ж твои упреки, несерьезные конечно, я вынес ощущение великой прочности любви. Это чувство прочности и неизменности моей любви наполняет меня счастьем. И я знаю, что ничто и никогда не ослабит, не рассеет, не изменит моей любви.

Может, оттого, что у тебя настроение другое, ты и выглядела, на мой взгляд, лучше, чем прошлый раз. И так же, — как всегда — тонкий неповторимый аромат у твоих чувств и душевных движений. И такая же у тебя стройная молодая фигура. Редкая ты женщина, Джеммочка!

Ландыши постоят пока в воде, а потом я засушу их.

С двойным наслаждением буду слушать сегодня бетховенский концерт, зная, что ты тоже его слушаешь.

Бесконечно люблю тебя, Наталочка, тонкую, музыкальную, нежную»².

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 20 июня 1948 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 29 мая 1949 г.

Есть и шутливо-заботливые:

«Коржики с удовольствием съел (Это тети Веронины? Я прослушал — вот такие мелочи меня и злят; если ее — спасибо ей от меня. Привет ты и сама догадаешься передать), а одно из яблочек тоже и один помидор. Очень хорошо, что не принесла мне их больше — кушай сама, мне так приятней. Изволь к следующему свиданию выглядеть еще настолько же лучше, насколько стала сегодня лучше, чем в июне»¹.

Воспоминания вообще играли большую роль в нашей жизни. В одном из писем Саня напомнил мне день, когда он признался мне в любви. И я этот день запомнила на всю жизнь. Были и удивительные совпадения: в апреле 1947 года Саня мечтательно написал: «Надеюсь, что с нашим днем свадьбы — венчальным днем, как красиво было бы его называть — я поздравлю тебя с поцелуем». И ровно через год нам дали свидание именно 27 апреля — в день очередной годовщины нашего бракосочетания.

К этому дню я подготовила ему подарок — книгу Каверина «Два капитана». На книге сделала надпись:

«Не правда ли ко мне обращены слова Пети из этой книги:

«Все снова будет прекрасно, потому что у вас такая любовь, что перед ней отступит самое страшное горе: встретится, посмотрит в глаза и отступит. Больше никто, кажется, не умеет так любить, только Вы и Саня. Так сильно, так упрямо, всю жизнь». «27/IV-48»

Эту надпись не пропустили, заставили вырвать — книги с надписями не принимались. Этот листок остался у меня и до сих пор хранится как дорогая реликвия. А вот Санина реакция на мой подарок:

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 28 сентября 1947 г.

«26-го получил съестную часть твоей передачи, а 27-го — и книжку. Эту книжку я читал на 1-е и 2-е мая и дочитываю сейчас. Хоть на ней не было твоей обещанной сопроводительной надписи, но даже и если бы ты не написала мне в прошлом письме, почему ты мне ее посылаешь, я думаю, понял бы это, читая ее. Десятки, если не сотни мест я находил там таких, где невольно останавливался, зная, что и ты должна была на них остановиться, и, угадывая те мысли и воспоминания о *нашей* любви, которые вероятно возникали у тебя в этих местах. Таким образом, я не столько читая самого Каверина, который, кстати, разонравился мне по этой книге, хотя и по «Исполнению желаний» я был не в таком уж восторге от него, сколько мысленно беседовал с тобой и думал о нашей любви. И приятно было сознавать, что ты — это только любящая женщина может — очевидно, именно под таким (и под таким вернее) углом зрения читаешь попадающиеся тебе книги. Мне кажется, что если б я встретил эту книгу независимо от тебя, я бы не смог первый так на нее взглянуть, как ты взглянула, а наверно начал бы с того, что нашел бы там кучу недостатков и вообще бросил бы читать. Но это, наверно, просто мужское свойство. Это ни в какой степени не доказывает — слышишь ты? — чтоб я любил тебя хоть на бусинку меньше, чем ты меня.

Ты одна освещаешь постоянным смыслом и неугасающим теплом всю мою жизнь. Пока у меня есть ты, я так богат в сердце своем, что могу переносить все наружные неприятности. После семи лет разлуки моя уверенность в нашем с тобой будущем счастье только возрастает. Видно есть разный материал для сердец и наш с тобой не подвержен воздействию времени»¹.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 5 мая 1948 г.

В «Круге» у Солженицына тоже есть совпадения свиданий и дат. Только не с очередной годовщиной свадьбы, а со своим днем рождения совместил автор свидание с женой в романе. И вечером, когда друзья собрались поздравить его, и прозвучал тост за именинника, он с пафосом возразил:

« — Нет, братцы. Право именинника я использую только, чтобы нарушить традицию. Я... видел сегодня жену. И увидел в ней... всех наших жен, измученных, запуганных, затравленных. Мы терпим потому, что нам деться некуда, — а они? Выпьем — за них, приковавших себя к ...

— Да! Какой святой подвиг! — воскликнул Кондрашев.

Выпили»¹.

Весь драматизм этого святого подвига обнажен в «Круге», когда жены, в ожидании свидания, размышляют о подвиге декабристок, пытаясь сравнить себя с героинями XIX века. Наде, затронувшей эту тему, возражает жена инженера Герасимовича:

« — Милая! Легко было любить в девятнадцатом веке! Жены декабристов — разве совершили какой-нибудь подвиг? Отделы кадров — вызывали их заполнять анкеты? Им разве надо было скрывать свое замужество как заразу? — чтобы не выгнали с работы, чтобы не отняли эти единственные пятьсот рублей в месяц? В коммунальной квартире — их бойкотировали? Во дворе у колонки с водой — шипели на них, что они враги народа?

Родные, матери и сестры — толкали их к трезвому рассудку и к разводу? О, напротив! Их сопровождал ропот восхищения лучшего общества. Снисходительно дарили они поэтам легенды о своих подвигах. Уезжая в

---

¹ Солженицын А. В круге первом. С. 407.

Сибирь в собственных дорогах каретах, они не теряли вместе с московской пропиской несчастные девять квадратных метров своего последнего угла и не задумывались о таких мелочах впереди, как замаранная трудовая книжка, чуланчик, и нет кастрюли, и черного хлеба нет!.. Это красиво сказать — в тайгу! Вы, наверное, еще очень недолго ждете!

Ее голос готов был надорваться. Слезы наполнили Надины глаза от страстных сравнений соседки.

— Скоро пять лет, как муж в тюрьме, — оправдывалась Надя. — Да на фронте...

— Это не считайте! — живо возразила женщина. — На фронте — это не то! Тогда ждать легко! Тогда ждут — все. Тогда можно открыто говорить, читать письма! Но если ждать, да еще скрывать, а??

И остановилась. Она увидела, что Наде этого разъяснять не надо»¹.

Вообще, если вдуматься, не столько декабристами, сколько декабристками восхищаются уже второе столетие потомки. Нам же стать декабристками, к сожалению, не позволили. Не позволили обстоятельства, не позволила сама эпоха, так не похожая на романтическую эпоху начала XIX века. Во всем права Наталья Павловна Герасимович. Умудренно права, ибо ей пришлось и пожить, и пережить гораздо больше, чем Наде. Мы видим это глазами самого инженера Герасимовича на их первом свидании после стольких лет разлуки:

«Первая мысль была — какая она стала непривлекательная: глаза подведены впалыми ободками, у глаз и губ — морщины, кожа лица — дряблая, Наташа совсем уже не следила за ней. Шубка была еще довоенная, дав-

---

¹Солженицын А. В круге первом. С. 266—267.

но просилась хоть в перелицовку, мех воротника проредился, полег, а платок — платок был с незапамятных времен, кажется, еще в Комсомольске-на-Амуре его купили по ордеру — и в Ленинграде она ходила в нем к Невке по воду.

Но подлую мысль, что жена некрасива, исподнюю мысль существа Герасимович подавил. Перед ним была женщина, единственная на земле, составлявшая: половину его самого. Перед ним была женщина, с кем сплеталось все, что носила его память. Какая миловидная свежая девушка, но с чужой непонятной душой, со своими короткими воспоминаниями, поверхностным опытом — могла бы заслонить жену?»¹

Да, жену Герасимовичу никто не мог заслонить. Она достойна низкого поклона за свой мучительный подвиг ожидания, за все жизненные тяготы и невзгоды, за голод и холод, за лишения и страдания, выпавшие на ее долю.

Вместе с Натальей Павловной в разговоре была активна еще одна женщина, тоже ждущая свидания. В романе она безымянна, но судьба ее представляет особый интерес. «Когда ее муж — гравер — оказался в безвыходном положении зэка — изменника Родины, его вторая жена, на которую он когда-то променял эту, отказалась от него: «Лучше б он изменил мне, чем Родине! Мне б тогда легче было его простить!» Тогда он взмолился к ней, к первенькой — и она стала носить ему передачи, и ходить на свидания — и теперь он умолял о прощении и клялся в вечной любви»².

Эту свою историю безымянная женщина сама охотно рассказывала всем ожидавшим свидания. Не скрывала, как боготворит своего мужа и считает его великим талан-

---

¹ Солженицын А. В круге первом. С. 276—277.

² Солженицын А. В круге первом. С. 264.

том, несмотря на то, что он бросил ее с ребенком, ушел к какой-то рыжей. Она забыла все обиды, все ему простила. А «Наде отозвалось, как при этом рассказе жена гравера с горечью предсказывала: должно быть, если мужья сидят в тюрьме, то вернее всего — изменять им, тогда после выхода они будут нас ценить. А иначе они будут думать — мы никому не были нужны это время, нас просто никто не взял. Отозвалось, потому что сама Надя думала так иногда»¹.

Надя подобное допускала только в мыслях иногда. Но есть другой пример. Это — Вера Ивановна Винницкая, изрекшая однажды: «Жены врагов народа жили так, как будто сами были в чем-то виноваты». В ее истории было все: и преданность женщины, и заботы о муже, и ожидание. Было все, кроме верности в полном смысле этого слова. Она лелеет мечту дождаться своего любимого, а у того — 10 лет по пресловутой 58-й статье. Чтобы дождаться — она должна сохранить себя для него, а значит — жить полной здоровой жизнью. И она на время ожидания соединяет свою судьбу с другим. Она живет с другим, продолжая мечтать о будущей, настоящей, истинной жизни с ее любимым Андреем. И она делает все, чтобы облегчить его лагерное существование: шлет сердечные письма, скрупулезно собирает посылки, «как елку украшает». О свиданиях только мечтает — в Потьминских лагерях их не дают.

Но это не останавливает Веру Ивановну. Как только узнала, где конкретно находится муж, она поехала в Потьму, разыскала его лагерь, проникла в производственную зону и с фотографией мужа от ээка к ээку, от конвоира к конвоиру пошла искать своего Андрея. И дошла! Андрей сидел на крыше барака и ремонтировал

---

¹ *Солженицын А. В круге первом. С. 264 — 265.*

кровлю. Он обернулся на зов и обмер, увидев здесь, в зоне — ее!

Был и беспрецедентный в истории их отношений авантюрный момент. Вера Ивановна из дома по своему московскому телефону заказала Потьму, назвала соответствующий лагпункт и начальственным голосом приказала позвать такого-то. Не поняв, кто говорит, в лагере мужа позвали к звонку из Москвы.

И вот, живя с другим, Вера Ивановна узнает, что ее любимого Андрея, отбывшего всего только половину срока, неожиданно «списали по болезни». Не задумываясь, она едет в Потьму, забирает изможденного и неузнаваемого Андрея и привозит в Москву попросту «скелет».

После этого они прожили вместе 16 лет. Их разлучила смерть Андрея. Незадолго до кончины он ей сказал: «Если бы я снова начинал жизнь, — я бы снова на тебе женился...»

К сожалению, не всегда женщину, совершившую подвиг верного ожидания, ждало счастливое супружество после возвращения мужа из лагеря. Характерным примером является здесь судьба моей подруги по несчастью Евгении Ивановны Паниной-Голобородько. Ее муж — Дмитрий Михайлович Панин — по роману «В круге первом» Дмитрий Александрович Сологдин — по доносу соседа попал в ГУЛАГ и волею обстоятельств оказался в Марфинской «шарашке» вместе с Солженицыным. Они подружились. А я подружилась с его женой — Евгенией Ивановной.

Познакомились мы в ожидании одного из свиданий. И долго не подозревали, что наши мужья — большие друзья. Я бывала у Евгении Ивановны дома. Мы вместе с ней ездили к Марфинской «шарашке». Адрес этого заведения мы не имели права знать, но так получилось, что

администрация лагеря своевременно не предупредила эков о секретности объекта, и Саня сообщил мне адрес на первом же свидании.

Мы с Евгенией Ивановной стали этим пользоваться: часто прогуливались по Владыкинскому шоссе, возвышавшемуся над двориком «шарашки», и пытались отыскать глазами знакомые фигуры своих суженых. Однажды мы с ней чуть не попались. На шоссе близ «шарашки» некто в штатском потребовал предъявить документы и следовать за ним. Я ответила, что сейчас не военное время, чтобы носить с собой паспорта. И следовать за ним мы не стали, а пустились наутек, аж пятки сверкали. Потом совсем осмелели, стали проникать в примыкающий к «шарашке» дворик и сквозь щелку в заборе наблюдать за «отдыхающими» эками, пытаясь увидеть близко и Саню, и Митю.

Евгения Ивановна ждала мужа в общей сложности 15 лет. Ждала мучительно, и преданно. Вот как об этом в романе:

«...Его жена иссушила молодость в бесплодном ожидании. Чтобы не быть уволенной с нынешней работы, как ее уже увольняли со многих, она солгала, что мужа у нее вовсе нет, и прекратила с ним переписку. Своего единственного сына Сологдин никогда не видел: при его аресте жена была беременной»¹.

Все это взято из ее действительной истории. Только в жизни это было куда суровее и драматичнее. Евгения Ивановна не только прекратила переписку, она отказалась от свиданий, а позже вынуждена была формально с ним развестись, чтобы работать по специальности (она была инженером-строителем).

Что касается мужа, то:

---

¹ Солженицын А. В круге первом. С. 171.

«Сологдин прошел чердынские леса, воркутинские шахты, два следствия — полгода и год, с бессонницей, изматыванием сил и соков тела. Давно уже было затоптано в грязь его имя и его будущность. Имущество его было — подержанные ватные брюки и брезентовая рабочая куртка, которые сейчас хранились в каптерке в ожидании худших времен. Денег он получал в месяц тридцать рублей — на три килограмма сахара, и то не наличными. Дышать свежим воздухом он мог только в определенные часы, разрешаемые тюремным начальством».¹

И когда Дмитрий Михайлович, отбыв срок, оказался в ссылке, Евгения Ивановна сумела добиться его возвращения в Москву. Жизнь у них не сложилась в основном из-за сына, которому было уже 15 лет, и он трудно поддавался отцовскому перевоспитанию. Отец философски переосмыслил все превратности своей судьбы и твердо уверовал в Бога. Этого же стал требовать и от сына, что в корне противоречило тогдашнему школьному воспитанию.

Евгения же Ивановна всеми силами старалась сохранить семью. Из большой любви к мужу она во многом шла ему навстречу. Но заступилась за сына, когда отец в отчаянии стал бросать в него бутылки. Так прошла трещина в семейных отношениях. Муж ушел на другую квартиру. Позже единственной общей территорией стал дачный участок, отведенный Панину. Отныне преимущественно там стали общаться супруги.

Евгения Ивановна не знала, что ее муж не только инженер, но и философ. Он никогда не делился с ней своими философскими мыслями, полагал, что она это не поймет. Видя бесперспективность быть напечатанным и признанным на Родине, он постепенно стал переправлять свои работы на Запад. Даже к нам в Рязань приезжал, чтобы переснять рукописи на фото пленку.

---

¹ Солженицын А. В круге первом. С. 171.

И когда мы виделись с ним в последний раз, он сказал, что уезжает «к своим работам». Это было весной 1972 года. Для этого он женился на еврейке Изе Черняк, ведь брак с Евгенией Ивановной восстановлен не был. Хотя позже мне стало известно, что с Изой Черняк он даже обвенчался в католическом храме.

Чтобы Евгения Ивановна легче пережила его отъезд за границу, он специально продолжительное время с ней не встречался и даже не созванивался. А прощаясь со мной, просил меня поддержать его бывшую спутницу жизни.

Когда я, наконец, отважилась сообщить Евгении Ивановне об эмиграции Дмитрия Михайловича, та не поверила мне. Ее муж — русофил и... какая-то еврейка?! Это не укладывалось в сознании моей подруги. Да и в самом деле, вспомним, как в романе «В круге первом» Сологдин придумывал слова, чтобы они не походили на иностранные, старался сделать наш язык более русским (не инженер, а зиждитель и т.п.).

От мужа своего Евгения Ивановна много раз слышала, что он хочет закончить жизнь в монастыре. Она больше поверила этому и все Лето 1972 года, первое лето после его бегства, ездила по монастырям и искала своего Митю. Она так и скончалась, не увидев его.

И Дмитрия Михайловича уже нет в живых, он умер и похоронен в Париже. Его вторая жена Исса Панина много сделала для опубликования его философских произведений. И это случилось. Сначала на Западе, а теперь и у нас труды Дмитрия Панина опубликованы и доступны всем.

17 ноября 1993 года в интервью корреспондентке «Московского комсомольца» Н. Дардыкиной Исса Панина попутно оскорбила уже покойную Евгению Ивановну, заявив, что та будто бы «отреклась» от мужа. Сын Евгении Ивановны — Сергей Дмитриевич Панин — подал в

суд, заступился за честь матери. Обращение Сергея Панина к А.И.Солженицыну с просьбой заступиться за мать натолкнулось на равнодушие. Сергей Дмитриевич получил короткую отписку:

«Что [Дмитрий Панин] — Сологдин из «Круга», это все известно, рассказано им самим в мемуарах «Записки Сологодина», подтверждается и в приложенной Вами газетной вырезке. Стало быть, все сказанное в «Круге» и относится к его тогдашней жене. Так же в «Круге» ясно описана безвыходность для тогдашних жен заключенных — разводиться с ними формально.(...)»

Вполне сочувствую Вам в Вашем тяжелом положении отстаивать честь своей матери, которая, действительно, не бросала мужа, а выручала его многолетне — бросил ее он»¹.

Похоже, Александр Исаевич забыл, как много доброго сделала для него Евгения Ивановна в годы ссылки, когда я временно отошла от него. Как напоминание об этом процитирую из письма Солженицына ко мне от 30 мая 1956 года:

«...Если будешь когда приезжать в Москву и появиться охота — загляни к Евгении Ивановне, твоя счастливая встреча с которой полтора года назад вернула мне полмира. Муж ее уже дома теперь, я с ним очень дружен — и в их доме всегда будут знать самые свежие новости о том, где я и что я. Е.И. сохранила о тебе самые теплые воспоминания и самые лестные отзывы»².

А вот художника Ивашева-Мусатова жена не дождалась. Вернувшись из лагеря он был на грани самоубийства. Но, неожиданно от своей матери узнал, что все годы его любит и ждет одна из его учениц по университетской

---

¹ Солженицын — С.Д. Панину 25 августа 1994 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 30 мая 1956 г.

изостудии, преподававшая физику, но подававшая большие надежды в живописи — Нина Васильевна Герасимова. Это было спасением. Они встретились и не расставались до самой его кончины. Уж так получилось, что Сергей Михайлович был намного старше Нины Васильевны, оказался ровесником ее отца. Сама же Нина Васильевна благодаря мужу стала большой художницей. Мне довелось побывать на ее выставке, устроенной частным порядком. Сильное впечатление произвели на меня все ее картины. Сейчас они, к сожалению, разбросаны по частным коллекциям, а девять — украдены и находятся где-то в Прибалтике. Одно из ее творений — «Утро туманное» — висит в моей комнате. А Нина Васильевна одиноко выживает в наше трудное время на свою мизерную пенсию, не имея возможности ни красок купить, ни холст, ни подрамник. Выживает в своей московской квартире, где на видном месте — ее портрет, когда-то написанный любимым мужем — Сергеем Михайловичем Ивашевым-Мусатовым. Очень много грампластинок — здесь всегда любили музыку, утро начиналось Бахом. Книги, в основном альбомы по искусству, а среди художественных — «В круге первом» Солженицына, где ее муж выведен под фамилией Кондрашева-Иванова, у которого Нержин нашел уединение после свидания с женой. Это он — Кондрашев-Иванов воскликнул за лицейским столом после тоста именинника о женах: «Да, какой святой подвиг!»

Я была лично знакома с женой еще одного «шарашечного» друга Сани — с Екатериной Васильевой Семеновой. Здесь тоже была абсолютная преданность и верность. На сей раз со счастливым концом.

Солженицын почему-то не отразил в своем романе всю трогательность их свиданий, а рассказывал мне неоднократно. Екатерина Васильевна жила трудно, и не она ему передачу, а он, в период своего нахождения в

«шарашке», передавал буханку хлеба. Надзиратель отворачивался, чтобы не смутить заботливого зэка и его жену.

После освобождения Николая Андреевича — супруги были неразлучны до самой смерти. Даже золотую свадьбу успели отпраздновать.

Прежде чем окончательно осесть в Ленинграде, Н.А.Семенов принимал участие в строительстве сначала Куйбышевской, потом Воткинской ГЭС на Каме. Мы с Саней побывали у них там летом 1962-го. Видели, какой идеальный домашний уют жена создала своему Андреичу. Она это делала везде, куда их заносила кочевая жизнь гидростроителей. Более того, Екатерина Васильевна была для мужа-начальника великолепным диспетчером. Она всегда знала, где в данный момент находится ее муж, и помогала разыскать его всем, звонившим по их домашнему телефону.

Еще один друг Солженицына по Марфинской «шарашке» — Лев Зиновьевич Копелев (в романе — Рубин), освободившись, вернулся к своей жене Надежде Осиповне Колчинской и двум уже выросшим дочерям Майе и Лене. Первый год он писал Сане в ссылку, что влюблен в свою жену сильнее, чем раньше. Некоторых это удивляло, что общего: он — литературовед, она — химик.

Но этого нового всплеска чувств хватило всего на год. На его пути встретилась Раиса Давыдовна Орлова. Их сроднила общность интересов: оба литературоведы, он — по немецкой, а она — по английской и американской литературе. И тоже две дочери, примерно ровесницы Копелевским.

Можно ли винить за это Льва Зиновьевича? Скорее надо отдать ему должное, он сохранил связь со своей прежней семьей и в отличие от того же Солженицына не вычеркнул первую жену из своей жизни. В книге «Утоли моя печали» он нашел добрые слова благодарности и для первой и для второй жены:

«Вопреки всему дурному, к чему я был причастен, — и лишь поздно и тем более тягостно сознавал свою вину, — вопреки всем бедам, которые я испытал, я чувствую себя счастливым.

Потому что моей первой женой была Надежда Колчинская — деятельно добрый, самоотверженный друг без страха и упрека.

Потому что Раиса Орлова-Копелева стала моим вторым Я»¹.

Судьба супругов Зубовых заслуживает особого описания. Они оба оказались за колючей проволокой, оба получили одинаково — по десять лет за то, что мать Николая Ивановича пожалела и на две ночи приютила в своем доме дезертира. Матери было под восемьдесят и ее пощадили. А пятидесятилетний сын и сорокалетняя невестка ответили за ее «вину».

Это им посвятил Солженицын целых две главы в «Раковом корпусе», где он вывел Зубовых под фамилией Кадминых. «Кончилась война — и тот дезертир был отпущен по великой сталинской амнистии 1945 года (историки будут голову ломать — не поймут, почему именно дезертиров простили прежде всех — и без ограничений). Он и забыл, что в каком-то доме ночевал, что кого-то потянул за собой. А Кадминых та амнистия несколько не коснулась: ведь они были не дезертиры, они были враги. Они и по десятке отбыли — их не отпустили домой: ведь они не в одиночку действовали, *а группой, организацией* — муж да жена! — и полагалось им в вечную ссылку»².

---

¹ Копелев Л. Утоли моя печали. США, Ардис, 1981. С. 316.

² Солженицын А. Раковый корпус. М., Центр «Новый мир», 1991. С. 188.

Елена Александровна отбывала срок в Красноярском крае на лесоповале, а Николай Иванович — в Южном Казахстане. Трудно представить, сколько усилий предприняли супруги, чтобы получить разрешение быть вместе, год вели переписку с руководством ГУЛАГа. Добились, этим местом оказался поселок Кок-Терек в Джамбульской области. Там с ними и подружился Солженицын. И не просто подружился, а полностью доверился.

Их жизнь — яркий пример идеального супружества.

«Досталась им буханка светлого хлеба — радость! Сегодня фильм хороший в клубе — радость! Двухтомник Паустовского в книжный магазин привезли — радость! Приехал техник и зубы вставил — радость! Прислали еще одного гинеколога, тоже ссыльную, — очень хорошо!»¹

Супруги Зубовы заменили Солженицыну как бы весь мир. Ему хотелось все время с ними делиться всеми своими переживаниями, мыслями, планами. По его письмам к ним мной подробно восстановлен целый период жизни Александра Исаевича, названный им «Тихое житье»². Но это уже отдельная тема...

Из ссылки супруги Зубовы вместе переехали в Крым — на родину Елены Александровны. Их разделила только смерть. У них было «решение — умереть вместе: один умрет, другой сопровождает, ибо зачем и для кого ему оставаться?»³ Елена Александровна умерла первой. Через несколько лет — и Николай Иванович. Попытки друзей похоронить его на том же кладбище, где лежала жена, были тщетны. То кладбище уже закрыли для захоронений. Так любящие супруги смертью оказались разделе-

---

¹ Солженицын А. Раковый корпус. С. 187.

² Имеются в виду совместно прожитые нами годы в Рязани до пришедшей к нему славы (1957 — 1962 гг.).

³ Солженицын А. Раковый корпус. С. 187.

ны навсегда. Разделены здесь, на этой земле. А там, на небе, я уверена, их души воссоединились и не расстанутся никогда.

А в памяти Александра Исаевича Солженицына они остались, как в «Раковом корпусе»: «Стройненький седенький Николай Иванович берет под руку круглую, тяжелеющую не без болезни Елену Александровну, и они чинным шагом выходят за крайние дома смотреть закат. Оранжево-розово-ало-багряно-багровый степной закат — наслаждение!»¹

Что касается жен других эков, чья судьба пересеклась с судьбой Солженицына, могу рассказать лишь о немногих.

Самым запоминающимся человеком в Лубянской тюрьме, с которым Солженицын сидел в одной камере и любил общаться во время прогулок — был эстонец Арнольд Юханович Сузи. После освобождения он тоже вернулся в свою семью. Его сын уже жил самостоятельно в Тарту. А у дочери Хэли уже родился внук Арнольда — маленький Юхан. Счастье встретившихся после долгой разлуки супругов было недолгим. Жена Сузи вскоре умерла, а сам он больше никогда не женился, остался верен той единственной, дождавшейся.

В 1946 году Александра Исаевича свела судьба в одной камере Бутырок с профессором Тимофеевым-Рессовским — организатором научного кружка, в котором и Солженицын делал перед сокамерниками доклады об артиллерии и атомной бомбе. С этим профессором мы неожиданно встретились в Обнинске, где он жил с женой Еленой Александровной. Более понимающих друг друга супругов мы, пожалуй, не встречали (разве что Зубовы). Они прожили остаток жизни в любви и согласии.

---

¹ *Солженицын А. Раковый корпус. С. 187.*

Уже позже «шарашки» на Куйбышевской пересылке Александр Исасвич познакомился с Арсением Ивановичем Формаковым. Любовь к музыке и литературе сделала их друзьями. Дружба возобновилась после отклика Формакова на «Один день Ивана Денисовича». Мы даже в гостях у него побывали, посетив Ригу. Его жена — Анна Ивановна — все годы заключения скрывала от мужа, что утонул их сын. Осталась дочка-близняшка. Анну Ивановну я всегда помню с каким-то поникшим, печальным лицом. Эти супруги дожили до золотой свадьбы. Только Арсений Иванович уже сидел за столом частично парализованный, но не терял оптимизма. И на свадебных фотографиях этот оптимизм очень заметен. Это он так высоко оценил подвиг своей жены и всех жен, ожидавших мужей из заключения, написав Солженицыну слова, приведенные ранее.

* * *

В Марфинской «шарашке» Александр Исаевич пробыл до мая 1950 года. Я же за год до этого вынуждена была уехать из Москвы: не удалось избежать засекречивания, заполнения спецанкеты.

С осени 1943 года в мою жизнь прочно вошла Рязань. Я полагала, что, уехав из Москвы, я этим избежала развода с Саней. Но и в Рязанском сельхозинституте мне через некоторое время предложили заполнить такую же анкету. Стало ясно: развода не избежать. Но только не в Рязани, где меня уже знают, разводиться.

На единственном в тот год свидании я сообщила Сане, что формально развод просто необходим. Понимая ситуацию, он и раньше давал на это согласие, и сейчас не стал возражать.

Поехала в Москву, явилась в суд, где уже начинала дело о разводе, притворилась москвичкой, назвав адрес тети Верони, а паспорт у меня никто не попросил. Так мой развод с Саней стал преопределен.

Тем временем у Сани происходят большие перемены. О них он писал мне из куйбышевской пересылки 26 июня 1950 года:

«Моя ненаглядная любимая девочка! Если ты получила только мое письмо от 15/V, то ты долгое время находилась, а может находишься и сейчас в приятном заблуждении, что я — на старом месте, на самом деле через 4 дня после него — 19/ V, я совершенно неожиданно для себя уехал оттуда, правда, не думал я, что это будет так скоро, очень хотелось прожить там еще до будущего лета, но обстоятельства шаг за шагом ускоряли отъезд и сделали его неизбежным. Уехал я вполне по-хорошему, так что ты не беспокойся. По пословице: все, что Бог делает — все к лучшему»¹.

Саня пока не знает, куда попадет, как сложится его дальнейшая судьба. «Может быть, не обойдется и без того, чтобы попросить у тебя помощи. Видно будет. Во всяком случае, докуриваю свой запас папирос и категорически решил бросить курить до конца срока»².

Если условия окажутся тяжелыми, Саня мыслит попробовать написать заявление в Рыбинск, где он работал в 46 — 47 годах, и откуда его с такой неохотой отпускали. Он надеется, что его туда возьмут с удовольствием. И, несмотря на полную неизвестность и неопределенность будущего, Саня преисполнен оптимизма:

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 26 июня 1950 г.

² Там же.

«Настроение свое никак не могу сравнить с настроением лета 45-го года, когда находился в таком же точно положении: во-первых, нет впереди этого огромного груза лет, во-вторых, чувствую себя легко и привычно во всей этой обстановке, в-третьих, выгляжу как огурчик, здоров и полон сил, в-четвертых, очень доволен последними минувшими двумя годами»¹.

Из письма узнаю, что Саня больше месяца находился в Бутырках и не имел возможности сообщить мне об этом. Если б я случайно обратилась туда, то нам могли бы дать свидание, но, знать, не суждено.

Более того, из Бутырок в Куйбышев он ехал через город, в котором в то время жила я: «Вчера рано утром ташкентским поездом проезжал Рязань... Вообще повторил свой путь 42-го года,² но Саранск оставил слева, а сейчас нахожусь в Куйбышеве. Дальнейшего направления пока не знаю, наверняка — за Челябинск»³.

И вот какие чувства переполняют его сердце, когда свиданию в Бутырках не суждено было состояться, когда везут неизвестно куда, возможно, за Уральский хребет, где никакие свидания просто не возможны:

«Любимая моя, светик мой! Люблю тебя по-прежнему нежно и горячо, и самые светлые и самые сокровенные мои представления о будущем воплощаются в тебе. Сейчас для меня, непохожего на прежнего, все лишения, которые я переносу, по сути дела сводятся только к одному — к тому, что я лишен тебя. Я горячо верю, что наше счастье впереди»⁴.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 26 июня 1950 г.

² Имеется в виду переезд в резерв после окончания Костромского артиллерийского училища.

³ Солженицын — Н.А. Решетовской, 26 июня 1950 г.

⁴ Там же.

Меня он пытается успокоить:

«Если с нового места буду писать раз в 6 — 10 реже, чем со старого (а это возможно), то все равно не придумывай себе ничего страшного. Все в порядке»¹.

В конце письма муж хвастается, что в дальний путь уезжает с большим «богатством»: «Вообще удивляюсь, что у меня до сих пор еще много барахла. Кроме чемодана приходится таскать мешок»². Но среди этого богатства конечно весомее всего богатство духовное. Но разве увезешь все?

«Большую часть книг пришлось раздарить или бросить, но несколько везу с собой, в том числе 2-й том Даля. Если когда-нибудь попадетя тебе 1-е, 2-е или 5-е (Гослитиздат, 1935 г.) издание словаря Даля — приобрети их. Это — вечные книги и читать их не устанешь до гроба. (...) А Есенинская книжка возвратилась ко мне, я не писал тебе? Это произошло за несколько дней до отъезда, оправдывая надпись: «Так и все утерянное к тебе вернется»»³.

Буквально через неделю, 3 июля 1950 года, все с той же Куйбышевской пересылки Саня пишет еще одно письмо. Пользуется тем, что пока нет лимита на письма. Да и дата уж очень памятная: 12 лет назад, вечером 2 июля 1938 года он объяснился мне в любви. Конечно, в этот вечер он весь предался воспоминаниям молодости. С ними и засыпал. Отсюда и сон такой:

«Родная моя! Сегодня ночью (ты помнишь, 12-я годовщина какого вечера нашей любви была вчера?) ты ярко приснилась мне. Я будто сюрпризом для тебя купил билеты в кино, пришел к тебе и зову идти. А ты так об-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 26 июня 1950 г.

² Там же.

³ Там же.

радовалась, просияла вся, схватила меня за руку и осветилась благодарностью. И мне стало мучительно стыдно: почему же я чаще не доставлял тебе этого удовольствия? И только проснувшись, понял почему... Миленькая девочка, Натсик мой! Как мне хочется быть когда-нибудь хорошим-хорошим мужем для тебя!»¹

Здесь же он сообщает мне примерный маршрут свой: «Дальнейший мой путь пролегает через Челябинск и Новосибирск. (...) Хотя дело затягивается, но помощи мне никакой не нужно: кормят недурно, да и силы мои не потрепаны, здоров и чувствую себя хорошо»².

В Рыбинск Саня все-таки отослал заявление насчет работы, чувствуется его с трудом скрываемое душевное смятение перед неизвестностью и предстоящими трудностями, но передо мной он всячески сглаживает это:

«Не знаю, может быть, это благодатное свойство человеческой природы, а может быть интуиция, но хотя я до 19/V не хотел уезжать, — в самый этот день я принял известие о своем отъезде совершенно равнодушно, а во все последующие дни испытывал скорее облегчение, чем сожаление.

Вообще, не огорчайся из-за меня. Посмотрим еще, как будет мне на новом месте, все-таки $2\frac{1}{2}$ года — это не вечность. Может быть, попаду в такое место, где будут зачеты (такой порядок, когда один отработанный день считается за $1\frac{1}{2}$ или 2), тогда — совсем хорошо»³.

И осторожничает насчет отказа от помощи: «на худой конец, может быть, придется просить тебя присылать рублей по 50—80 в месяц. А может быть и обойдусь»⁴.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 3 июля 1950 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Моя мама обеспокоена Саниным маршрутом. Она мысленно уже готова послать ему комплект теплых вещей в его холодную Сибирь. Делая приписку к моему посланию, она заботливо предлагает ему все это.

«Дорогая мамочка! (...) относительно одежды Вы одновременно и трогаете и смешите меня: барахла у меня вдвое больше, чем нужно, одних брюк накопилось 4 шт., да я еще раздавал их. Все, что мне нужно будет — мне выдадут. А что касается питания, то пока загадывать рано: пока что я и сыт и здоров»¹.

А в следующем, последнем письме из Куйбышева 25 июля успокаивает меня: «Относительно теплых вещей — совершенно не беспокойся: меховую жилетку, шапку и рукавицы я сохранил, есть и телогрейка, а остальное мне выдадут»².

И здесь же радостное сообщение: «Курить бросил — уже 10-й день не курю — и с каждым днем становится все легче. Бросил для того, чтобы оздоровлением легких компенсировать ухудшение условий питания»³.

Но и это письмо написано не в простую дату. Оно проникнуто романтическим настроением от воспоминаний нашего приезда в Тарусу 25 июля 1940 года, где мы провели свой медовый месяц:

«В сегодняшний незабываемый день, как же не написать тебе письма? Скинуть бы с плеч двенадцатилетний груз и перенестись в этот вечер без огня, с накрапом дождя, быстрыми темными летними тучами по сумеречному небу и таинственным полусветом необставленной вымытой сосновой избушки!»⁴

---

¹ Солженицын — М.К. Решетовской, 5 июля 1950 г.

² Солженицын — Н.А.Решетовской, 25 июля 1950 г.

³ Там же.

⁴ Там же, но Солженицын ошибся на 2 года.

В Тарусе мы уединялись в лесу, и Саня читал мне «Войну и мир» Толстого. И вот через 10 лет он пишет мне, что в Бутырках прочитал книгу В.А. Жданова «Любовь в жизни Льва Толстого»:

«...Это — потрясающая книга. Автор почти ничего не дает от себя, только цитирует Льва Николаевича, Софью Андреевну и других родственников, тем более ярко разворачивается картина духовной жизни мужа и жены. Софья Андреевна очень много выиграла в моих глазах после этой книги. Как-то приходилось все время читать о ней недоброжелательные отзывы. А на самом деле она была подлинная женщина на своем особом счастливо-несчастном месте. Почитай эту книгу, если придется»¹.

Он советовал мне прочитать эту книгу, не подозревая, что я пройду ее в жизни. Когда я была на «счастливо-несчастном» месте жены уже писателя Солженицына, меня не раз сравнивали с Софьей Андреевной, но это все потом. А пока... А пока я — обыкновенная жена обыкновенного советского политзэка и все мое сознание затмили заботы: что послать, где достать, а теперь еще и куда послать, ведь конечная точка Саниного маршрута пока ни ему, ни мне неизвестна. Выход из этого есть. Муж мне его подсказывает:

«Дорогая моя! я не хотел бы писать тебе с моего нового места сразу же, а сперва, присмотреться и вжиться недельки три, месяцок. Поэтому я прошу тебя найти в Москве (может быть это Кузнецкий, 24, но не ручаюсь), где тебе дадут справку о моем местопребывании и моем почтовом адресе. Там такие справки дают, а обо мне справку могут дать уже с июня месяца — с момента, когда было с точностью определено для меня место следования, и думаю, что уже в августе буду там, поэтому ты

---

¹ Солженицын — Н.А.Решетовской, 25 июля 1950 г.

смело можешь мне туда писать, а маму я прошу послать мне туда одну посылку.(...)

Что касается помощи, то я думаю, что для меня довольно будет в месяц по килограмму сахара и жира, но это сейчас гадательно, я еще плохо представляю, как я там буду питаться, обо всем нужном напишу в той мере подробно, в какой можно будет. Ясно только, что вещевых передач мне никаких не понадобится, это ясно заранее, все мне выдадут. Я не знаю, как отделаться от того барахла»¹.

А в письме маме Саня более конкретно расписывает чего и сколько ему необходимо на первый момент;

«Мамочка! я хочу попросить Вас вот о чем. Если Наташе удастся узнать в Москве мой тамошний адрес (о чем я ей пишу), то пришлите мне на новое место, не дожидаясь от меня письма, для обзаведения: 1) почтовый перевод в 50 руб. (не больше)!

2) посылочку с вложением в нее: сахара (лучше кускового) — кг $1\frac{1}{2}$, сала (или масла топленого, или какого-нибудь другого жира для непосредственного употребления в рот) — 1 кг, лука — 1 кг, чесноку гр. 200 — 300. Я сейчас не имею понятия, что мне там именно понадобится, но уж конечно не теплые вещи, скорее какие-нибудь светлые и легкие, и не сейчас, сейчас лето, слава Богу, скоро кончается, чему я очень-очень рад, потому что это ровно вдвое жарче того, что я переносил в Ростове. Я прошу Вас об этом переводе и об этой посылке потому, что все это мне так или иначе понадобится, а мне не хотелось бы сразу по приезде тратить свой годичный (4 раза) лимит писем, кстати, я слышал, что теперь посылки принимают и без твердой упаковки, что облегчает Ваши хлопоты»².

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 6 августа 1950 г.

² Там же.

Съездить в Москву на Кузнецкий — 24 и заранее узнать конечный пункт Саниного «путешествия» я так и не успела, чуть больше двух недель прошло после этого письма, как муж сам сообщил, куда прибыл, новым местом оказался лагерь в далеком Казахстанском шахтерском металлургическом Экибастузе.

О том, как ехал, он не пишет. А дорога была долгая, жаркая, утомительная. Уже позже, освободившись, муж покажет мне свои тюремно-лагерные стихотворения. Одно из них называется «С верхней полки столыпинского вагона». Очень похоже, что именно этой дорогой навеяны его строки:

С верхней полки столыпинского вагона

Скоро не будет серебряных рощиц,
Зарослей частых, заманчивой тени, —
Едем в пустыню. Не будет в ней, тощей,
Писка зверюшек, птичьего пенья,

Влажных покосов, желтого жнива,
В воду колодца не грохнется цепь...
Глушит и давит всякое живо
Бет-Пак-Дала — осоленная степь.

Скоро не будет покровов зеленых,
Жесткого дерна, горькой полыни —
В мареве желтом песок раскаленный
Кружит и кружит ветер пустыни.

Едем на каторгу, в медные копи.
Вытравит легкие в месяцы медь.
Жили в России, жили в Европе —
В серой больничке везут умереть.

Последняя строчка — загадка. Саня ее никогда — не комментировал: для рифмы ли он ее написал или для одному ему понятной образности. Я же вижу в ней какое-то

предвидение, которым муж иногда отличался, например, когда началась война, он четко сказал, что это — года на четыре, не меньше. Есть и другие примеры. А в этом случае предвиденье сбылось через полтора года, в январе 1952-го, зэк-хирург сделал мужу онкологическую операцию — вырезал быстро увеличивавшуюся семеному. Вырезал вовремя и этим, по сути, спас ему жизнь — семеном не успела дать метастазы, но это — через полтора года. А пока — Саня доехал до нового места и описывает свое первое впечатление:

«Долго ли, коротко ли, ровно за три месяца я доехал до места, обозначенного в адресе, и снова начинаю такую жизнь, какая была у меня 5 лет назад. Очень многое со мной сходно с тем, что было тогда в Новом Иерусалиме, но огромная разница в том, что на этот раз я ко всему был подготовлен, стал я спокойнее, выдержаннее, значительно менее требователен к жизни»¹.

Вот как он комментирует свою требовательность к жизни: «Помню, например, как я тогда судорожно, торопливо и с кучей ошибок пытался устроиться поинтеллигентнее, получше. А сейчас все это мне как-то не кажется главным, важным, да и надоело, признаться. Палец о палец ничего подобного не предпринял. Пусть идет все, как оно идет. Я стал верить в судьбу, в закономерное чередование везений и невезений, и если во дни юности я дерзко пытался подействовать на ход своей жизни, изменить его, то сейчас мне это часто кажется святотатством»².

Свое «святотатство» он объясняет тем, что: «В конце концов, все серьезные перемены в моей жизни кроме поступления в артучилище от меня не зависели — и через все из них я прошел цел и невредим, благословляя многих из них. И я уверен, что судьба не покинет меня и в

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 23 августа 1950 г.

² Там же.

дальнейшем. Может быть, такая вера в судьбу — начало религиозности? Не знаю. До того, чтобы поверить в Бога, я, кажется, еще далек, но и материальные блага жизни стал ценить не так жадно, как раньше, много наблюдаю за своими поступками и чувствами и стараюсь различать меж них хорошие и дурные, не знаю, насколько мне это удастся. Но знаю, что всякие неурядицы в моей жизни способствуют этому различению»¹.

И тут же Саня немного противоречит сам себе. В глубине-то души и получше устроиться ему хочется, и изменить свою лагерную жизнь тоже хочется:

«Не решил еще твердо и сам, буду ли писать заявление в старое (46-47 гг.) место работы. То, которое я написал из Куйбышева, не могло возыметь действия, поскольку я находился в пути следования. Может быть, напишу через месяцок. Может быть, это приведет к успеху. А может быть и нет — помешает малость срока»².

В письме с нового места не обходится Саня и без традиционных просьб о посылках. Только в этот раз он свои просьбы поделил между моей мамой и мной: «Я чувствую себя все еще неплохо, а чтоб это было и дальше так, пишу маме, в каких продуктах и в каком объеме нуждаюсь»³.

И в конце письма — целая страница для мамы, датированная уже следующим днем — 24 августа — с подробной раскладкой чего и сколько:

«...Прошу Вас высылать мне ежемесячно по посылке. Чаше не надо, вообще даже лучше ожидать моего подтверждения о получении посылки. Эти подтверждения будут открытки из 2-3 фраз одного и того же состава, если посылки принимают в мягкой упаковке — а кажет-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 23 августа 1950 г.

² Там же.

³ Там же.

ся — да, то шлите в мягкой, ящики все равно не для меня. В посылку попрошу Вас включать примерно: сахара кг $1\frac{1}{2}$ (можно из них $\frac{1}{2}$ кг дешевыми конфетами); жиров (едомых отдельно, без каши) — 1 кг или, если средства позволят, $1\frac{1}{2}$ (сало, масло сливочное или топленое или маргарин, что будет, сало всего удобнее); сухарей (обыкновенных из черного хлеба, домашних, ни в коем случае не покупных, не ванильных) — кг 2-3; зелени теперь уже нет, да она и завяла бы в пути, но: или чесноку грамм 300 или луку грамм 700»¹.

В своей ситуации он, конечно, осознает, каково нам — мне, маме и тете Нине — в голодное послевоенное время, во время дефицита буквально всего, удовлетворить его ежемесячные запросы. Осознанием этого проникнуты следующие строчки письма маме:

«...Я очень прошу Вас, мамочка, не входить в большие затраты, чем я здесь перечислил. Этого с меня вполне достаточно, я уже прикинул; хлопот с такими ежемесячными посылками Вы и тетя Нина не оберетесь, очень мне совестно, но дело в том, что получать деньги для меня здесь не имеет ни малейшего смысла. Если Вы получили мое письмо из Челябинска, но денег еще не посылали, то и не надо, только напишите пожалуйста в письме, чтоб я знал; если в ответ на то письмо Вы добились в Москве адреса и послали посылку — то не посылайте мне следующей — подождите открытки от меня в подтверждение получения»².

И после этих извинительно-сочувственных строк — довесок из просьб хозяйственной надобности:

«В первой после этого письма посылке пришлите, пожалуйста, еще: 1) зубную щетку; 2) пару простых карандашей; 3) деревянную ложку. В какой-нибудь из по-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 24 августа 1950 г.

² Там же.

сылки: 1) пару шерстяных носков; 2) резинку для трусов; 3) пластмассовый стаканчик или посудинку небольших размеров из пластмассы. И дальше, мамочка, *никаких* решительно вещей не надо, не прошу также ничего, требующего специального приготовления, варки, потому что это хлопотно, у меня нет ни сил, ни времени. Если когда-нибудь подвернутся фрукты сушеные — пришлите разок. Чаще, чем раз в месяц, посылок не присылайте, мне неудобно будет их хранить»¹.

Ну, а что касается меня, ко мне запросы духовного плана:

«...Книги. Мне бы хотелось что-нибудь из: 1) А. Толстого. Стихи и драматическая трилогия. 2) Стихотворные драмы Островского. 3) Кольцов. 4) Блок. Лирика. Порядок моего интереса к этим книгам — примерно тот, в котором я их перечислил. Но я вовсе не прошу, чтобы ты присылала их все — да и присланные книги были или малы весом и объемом (чтобы легко возить) или же в плохом состоянии (чтобы было не жалко бросить). Если, что-нибудь в этом духе найдешь — пришли, миленькая. Можно бандеролей, можно вложить в посылку»².

И я очень понимаю моего мужа, понимаю, как важен для него глоток любой информации в той глуши, в той далекой и знойной казахстанской степи, куда забросила его на сей раз судьба. В письме это проступает очень выпукло:

«От резкого изменения образа жизни сильно устаю, думаю, что через месяцок втянусь. Словарь Даля со мной, но не каждый день успеваю прочесть из него страницу. Какой-то сказкой представляется жизнь минувшей зимой и весной, неужели это было? Четвертый месяц не

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 24 августа 1950 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 23 августа 1950 г.

слышу ни одного из своих любимых музыкальных произведений, к которым пристрастился, как медведь к меду. Иногда читаю центральные газеты. Им сюда много суток пути от Москвы, больше, чем в те места, в которых вы с мамой провели годы эвакуации. Много я потерял с весны, а странно — не жалко. Все меняется. Каждую ступеньку жизни надо пройти, иногда по несколько раз, чтобы хорошенько почувствовать, дух мой бодр, Джеммуленька, и мне хочется думать о хорошем будущем, но я засыпаю, едва вожу пером и думать уже некогда. Время, по которому я живу, на три часа впереди твоего времени, ты кончаешь готовиться к лекциям, закрываешь тетрадки, ложишься спать, а я вскакиваю и начинаю трудовой день»¹.

И просьба насчет фотографии моей уже не нова, но всегда волнующа: «...Если фотография у тебя появится новая, небольшая и не в одном экземпляре — пришли в письме, всегда хочется взглянуть на твое личико еще в одном варианте, ты всякий раз получаешься новая»².

Но самое прискорбное и огорчительное — строки об ограничении переписки и его терзания в связи с этим. Они проходят через все письмо. В самом начале он общает:

«Пока я буду здесь, видаться нам вовсе не придется, (...) пока что главное огорчение состоит в том, что писать я тебе буду очень редко. Следующее письмо напишу тебе, очевидно, только после ноябрьских праздников»³.

И тут же на оптимистической ноте:

«...Зато неограниченно могу *получать* письма, а также бандероли и посылки, и зная это, пиши, дорогая

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 23 августа 1950 г.

² Там же.

³ Там же.

тогда, когда будет настроение и время. Пиши полно, обстоятельно, чтобы я не мучался от невозможности в течение долгого времени задать тебе встречный вопрос, чтобы я знал, все ли письма твои я получаю, получены ли мои открытки (о получении посылок; я пишу об этих открытках маме), чтобы я мог все время знать, как проходит твое лечение, обойдешься ли без операции или нет и вообще все-все»¹.

В конце письма он уже в который раз успокаивает меня:

«Милая моя, любимая моя! От меня не будет приходиться писем, но ты перечитывай мои старые, особенно то, которое я прислал тебе в день твоего тридцатилетия, знай, что всякий раз, когда я буду томиться от желания написать тебе письмо — мое письмо было бы таким, как то.

Пиши мне, как живешь, как работаешь, как играешь, какое настроение. Все это дорого мне. Крепко-крепко обнимаю тебя, горячо-горячо целую свою единственную, твой Санюшка»².

Да, ему можно писать всего два раза в год. А я могу писать неограниченно, но я почему-то не пользуюсь этой возможностью... И Саня это заметил:

«Не так давно мы с тобой виделись, а кажется почему-то — очень давно. Может быть, происходит это потому, что письмо я от тебя получил за все пять месяцев единственное, остальное было — поспешные открытки, и я очень мало знаю, как ты прожила эти пять месяцев. А тут еще стал за последнее время как-то странно видеть тебя во сне — смотришь на меня каким-то чужим взглядом, разговариваешь с неприязнью, такая злая, какой ты никогда не была и даже представить нельзя, чтобы стала»³.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 23 августа 1950 г.

² Там же.

³ Там же.

И я опять поражаюсь его способности предчувствовать, предвидеть грядущие события:

«...Сегодня приснилось, будто ты играешь с кем-то в шахматы, я подошел приласкать тебя и что-то спросить, а ты буквально процедила что-то сквозь зубы и сухо попросила отойти, не мешать. Я проснулся с горлом, сжатым от боли и со слезами на глазах, отчего такие навалились на меня эти сны? Никогда — или давно — таких тяжелых не было. Как-то смутно на сердце. Может быть, болезнь твоя принимает какую-нибудь нехорошую форму или проходит с осложнениями. Пиши мне о ней всякий раз, мой Джемсик»¹.

Да, он пока не предвидит, но уже предчувствует что-то недоброе. Только догадки уводят его не в ту сторону. Причину он пытается найти в моей болезни. Хотя и болезнь здесь тоже играет роль. Редкое и, возможно, не случайное совпадение: два любящих друг друга человека, но разделенные временем и тысячами километров, заболевают примерно в одно время и почти одинаково: у него — семенома, у меня — фиброма. Но не об этом речь. Продолжу о предчувствиях мужа:

«Грустно кончать письмо — и не знать, когда напишешь следующее. 12 лет назад вот в этот самый вечер мы сидели на горе над Ялтой... А в воскресенье 27-го числа будет 10-летие второй «официальной» половины нашей свадьбы, 365 дней в году — и с каждым из них, чуть пороешься в памяти, связаны, связаны, связаны дурные и хорошие воспоминания. Ну, Бог с ними. Предчувствия говорят мне, что мои странствия еще не закончились. Много еще может быть их за 2 ? года. А конец их будет где-нибудь в Красноярском крае. Не возражаю»².

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 23 августа 1950 г.

² Там же.

Здесь о странствиях, но буквально в следующем абзаце:

«...Ты всегда была уверена в том, что для меня нет других женщин кроме тебя — и ты имела право для этой уверенности, мой Натсик, но до такой степени, как сейчас, вероятно еще никогда: даже через свои очки, которые исправно служат мне, я не различаю их. Нет худа без добра, Наталочка»¹.

Случаен ли этот такой веский акцент? Ведь у него пока никакой информации, даже догадываться не может, да и оснований для догадок нет. Разве что редкие письма от меня, вернее — короткие, неподробные отписки, но предчувствия его не обманывают. Они попадают в точку.

Даже воспоминания о Ялте здесь не случайны, и не случайно письмо написано в день 12-летия нашего свидания на той горе над Ялтой, где сейчас ресторан; тому свиданию им посвящены такие строки — крик юной души:

Больно мне, девочка, больно мне, славная,
Трудный начать разговор.
Хочется высказать самое главное,
Не затуманить твой взор.

Что оробела и смотришь испуганно?
Правду решил я сказать.
Долгие годы среди северных выюг она
Будет меня наступать.

Помнишь ты душную ночь объяснения?
Я был свободным тогда.
Я не просил твоего снисхождения
И не вымаливал «да».

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовой, 23 августа 1950 г.

Что ж ты солгала? Из жалости? Гордости?
В шутку? Кто женщин поймет ...
Как ты посмела лишать меня твердости,
Взгляда не бросив вперед?

Я целовал твои губы капризные,
Может быть, первый из всех,
Первой и ты была. Первый раз в жизни я
Понял, как сладостен грех.

Я целовал их под звездами южными,
В море, средь бархатной мглы.
Были они иногда безоружными —
Чаще ж упрямы и злы.

Кожу, покрытую бронзою темною
Набожно я целовал,
Прочь отгоняя желанья нескромные,
Стройное тело ласкал.

Я называл тебя огненной Джеммою,
Ангелом, сказкой, звездой...
Звал я тебя и волшебной поэмою,
Звал и весенней грозой.

Юностью мучимый, страстью волнуемый,
В жажде испить их до дна,
Я обсыпал тебя всю поцелуями,
Ты же была ... холодна.

Ты! — безудержная, резкая, быстрая,
Ты! — становилась льдом...
Домики хрупкой надежды мне выстроая,
Ты их сдувала потом.

Слово «люблю» повторял беспрестанно я,
Думал — услышу ответ.
Нет, ты молчала — чужая и странная,
Не отвечала ты, нет.

Что ж ты солгала? Из жалости? Гордости?
В шутку? Кто женщин поймет...
Как ты посмела лишить меня твердости,
Взгляда не бросив вперед?

Сам бы давно я сорвал обольстительный
Занавес в жизни моей,
Но не сумею. Твой взор упоительный
Стал мне свободы милей.

Ну, так не медли ж! Зачем лицемерие?
Знаешь — не шутят с огнем,
Ты не рассеешь мое недоверие,
Я не останусь рабом.

Лучше сейчас, когда юность неопытна,
Грезы вдаль разорвать,
Лучше сейчас, чем когда-то безропотно
Третьему Джемму отдать.

Так не жалея же, скажи, Сероглазая,
Правду, скажи же мне «нет».
Слабость стряхнув, обрету тогда снова я
Силу на множество лет.

Мы не расколем кристалл многогранника,
Грань лишь одну расколов.
Силы нужны мне, как посох для странника,
Силы для трудных годов.

Память о прошлом, подруга бесценная,
Вечно я буду хранить.
Кроме тебя никого, драгоценная,
Я не смогу полюбить.

Мало тебе? Разорви ж эти липкие,
Сладкие пути любви!

Прочь побегу от колдовской улыбки я
Ты же назад не зови ..¹

...И вот сейчас я упорно скрываю от него, что на моем пути — Всеволод Сергеевич Сомов.

В связи с делами рязанского отделения Менделеевского Общества, возможно, иногда просто под этим предлогом доцент Сомов довольно часто навещал мою кафедру.

Как-то он зашел ко мне в институт, когда я уже собиралась идти домой. Предложил меня проводить. Я пригласила его зайти с нами пообедать. Они с моей мамой почувствовали друг к другу большую симпатию. Мама предложила ему заходить к нам. И он стал иногда приходить порой — в мое отсутствие. Маме он рассказал, что у него есть два сына.

Я считала Сомова бездетным вдовцом. Мама относилась к В.С. с большой теплотой. Она боялась моего неизвестного будущего с Саней.

Когда В.С. предложил мне стать его женой, я сказала, что это абсолютно невозможно. Спустя некоторое время я объяснила ему почему; Всеволод Сергеевич все же не отступился. Мы стали чаще видеться. У нас были общие интересы по работе — ведь мы оба были физико-химиками. Всеволод Сергеевич был старше меня на десять лет. Я получала от него немало полезных советов, стала ощущать в нем какую-то, может быть, первую в своей жизни настоящую мужскую опору: ведь я росла без отца, а с Саней мы были однолетки.

Летом того же 1951 года Всеволод Сергеевич проявил такую напористость, что приехал в Ростов, где я была в то время, уговаривал маму повлиять на меня, а меня —

---

¹ Стихотворение юного А.И. Солженицына публикуется впервые. (Из архива Н.А. Решетовской.)

поехать с ним к его родным. Вместо того, я уехала в Кисловодск к тете Жене.

У моей двоюродной сестры Нади только-только родилась Мариночка, смешной такой несмышлениш... А Таниной Галке уже 6 лет, мотается на велосипеде... А у меня так никого никогда и не будет?.. Наше будущее с Саней казалось таким сверхдалеким... Он сам уже не воспринимался мной как живой человек во плоти и крови... Призрак... Скоро полтора года, как мы не виделись. Следующее письмо придет только осенью или зимой. Короткие открытки на имя тети Нины о получении посылок, будто отзвуки с другой планеты...

Прежние Санины письма, проникнутые всегда любовью, восхищением и преданностью, были для меня тем же, что угольки для горящего камина. А свидания — что сухие поленья, дающие яркую вспышку. И вот ни поленьев, ни угольков... Камин медленно угасал... Далекий любимый образ стал расплываться... Могу сравнить это с состоянием человека, получившего наркоз: все реальное от него куда-то уходит, рассеивается, тает, пока не наступит забытье...

А когда я получила в Кисловодске письмо от Всеволода Сергеевича, то почувствовала, что получила письмо от реального человека...

А Санино сердце ощутило что-то неладное в моем июльском письме к нему, написанном из того же Кисловодска. «Похоже было, — писал он мне позже, — что ты через силу его начала, но какая-то большая недоговоренность сковала твой язык, и ты через несколько строчек оборвала»¹.

...Пока стараюсь, чтобы Саня не ощутил никакого похолодания в чувствах. Ему тетя Нина из Ростова регу-

---

¹ Решетовская Н. Солженицын. Обгоняя время. Омск, 1991. С. 104 — 106.

лярно каждый месяц шлет посылки. А я также регулярно посылаю тете Нине деньги на продукты для этих посылок. Посылки идут из Ростова опять же в целях конспирации, ведь в Рязани никто из моих знакомых не знает о Сане.

Саня регулярно открытками подтверждает получение наших посылок; вот, например открытка от 25 сентября:

«Вслед за Вашими открытками получил вчера вашу посылку. Очень благодарю за заботу, за внимание, но не лучше ли вам присылать посылки в мягкой упаковке? Меньше хлопот.

Попрошу вас в октябрьской посылке луку положить вдвое меньше, яблок не надо, все это замените по весу черными сухарями, если будет под рукой, пришлите 1 катушку черных ниток, пару иголок, марок по 40 коп., 1 тюбик зубной пасты, простенькую мочалку, пластмассовую чернильницу-непроливайку»¹.

Или от 1-го ноября:

«Дорогая тетя Нина!

Вышлите поскорее *валенки*, можно подшитые, ношенные. Продуктовые посылки в дальнейшем высылайте по истечению 25 — 30 дней, не дожидаясь от меня ответа. Бандероли пока не надо»².

Но бывали и временные затруднения с почтой:

«Дорогая тетя Нина!

Вашей посылки, высланной 16/X, я до сих пор *не получил*, затребуйте почту, очевидно пропала, в дальнейшем прошу Вас посылать посылки каждые 25 — 30 дней, не ожидая моего ответа и из таких продуктов, которые вам удобнее и легче достать; пришлите *валенки* (можно подшитые) № 29 или 30, открыток, пары 2 про-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 25 сентября 1950 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 1 ноября 1950 г.

стых носков, оставшуюся пару шерстяных. Особенно хочется мучного и сладкого»¹.

А буквально через четыре дня:

«Дорогая тетя Нина!

Вчера получил, наконец, Вашу чудесную посылку от 16/Х. Большое спасибо. В дальнейшем можете заменять продукты в зависимости от того, что под рукой и высылайте посылки через 25 — 30 дней независимо от моих открыток, получили ли Вы мою просьбу выслать валенки? пришлите открыток, пару карандашей, перьев, книг пока не надо, пришлите пару простых носков и оставшуюся пару шерстяных, простите, что доставляю столько хлопот»².

Мне же, во втором, и по лимиту последнем письме 1950 года Саня пишет: «Посылки ваши для меня — источник жизни. Оба раза я чувствовал большой праздник, получив их. Вторая шла почему-то 6 недель и я совсем извелся, ожидая ее. Несмотря на свой опыт, я кой в чем ошибся, в частности — в отношении валенок, месяц назад попросил их у тети Нины, но не знаю, получила ли она эту просьбу, так же вот ошибся и в рукавицах — у меня есть и свои и казенные, но на работе они буквально горят, не успеваю их латать, и хочется попросить тетю Нину прислать мне пару грубых (или обшитых грубым материалом со стороны ладоней) ватованных рукавиц — с расчетом, чтобы я сумел воспользоваться ими в конце зимы, да ведь как угадаешь? Например, шерстяные носки я поносил 5 суток — уже на пятках дыры, если улучу время — надо будет обшить каким-нибудь материалом»³.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 20 ноября 1950 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 24 ноября 1950 г.

³ Солженицын — Н.А. Решетовской, 1 декабря 1950 г.

И тут же сообщает:

«А выгляжу я, кажется, ничего — физический образ жизни всегда шел мне на пользу, не болел еще здесь, слава богу, ничем, дал бы бог и дальше не болеть, на свои весенние деньги вынужден был приобрести курево — поэтому в октябре-ноябре снова курил, а сейчас — второй раз, как бросил, думал было попросить вас присылать — но и трата лишняя, и очень много хлопот, ибо надо разбираться, что покупаешь, а для этого надо быть курящим, итак, бросил до лучших времен».

К этому письму приложена целая страница персонально тете Нине:

«Дорогая тетя Нина!

Поздравляю вас заранее с днем рождения и обеих вас с тетей Маней с новым годом, и желаю Вам прежде и больше всего здоровья и твердости духа! Я получил за это время три Ваших письма и две посылки, на которые отвечал открытками. Очень благодарен Вам за Ваши заботы и Ваше внимание ко мне. Мои бесконечные просьбы, должно быть, сильно морочат Вам голову, пользуясь случаем, что пишу последнее в этом году письмо и хочу исправить кой-какие неясности.

Состав посылки, о котором я просил Вас, понимаете не буквально: я хотел только дать Вам понятие о *масштабах* необходимой мне *материальной помощи*. Вы не только можете заменять один вид сахара другим, но и вообще составлять посылки из любых продуктов, которые окажутся под рукой, которые будет удобнее посылать. Больше того: если возникнет такое положение, что посылки нынешнего состава станут слишком дороги для Вас, то упаси Вас бог входить в разорительные траты: посылки из одних только черных сухарей на любой худой случай достаточны для того, чтобы я сохранил себе здоровье. Запомните, пожалуйста, это. — Далее, такие расходные вещи, как карандаши, перья, открытки, соль,

нитки, спички, изредка — мыло, зубной порошок и даже иголки, прошу Вас время от времени в малых количествах посылать мне без специальных просьб: моя открытка должна быть коротка и там не всегда все мелочи напишешь, только писчей бумаги пока не надо. — Если в открытке я напишу, что прошу вас прислать крупы, то высылайте в этом случае любых круп или лапши по $1\frac{1}{2}$ и убавьте одновременно на 500-600 гр. количество жиров. Мне давно хочется не разорять Вас на жирах, но никак не прикину времени и условий для варки. Зимой прошу Вас присылать посылки каждые 20-30 дней, не дожидаясь моей открытки, а летом мне значительно легче, можно будет и пореже. — Если посылки придется высылать не из *Ростова*, а из области — тогда, конечно, не придется, о равномерном ритме не может быть и речи. Получили ли Вы открытки о валенках? Если до 15 января не сумеете их выслать, то потом уже поздно, не стоит. А рукавицы — даже в феврале. Хорошо бы разок — темного починочного материала, очень много приходится чиниться, 2 пары простых носков.

А в общем, дорогая моя, благодаря вашим посылкам я жив, здоров и бодр. Повторяю, что бесконечно благодарен всем вам за них. Целую Вас — Саня»¹.

И ей же, заботливой тете Нине, еще две открытки в декабре 8-го и 17-го:

«Дорогая тетя Нина!

Вашу посылку от 18/XI я получил 5/XII в полной сохранности (даже по маслу, сахару там было больше, чем Вы написали в письме). Большое спасибо. От лука в зимнее время придется отказаться — промерзает и сгнивает в дороге. Чеснок можно посылать теми же порциями, сухофруктов больше не надо, лучше чего-нибудь мучного. Пришлите, пожалуйста, открыток. Очень мне

---

¹ Селженицын — Н.А. Решетовской, 1 декабря 1950 г.

досадно, что заставил вас зимой метаться в поисках валенок, но так получилось, простите»¹.

«Дорогая тетя Нина!

Сегодня получил Вашу посылку от 23/XI, предназначенную ко дню рождения. Она опоздала немного по сравнению с поздравительными письмами, но ничего, пойдет к Новому Году. Большое-большое спасибо. И так, все четыре посылки получил. Что мне надо — написал Вам в письме. Если валенок в декабре не достанете — в январе *не высылайте*; не так страшно, зима проходит. Вышлите открыток»².

Регулярные посылки через тетю Нину и участвовавшие письма от меня Саню очень даже успокоили:

«Я получил оба твои письма, написанные в конце сентября и в конце октября, и очень рад был узнать из них, что у тебя в Рязани все по-прежнему, (...) что вы благополучны, что ты все так же живешь своей работой и увлечена ею. Очень интересуюсь вашей новой квартирой, какова она из себя и как вы в ней устроились. Напиши подробно при случае. Мне, между прочим, думается, что, оставаясь на прежнем месте, я бы сейчас не знал бы о тебе и того, что знаю ныне. И уж вряд ли я мог бы тебя увидеть, как в марте, но это — в области смутных догадок, просто вспоминая обстоятельства прошлогодней осени»³.

Уже нет у него тех недобрых предчувствий и неприятных сновидений:

«...Я все-таки жду много хорошего в будущем, и это облегчает мне жизнь сегодня. А больше всего придает мне твердости сознание, что ты живешь покойно и благополучно. Дай бог и дальше так. Снам я, миленькая, не

---

¹ Солженицын — Н.Н. Решетовской, 8 декабря 1950 г.

² Солженицын — Н.Н. Решетовской, 17 декабря 1950 г.

³ Солженицын — Н.А. Решетовской, 1 декабря 1950 г.

верю (да плохие больше и не снятся), бог с ними, верю только тебе, мой горячо любимый Натсик. Я уверен, что та счастливая семейная жизнь, для которой когда-то произошла свадьба — состоится, хоть и с таким страшным, мучительным запозданием»¹.

Адаптировавшись на новом месте, Саня снова возвращается к мысли попроситься на старое место работы — в Рыбинск;

«...Жизнь моя эту осень и зиму — последовательная и полнейшая противоположность тому, что было со мной год назад: по образу жизни, движению, свежему воздуху, одежде, питанию, доступности чтения и музыки, и только бодрость моя не изменилась, но сохранять мне ее, признаюсь, нелегко, а пять лет назад вовсе было бы не по силам, но сейчас я нахожу в себе твердость перенести такой годок и даже за эту осень и зиму (зима здесь ранняя — с конца октября, — и сразу крепкая), так и не просился, как намеревался, на старое место работы. Да и возьмут ли меня туда, особенно когда осталось так немного? Если в судьбе моей за год не произойдет изменений к лучшему, с конца весны или с лета начну хлопотать»².

Саня не теряет оптимизма и от примитивности духовной жизни:

«...Читать нечего, да и некогда. Книжек Островского мне не выдали — временно (а на какое время — неизвестно) выдача книг из бандеролей и из посылок прекращена. — Музыки не слушаю совершенно и соскучился по ней до слез, кино тоже не вижу. Удовольствия сведены к: поесть и поспать, но я не хочу, родная, чтоб у тебя создалось впечатление, будто я — в унынии. Во мне за последние годы столько нравственных перемен, что фи-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 1 декабря 1950 г.

² Там же.

зические лишения для меня все меньше и меньше значат, до известного предела, конечно, точнее всего сказать, что я сосредоточен и напряжен, вот мое почти постоянное состояние, но ни расслабленности, ни упадка духа нет и, надеюсь, не будет»¹.

И только приближение к возрасту Христа наводит на него некоторое уныние:

«...Грустненько пропущу на днях свою 32-ю годовщину. Последние два года ребята очень тепло отмечали мне ее, так уж там было заведено. Вообще осталось много сердечных трогательных воспоминаний. И новый год встречался там великолепно. Вспоминаю теперь все это так, как в обозе вспоминал студенческие годы, только тогда это носило мрачно-отчаянный характер, а теперь — грустно-понимающий»².

Но завершается письмо как всегда на оптимистически-нежной ноте: «Эх, Джеммуленька, все ничего, все переживем, что послано в жизни. Как бы мне ни было трудно, в какое бы положение я ни попал — теперь уж я знаю, что после каждой неудачи бывает удача, после каждого падения — подъем — и жизнь снова цветет и распускается в глазах человека, который считал их, свои глаза, померкшими навек. И по-прежнему неизменно проверенное четырнадцатью годами мое чувство к тебе. Пусть и в день, когда тебе исполнится 32 года, ты дословно вспомнишь все, что я писал, когда тебе было 30 — и тебе покажется, что я тебе только-только произнес их в утро этого дня, отклоняясь над твоей подушкой.

То нежно, то горячо целую-целую-целую свою единственную в мире Наталочку»³.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 1 декабря 1950 г.

² Там же.

³ Там же.

Всего одно — первое и единственное письмо 1951 года оказалось последним перед продолжительной паузой наших взаимоотношений. Пришло это письмо в конце марта. Время его написания Саней выбрано не случайно. Он поясняет это в самом начале: «...Надо было написать его раньше, но я сознательно откладывал этот момент — во-1-х, потому, что год впереди еще ой какой большой, а остается всего одно письмо, во-2-х, потому, что хочу поздравить тебя не заранее, а почти точно с нашим дорогим весенним праздником, который я привык считать самым большим в году. Желаю тебе в этот день такого же светлого настроения, как в прошлом году, настанет время в нашей жизни, когда этот день из дня воспоминаний и надежд станет днем полной радости. В прошлом году в канун этого дня я слышал, как ты играла... вечность прошла с тех пор в моей жизни, столько изменилось!»¹

Саня и маму мою просит поздравить от нашего имени с «годовщиной дня, когда мы безуспешно пытались скрыть от нее нашу радость». Уверена, читатели догадались, что речь идет о 27 апреля 1940 года — дне регистрации нашего брака.

Это Санино письмо было особенно долгожданным, так как за все три месяца наступившего 1951 года ни мы с мамой, ни тетя Нина не получили от Сани даже ни одной открытки с подтверждением о получении наших посылок. Уже начали думать, не в дороге ли он еще в какие-нибудь «далекие края». Саня объяснил причину своего молчания:

«...С 1/1 были запрещены открытки — ответы на посылки, а сейчас есть надежда, что их вновь разрешат, но полной уверенности у меня нет. Во всяком случае, 5-го

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 17 марта 1951 г.

марта у меня приняли открытку, в которой я написал о посылках, полученных после 1-го января...»¹

Успокоил Саня и наши волнения насчет валенок, которые мы отослали ему еще в декабре прошлого, 1950-го года:

«. За ограниченностью возможного текста, забыл упомянуть о валенках, я получил их 3-го января и самое страшное время воистину страшной зимы (никогда прежде я не знал, что такое морозы больше, чем 40°) переходил в них. Валенки чудесные и по качеству и по размеру, они и сейчас еще очень хорошо выглядят, в начале апреля сдам их в камеру хранения. Надеюсь выходить в них еще полторы зимы и в них же выехать в Сибирь (да, собственно, я и сейчас нигде в другом месте, как в Сибири) или куда там придется»².

Саня подробно описывает, как пережил суровую зиму, как встретил весну и какие надежды возлагает на предстоящее казахстанское лето:

«Вот и зима кончается... Уже бывают хорошие весенние дни, перемежающиеся, правда, с морозами, не знаю, какой удастся весна, много ли будет мокрых возвратов зимы, но похоже, что весна будет дружная и мало-мокрая. Вообще же климат здесь — очень здоровый, хотя и суровый — осень была сухая, золотая, теплая, а потом враз ударили морозы на 28°, и в один день стала зима. Зима была с единственной трехдневной оттепелью в ноябре, а поэтому — без гнили, простуд и эпидемий гриппа, столь частых в родном нашем городе. Какое будет лето еще неизвестно — вероятно очень жаркое и с пыльными ветрами. В прошлом году за один только хвостик августа я успел стать таким смуглым, каким никогда не был, воображаю, что будет этим летом»³.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 17 марта 1951 г.

² Там же.

³ Там же.

И тут же неожиданно на фоне весеннего прилива и сил, и чувств, вдруг жалобы на какую-то духовную опущенность, на усталость от жизни:

«Лицо у меня сейчас худое, но свежее и с румянцем даже — такое благодетельное влияние тех степных морозных ветров, что тебе пришлось испытать в один вечер, а мне — всю зиму, но вот беда, милая, пока шла зима — была конкретная близкая очень важная цель в жизни — пережить во что бы то ни стало эту зиму, не получить воспаления легких, не отморозить рук, ног. Зиму я пережил очень удачно, даже насморка серьезного не было, смешно сказать, и от врача освобождение брал всего на день в декабре — по непонятной причине повысилась температура, а ничего не болело, но зима прошла — и не стало этой конкретной близкой цели, до конца срока по-прежнему далеко, жить по-прежнему тяжело. Бывают минуты очень тяжелой усталости от жизни. Очень бы не хотелось переживать здесь еще одну зиму — а что поделаешь?»¹

Но все это перечеркивается другим абзацем — полным веры в себя и в собственные силы:

«...Достаточно тебе сказать, что зимой 45-46 гг., и бытовые условия и количество свободного времени значительно больше благоприятствовали мне, чем сейчас. Тем не менее тогда я чувствовал себя погибшим человеком, а сейчас — не чувствую, сейчас я верю в себя и в свои силы все пережить, тогда у меня бывали минуты отчаяния, сейчас я не знаю этого слова, так я на личном опыте понял, что внешние обстоятельства жизни человека не только не исчерпывают, но даже и не определяют собой, даже, не являются главными в его жизни. Еще год назад я считал это розовой наивностью, но поразительно, что это — так и есть»².

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 17 марта 1951 г.

² Там же.

И снова тема Рыбинска:

«...До июня ничего предпринимать не буду, в июне напишу заявление в то место работы, где был в 46-47 гг. — может быть возьмут? Но шансов, конечно, очень мало, еще меньше, чем было их в 46 г., когда я и не подозревал об их существовании»¹.

Потом душевное состояние выравнивается. И сразу традиционные запросы пищи духовной:

«...Да, милая, собирался как-то попросить тебя поискать мне две следующих книги: физхимию — Бродского (вероятно она у тебя есть, но надо лишнюю), тот из томов, где есть разгонка и ректификация; Справочное руководство по эксплуатации кислородных установок — издание 1939 г. и — если существует в природе — что-нибудь по вопросу о производстве кислорода из воздуха; — но пока что необходимость в этих книгах отпала, однако, не окончательно и может возникнуть положение, что я у тебя их срочно попрошу в открытке. Так что высылать ничего пока не надо, но между делом поищи и если будет возможность — приобрети. Получение книг бандеролями и посылками у нас вновь разрешено, но такая обида — две пьесы Островского попали как раз на период запрета, а сейчас нельзя сыскать их концов, так и пропали. Впрочем, беллетристики я просить сейчас не стану — девать ее потом некуда, да и читать мне хватит моего Даля еще, по крайней мере, на год, ибо больше, как одну страницу в день прочесть невозможно»².

Да, ему по-прежнему не хватает чтива, не хватает музыки:

«...Очень рад, что ты теперь систематически слушаешь хорошую музыку, но когда же ты будешь играть сама? А я как оторвался от музыки! Прочтешь программу

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 17 марта 1951 г.

² Там же.

радиовещания в газете и только сердце занует. А иногда всплону какой-нибудь (конечно, перевернутый) сложный хороший мотив — и некого спросить — откуда он? Впрочем, основные мелодии 6-й симфонии помню все — я ж ее слышал тысячу раз, не пропускал никогда. Силился, но никак не мог вспомнить лярга из 7-й сонаты Бетховена и ре-минорный вальс Чайковского»¹.

Не преминул Саня пофилософствовать о живописи и об искусстве вообще:

«...Картину Репина, о которой ты пишешь, я хорошо помню, но не считаю ее сильной. (Кажется, это о картине «Не ждали», которая у меня ассоциировалась с предстоящим возвращением Сани, и я об этом ему написала. — *Н.Р.*). В произведении искусства первостепенно важно не *что* сказано, а *как* сказано. Картина же эта будто написана головой («надо»), а не сердцем («не могу не написать») — и потому при хорошей мысли бедна и холодна. Стасова я никогда не читал, но беда в том, что самого главного об искусстве не может написать никто, кроме самих великих мастеров, а они сами тоже никогда не пишут и — самое удивительное — не могут написать, оставаясь самими собой, и поэтому век за веком проходит, искусство все время нарождается и живет, а тайна его остается несформулированной. Бывают только редкие, проливающие поразительный свет замечания. Суриков кому-то написал в письме, что «Боярыня Морозова» родилась у него толчком от вида вороны на снегу, поднявшей одно крыло, а весь колорит «Стрелецкой казни» — от вида свечи, горящей на морозе. И у Пушкина есть такие глубокие, между прочим оброненные замечания, которые стоят целых томов по теории искусства. Я раньше не знал им цены»².

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 17 марта 1951 г.

² Там же.

Я писала ему о картине Репина «Не ждали», как бы давая уже первый легкий намек на что-то, ведь уже приобретали развитие мои отношения с доцентом Сомовым, но кроме единственного прозрачного намека с картиной, никаких других намеков я Сане не давала. Мои письма были пока регулярны — раз в месяц:

«Твои письма иногда пахнут духами, это очень нравится мне, тонкий, нежный, слабый запах, сохраненный бумагой — частица тебя, физический кусочек моей любимой Джемочки. Я получаю все твои письма, драгоценная моя, надо отдать справедливость, что к вручению, как и к отсылке писем работники цензуры относятся очень добросовестно. За пять минут до того, как я сел писать это письмо, я получил твое письмо от 2/III, а до этого получил январское, а в конце прошлого года — декабрьское и от 22/II. Так же точно и письма тети Нины доходят все аккуратно»¹.

Но у мужа опять какие-то предчувствия, вот уж поистине — сердце не обманешь:

«...Но подумать, что за сила предчувствий! На прошлогоднем свидании я чувствовал себя как и на всех предыдущих, но когда, уже стоя в дверях, ты обернулась и чуть-чуть вполкисти помахала мне на прощание, я вдруг с осязаемой ясностью понял — и тотчас отогнал от себя — что это — на дольше, чем обычно — точно такое чувство, какое ударило меня в июне 44-го, когда автомашина уносила тебя по лесной просеке. Но вместе с тем то же предчувствие говорит мне, что супружеская жизнь наша — впереди»².

Все так и случилось, как предсказал Саня: и разлука «на дольше, чем обычно», и «супружеская жизнь наша —

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовой, 17 марта 1951 г.

² Там же.

впереди», только не предвидит мой предсказатель, что до начала настоящей супружеской жизни еще целых пять лет! И хорошо, что не предвидит. Он преисполнен оптимизма и считает последние годы до нашей встречи:

«Дорогая моя девочка! Приезжать ко мне совершенно бесполезно, ибо свидание абсолютно невозможно. Уж придется подождать еще одного лета — понимаешь — только еще одного! Ничего себе — «только»! Я тоже всегда опрокидываю оставшийся срок назад и вижу, что по условиям жизни прошлых лет это были бы пустяки, но сейчас это далеко не так. Смотри, я даже сбился и написал глупость — не на второе, а только на третье лето мы сможем увидеться»¹.

Его пугает, что не на второе, а аж на третье лето... В какое б он впал отчаянье, если б знал, что и ни на третье, и ни на четвертое лето, а аж на пятое лето станет возможна наша встреча. Ждать предстояло почти столько, сколько уже отбыто. Ведь в 1951 году Саня встречал свою седьмую весну в неволе:

«...Седьмая весна! За это время стали ходить в школу те, кто родились, и поженились те, кто ходили в школу. Страшно, как время идет! А в общем, незачем гадать о будущем, это только расслабляет, надо искать смысла существования в сегодняшнем дне, такой смысл есть у нас — и я очень рад, что ты по-прежнему увлекаешься своей работой. Хорошо, что на новую квартиру вы переехали к весне, теперь уж холод не страшен, но как будет на будущий год?..»²

Эти же мысли он потом выразил в стихах. Стихотворение так и называется «Седьмая весна». Приведу его, исключив всего одну строфу:

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 17 марта 1951 г.

² Там же.

Шесть кряду лет — тоска весны и злая,
И злая зависть, прошлое кружа.
Но как спокойно я тебя встречаю,
Моя тюремная весна седьмая,
Как бестревожна ты и как чужа.

Там где-то девушкам дарят фиалки,
Там чьи-то платица белы в луне, —
Тут коршун плавает над лысой балкой,
Да степь гола. А мне себя не жалко,
И никаких желаний нет во мне.

Я примирен. Я не стегаю тела
В бесплодном изнуряющем кругу:
Все то, что мог — уже я в жизни сделал;
Всего ж, чего так яростно хотел я, —
Всего того я сделать не смогу.

Кто родился тогда — учится в школе.
Кто в школе был тогда — теперь женат.
Забыт я там. Отвык я сам от воли.
Крик журавлей уже не будит боли,
И не следит за их цепочкой взгляд.

Всевидящее! Кротко-голубое!
Лишь ты одно свидетелем тому,
За эти годы черствые — какое
Я чувство погубил в себе святое,
Принесенное юношей в тюрьму¹.

Какое «загубленное чувство» здесь имел в виду Саня, для меня до сих пор остается загадкой. Или это чувство ко мне, или к литературному творчеству. Возможно и не то и не другое...

---

¹ Солженицын А. Седьмая весна (публикуется впервые).

А позже Саня напишет еще стихотворение. Начиналось оно так:

Решившись раз, одна, год за годом, год-по-году,
Скрыв сердца женского неутоленный стук,
Ты, хрупкая, ты так ждала меня — над могу
Сил человеческих — и вдруг...¹

Опять процитирую себя, чтобы пояснить это «и вдруг»:

«Когда в конце августа 1951 года, к началу учебного года, мы вместе с мамой вернулись в Рязань, нас встретил Всеволод Сергеевич. В ожидавшем нас такси лежал букет цветов. В ту осень к Всеволоду Сергеевичу приехал его старший сын — живой, смысленный мальчуган.

Виделись мы с Всеволодом Сергеевичем очень часто: и дома, и на кафедре. Стали вести совместную научную работу, но всю зиму была еще неопределенность. На чашу и без того колеблющихся весов легло еще одно обстоятельство... Однажды начальница спецчасти института вызвала меня и сказала, что директор просит меня заполнить... вот эту анкету. О, ужас! Таковую же, какую мне осенью сорок восьмого пришлось заполнять в Москве.

Пришлось сказать, что у меня брак с бывшим мужем находится в процессе расторжения. Сведения о Сане я, как и тогда, написала в графе о бывшем муже. Значит, брак надо расторгать, теперь это уже неизбежно!

В то время необходимы были публикации в газете от лица, подающего на развод. Не желая, чтобы в Рязани все стало известно, я поехала в Москву и, притворившись москвичкой, возобновила в Московском городском суде дело о разводе с Солженицыным А. И. Адрес я указала Туркиных (семья тети Верони).

---

¹ Солженицын А. Ты вышла замуж (публикуется впервые).

На полную перестройку своей жизни я решила в вес-
ной 1952 года. О регистрации наших с Всеволодом Сергее-
вичем отношений речи не было, потому что у меня еще не
был расторгнут брак с Саней. Просто с какого-то времени
мы назывались для всех мужем и женой. Так оно осталось и
после получения мной официального развода с Саней.

Написанное Саней в ноябре 1951 года письмо не
дошло. Но теперь не только он, но и я ему уже не писа-
ла. Не могла писать. Послала только поздравление ко
дню рождения, пожелав ему «счастья в его жизни».

У меня не хватало мужества писать Сане о своих ко-
лебаниях, пока я еще не решила, но и когда реши-
лась — все еще медлила. Вероятно, это было малодуши-
ем, которому я искала оправдание в том, что в его лагере
все равно нет женщин, а потому в его судьбе до поры до
времени ничего не может в этом смысле измениться...
Быть может, так постепенно, сперва только заподозрив
недоброе, он легче примет то, что произошло...

И я все молчала, хотя понимала и знала, что Саню
это не может не беспокоить. В конце концов, он настой-
чиво попросил тетю Нину «рассеять неясность». По моей
просьбе тетя Нина в сентябре 1952 года написала Сане:
«Наташа просила Вам передать, что Вы можете устраи-
вать свою жизнь независимо от нее».

Не буду себя ни оправдывать, ни винить. Я не смог-
ла через все годы испытаний пронести свою «святость».
И стала жить реальной жизнью.

Объяснение тети Нины Саню не удовлетворило, и он
попросил меня написать все, как оно есть, неужели же
наше супружество может кончиться «такой незначащей
загадочной фразой?..» Он заверил меня, что в любом
случае, что бы ни случилось, он ни в чем не смеет упре-
кать меня, потому что виноват передо мною только он, он
принес мне «так мало радости», он всегда будет «моим
должником»...

Я написала Сане, что у меня есть семья и что это настоящее...

На этом наша переписка на некоторое время оборвалась...»¹

Именно переживая это, Саня и написал стихотворение «Ты вышла замуж», начало которого уже процитировано. Приведу его до конца:

«... — и вдруг
Ты вышла замуж.
Моею трепетной тебя я вижу той же,
А не чужой женой, не матерью семьи...
Ты так ждала меня! — ты вдесятеро больше
Перемогла издрогшими плечьями —
И вышла замуж?

Не мног я опытом, тебя одну из женщин
Я знал, но — столько ждать, чтоб накануне дня?
Очнись, мой друг! Всю молодость зачем же
Как в кокон, в подвиг свой закутав для меня —
Теперь? — и замуж?...»²

Я написала Сане, что у меня есть семья. А ведь семья предполагает и детей тоже, у нас с Саней их нет и быть не может, ведь моя операция стала неизбежной. А здесь судьба посылает мне сразу двух.

Но это не означало, что я порываю с Саней всякие отношения. Я только прервала переписку. А что касается посылок и бандеролей, то все тем же путем — через тетю Нину — они посылались ему регулярно, неутомимая тетя Нина все так же скрупулезно комплектовала содержимое каждой посылки, заботясь о Сане, как о родном сыне. И

---

¹ Решетовская Н. Солженицын. Обгоняя время. С. 109—111.

² Солженицын А. Ты вышла замуж (публикуется впервые).

Санины открытки, подтверждающие получение этих посылок — яркое этому свидетельство:

«Посылки Ваши получил: от 25/ХІІ — 20/І, от 24/І — 1/ІІІ» от 25/ІІ — одну 8/ ІІІ, другую 16/ІІІ.

... Простите меня за мои бесконечные сложные просьбы. Вы заботитесь обо мне как родная мать. Желаю Вам здоровья, бодрости и благополучия, целую вас и тетю Маню. Саня»¹.

Это выдержки из большого письма, присланного тете Нине вместе с письмом мне 17 марта. И одновременно две открытки получила от Сани тетя Нина: одна — аж январская, запоздавшая на два с половиной месяца:

«Дорогие мои! Получил Вашу внеочередную праздничную посылку, а высланные 11/ХІІ валенки ожидаю на днях. Большое спасибо за все. Рукавиц пока не приобретайте и не посылайте — видимо, обойдусь. Тетя Нина! Хоть я долго крепился, но приходится все-таки обеспокоить Вас просьбой о высылке курева. Прошу Вас, если можно, высылать ежемесячно: 1) или пачек 5 махорки (желательно не моршанской) или стакана 3 самосада (средней крепости); 2) 2-3 пачки сигарет или папирос (недорогих); 3) 4-5 коробок спичек; 4) папиросной бумаги книжечками или газетной, нарезанной таким образом — в общем, чем больше Вы мне высылаете, тем больше я прошу, видите, как вредно меня баловать.

Крепко целую всех. Саня»².

Вторая открытка была датирована началом марта и шла всего две недели. В ней Саня сообщает:

«Дорогая тетя Нина! Вашу декабрьскую посылку я получил 20/І, а январскую — только 1-го марта (опять задержалась в пути). Курево Вы прислали чудесное, как будто сами курите. 3-й сорт махорки был бы слаб, а 2-й —

---

¹ Солженицын — Н.Н. Решетовской, 17 марта 1951 г.

² Солженицын — Н.Н. Решетовской, 2 января 1951 г.

в самый раз. Папирос можно меньше. Черных сухарей действительно маловато. Нельзя ли было бы 1 раз в 2 месяца присылать посылку из одних черных сухарей, а ежемесячные посылки — по-старому? Это было бы чудесно. Что касается концентратов, то пришлите их разок-другой, но не увлекайтесь ими — я еще не наладился, где их варить. Если бы были такие, которые просто можно было бросать в горячую воду, не кипятя.

Сдобные булочки дошли в прекрасном состоянии. Чеснока больше не присылайте — погибает от мороза, да к весне его и не будет. Можно опять лук. Если письмо будет вложено в посылку, то его тоже передадут мне обычным порядком. (...) Еще попрошу вас выслать мне: тетрадку ученическую простую — 1, блокнотик отрывной не графленой бумаги (для карандаша) — 1, карандашей простых пару.

Большое-большое спасибо за все.

Крепко целую всех. Саня»¹.

А в большом мартовском письме Саня дублирует информацию для тети Нины, успокаивает ее и одновременно беспокоит:

«Дорогая Тетя Нина! Получил все Ваши посылки и бесконечно благодарен Вам за заботу. Посылки идут крайне неравномерно — от 11 до 38 дней. Но здесь уж ничего не поделаешь. Все посылки доходили в сохранности в соответствии с Вашими перечнями, исключение составляет посылка от 25/II: килограмма корейки там не оказалось, а колбасы, по-моему, больше, чем $\frac{1}{2}$ кг. Я так привык к сохранности посылок, что не обратил внимания, в сохранности ли была сургучная печать, но внутри все было полно и в порядке. Может быть, Вы ошиблись написать? Буду в дальнейшем более внимательно проверять»².

---

¹ Солженицын — Н.Н. Решетовской, 17 марта 1951 г.

² Там же.

Далее следует новая потребность в черных сухарях:

«Дорогая тетя Нина! Если только Вы сможете, то дайте на дальнейшее так и установим, что одновременно (или разновременно, как Вам удобнее, но наверно лучше одновременно) с основной ежемесячной посылкой Вы будете высылать и посылку черных сухарей. Я думал, что с окончанием зимы можно будет сократить объем помощи, но, оказывается, получается наоборот»¹.

Потом идут просьбы традиционные. Список на целый лист. Здесь одновременно и инструкция для тети Нины: что посылать, как посылать, когда посылать:

«Просьбы у меня к Вам следующие: 1) о какой бы вещице я ни попросил Вас, если нет ее под рукой — не задерживайте из-за нее очередной посылки, вышлите эту вещь месяцем позже; 2) жиры не заменяйте колбасой больше, чем на $1/2$ кг — колбасу я как-то мгновенно съедаю. Можно, как Вы собираетесь, — корейкой, можно любым малотающим жиром; 3) в последней посылке чеснок впервые дошел в отличном состоянии, немерзлый, но теперь и лук не будет мерзнуть. Высылайте мне всякий раз либо того, либо другого, но немного — по несколько головок; 4) попробуйте один разок выслать концентратов или крупы на несколько варок — чего-нибудь такого, что нужно как можно меньше времени кипятить. А в открытке я напишу, надо ли высылать еще; 5) чая высылать не надо, пить не приходится; остановите по крайней мере поток зубных порошков (я еще с пастой не кончил, чищу зубы раз в неделю) и соли, я совсем не имел ввиду получать их в таком количестве. В обеих посылках от 25/II, вероятно по ошибке, вложено по пачке соли»².

---

¹ Солженицын — Н.Н. Решетовской, 17 марта 1951 г.

² Там же.

Тетя Нина была довольна, что угодила Сане с куревом:

«(...) 5) курево Вы высылаете мне очень хорошее, особенно хороша Саратовская махорка. Слабее, чем № 2, не высылайте, а № 1 можно будет как-нибудь попробовать немножко. Папиросы тоже хорошие и те, и другие, дороже не надо. Впрочем, один месяц махорку пропустите — здесь был ларек, я истратил к счастью остатки своих прошлогодних денег и в частности купил махорки. Вкладывайте в каждую посылку по газетке — буду рвать ее для курения»¹.

Просьба — пополнить запасы канцелярских принадлежностей — тоже традиционна:

«6) пришлите мне блокнот (форматом с тетрадку или меньше) с неграфленой бумагой — «для карандаша» или аналогичной бумаги листочками и 1-2 тетради ученических тонких. Этого мне хватит надолго»².

Что касается вещей:

«7) вещей никаких мне не высылайте, но на всякий случай прошу Вас иметь в виду, что если на будущую зиму я останусь здесь, то в начале осени (не раньше) я попрошу Вас выслать мне: а) меховой воротник самого примитивного собачьего меха — такой, чтобы я мог пришить его к телогрейке; б) простой брезентовый пояс; в) теплые портянки (материала — вроде байкового одеяла); г) мешок; д) тапочки на резиновой подошве. (Сейчас пользуюсь сандалиями, которых хватает на лето). Но ничего этого не высылайте раньше времени, пока не попрошу»³.

Так же традиционны и просьбы хозяйственного плана:

«8) карандаши и перышки по 1-2, это Вы правильно. Пришлите конвертов (а штук 5 марок у меня осталось в

---

¹ Солженицын — Н.Н. Решетовской, 17 марта 1951 г.

² Там же.

³ Там же.

избытке); 9) если попадется пластмассовая кружечка по-
лобная той, которую Вы прислали в сентябре, пришлите
еще, а та отслуживает свое, скоро треснет. У нас там на
юге не делают, а хорошо бы какой-нибудь туес
(берестовая коробочка с крышкой) или деревянную коро-
бочку — у меня плохо с тарой, а полезную и стеклянную
держат нельзя; 10) пришлите в апрельской посылке еще
катушку ниток и пару иголок; 11) пришлите немного (не в
тюбике) вазелина, переложить у меня есть во что; 12) если
легко и дешево достать простенькие защитные очки от
пыли — тоже пришлите»¹.

И еще такого же плана:

«Тетя Нина! Мыло банное, которое Вы мне высылае-
те, мне приходится кстати: простое мыло у меня есть, но
банным легче и быстрее отмыть грязные руки в холодной
воде. Присылайте мне его пожалуйста 2 раза в 3 месяца,
чаще не надо. Теперь все о крупе. Мне больше всего хо-
чется овсянки, но она варится долго. Может быть, овся-
ные концентраты быстрее варятся? А что за штука овся-
ные хлопья? Может быть, попробуете их прислать?»²

До конца 1951 года тете Нине шли открытки с коро-
тенькими, порой в 2-3 строчки подтверждениями о полу-
чении очередной посылки, но и в этих 2-3х строчках бы-
ла хоть маленькая, но просьба:

«Получил Вашу мартовскую и (вчера) обе апрельские
посылки. Большое спасибо, все очень хорошо. Можно
слать крупу (уменьшив сухарей). Для сахарного песку
хорошо бы пластмассовую коробочку с завинчивающейся
крышкой, тогда деревянной не надо»³.

---

¹ Солженицын — Н.Н. Решетовской, 17 марта 1951 г.

² Там же.

³ Солженицын — Н.Н. Решетовской, 10 мая 1951 г.

«Вашу посылку от 13.6 получил. Большое спасибо. Все прекрасно. Пришлите карандашиков. Целую всех. Саня»¹.

«Посылку от 28.6 получил 7.7. Пока чеснок и лук свежие — шлите их вдвое больше. Пришлите открыток. Крепко целую всех. Саня»².

«Получил посылку от 25/VII. Пока нет морозов, увеличьте чесноку. Сало режьте, а сахар колите — мне нечем, а зубы не берут. Махорку любой фабрики, но попробуйте не 2-й, а 1-й номер»³.

«Вчера получил Вашу посылку ко дню рождения. Большое спасибо. Масло можно присылать и не в пластмассовой коробочке. Пришлите несколько простых карандашей и перьев. 10 ноября послал Вам письмэ Получили? Крепко целую Саня»⁴.

Приблизился новый 1952-й год. В феврале исполнялось семь лет Саниной неволи. Наступал последний восьмой тюремно-лагерный год. Как какой-то особый рубеж встретил его Солженицын. В мартовском письме ко мне Саня написал:

«Еще раз благодарю вас всех за неустанную заботу обо мне. Ничего, уж так или иначе, но уж осталось много меньше, чем пришлось с 45-го года. Уж в это время на будущий год буду начинать новую жизнь»⁵.

...В этом самом трудном и суровом лагере Саня обеспечен всем. Он пишет об этом тете Нине в своей мартовской открытке, только пишет с нотками какой-то лирической меланхолии:

---

¹ Солженицын — Н.Н. Решетовской, 24 июня 1951 г.

² Солженицын — Н.Н. Решетовской, 15 июля 1951 г.

³ Солженицын — Н.Н. Решетовской, 9 августа 1951 г.

⁴ Солженицын — Н.Н. Решетовской, 4 декабря 1951 г.

⁵ Солженицын — Н.А. Решетовской, 1 марта 1952 г.

«Я очень сыт с Вашей помощью и совершенно ни в чем не нуждаюсь, кроме счастья, да еще хотелось бы увидеть живое дерево — полтора года ни одного не видел»¹.

Да, он не нуждается ни в чем, кроме счастья... «А счастье было так возможно, так близко...» На мое письмо с сообщением о том, что у меня другая семья, Саня прислал ответ:

«Единственная моя!

С тобой связано все, что только было лучшего и безоблачного в моей молодости. Ты согревала мое сердце столько последних лет. Ты спасла мне меня самого. Ты укрепила мои представления о моей будущей исправленной жизни. После всего этого кого еще я могу полюбить так, как всегда останусь любить тебя — мою или не мою»².

На этом наша переписка оборвалась почти на год. За это время у Сани произошли большие перемены. 9 февраля следующего 1953 года заканчивались 8 лет его официального срока, и за два дня до этой даты Саня покинул Экибастузский лагерь. Он отбыл в послелагерную ссылку. Местом этой ссылки оказался поселок Кок-Терек — один из отдаленных райцентров Джамбульской области Казахстана.

И здесь не обошлось без удивительных совпадений. Город нашей с мамой эвакуации — Талды-Курган Саня проезжал в ночь на мой день рождения. Вот как он сам об этом позже напишет:

«Я думал, что судьба смеется: я проезжал Талды-Курган (когда ехал сюда из Новосибирска) не в какую-нибудь случайную в году ночь, а именно в ночь на 26-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 1 марта 1952 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 21 сентября 1952 г.

февраля! Я не спал и думал — зачем ещё эта насмешка! Но судьба (она вовсе не «судьба», у нее другое имя) всегда знает, что делает»¹.

Третьего марта Саня прибыл в Кок-Терек, а через три дня — 6-го марта — стране сообщили о смерти Сталина. Это событие жизнь ссыльного превратило в сплошное ожидание каких-то перемен. Перемен в лучшую сторону. Саня жил как на пересадочной станции: «В любую минуту взял чемодан, надел рюкзак — и садись в поезд». Это ощущение временности здесь мешало по-настоящему наладить быт. Саня довольствовался малым.

Учительствовать ему поначалу не разрешили, он устроился в Райпотребсоюз экономистом-плановиком. Потом, еще до конца учебного года, и на преподавательскую работу пришло разрешение. Даже экзамены принимал у выпускников. А в начале нового учебного года удалось снять отдельный домик:

«Мне теперь хорошо думается: 9-го я перешел в отдельный дом на тихую окраину: ближе 30 метров никто не живет, а за калиткою моего (пока еще не моего, но думаю, что будет моего) дома сразу начинается степь — хоть и унылая, но очень тихая, очень пустынная, с приятной игрой полутонов на восходе и на закате — а за степью синеют Чу-Илийские горы, которые ты, вероятно, в Талды-Курганские времена тоже видела, только с запада»².

Санин домик хоть и с земляным полом, но светлый, чисто выбеленный. Фраза «пока еще не моего, но думаю, что будет моего» не случайна. Этот домик может стать и Саниним собственным:

«...Снял отдельный дом за 60 р., чистенький, высокий, добротный, приятный, но хозяин собирается уез-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 12 сентября 1953 г.

² Там же.

жать и его продавать. Мне дилемма — или съезжать с квартиры осенью или покупать его. Придется, наверно, купить, хотя не с этого хотелось начать, надо тысячу предметов обихода и радиоприемник (по музыке соскучился зверски — не слышу ее с мая 50-го года!). Правда, зарплата у меня подходящая — номинал 1400, ну 1200 чистых будет. Если дом (с огородом) куплю — с весны надо заняться цветами и деревьями — годика через три может и тень будет — а лет-то пять мне здесь верных еще жить»¹.

Обстановка в Санином домике спартанская. Кровать он сколотил из трех ящиков, матрац и подушку набил стружками, книги расставил на топчане. Там же поставил временно, вместо стола, чемодан. Сам сколотил себе посудный шкаф с фанерными полками.

«...Еще нет у меня стола, одеяла, ведра, топора, книжной полки, много еще чего нет. Все та же моя бессмертная шинель безотказно мне служит 9 лет, скоро 10-й пойдет. Матрас сшил сам и набил стружками. Уж наволочки-то буду на будущий год приобретать, сперва приемник! Много курю, иногда попиваю, стал находить в этом удовольствие»².

Настоящий стол вскоре появится. Табуретка к нему вместо стула уже есть. Но много еще бытовых сложностей, т.к. нет хозяйки в этом домике. Здесь, в Кок-Тереке, Саня считается неплохим женихом. И претенденток на звание хозяйки вполне достаточно и среди молодых учительниц, и среди других.

«...С варкой пищи не устроился никак, питаюсь беспорядочно, сегодня из ташкентского Посылторга получил примус, да что-то не работает. На зиму запасусь саксау-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 12 сентября 1953 г.

² Там же.

лом, саксаул у нас «недалеко» — 20 км.! В другие места за 300 км. возят, сама знаешь, как в Средней Азии с топливом. Вот из-за чего уже надо жениться — по поговорке: «для мяса люди замуж идут, для щей — женятся». Тебе дико это слышать? А здесь это естественно и разделяется всеми»¹.

И у меня в мечтах было, чтобы личная жизнь у Сани устроилась. О том, что он освободился, что он уже не зэк, а ссыльный, я знала от тети Нины, которой Саня регулярно сообщал о себе, только в такой ситуации я могла быть морально спокойна, но сознание мое не оставлял вопрос: должны ли мы, да и сможем ли мы с ним совсем забыть друг друга? Именно это побудило меня в конце августа написать ему письмо, письмо-просьбу, письмо-предложение.

В нашу семейную историю это письмо вошло под названием «письма о параллельных лестницах». Я написала Сане, что мне не хватает духовного общения с ним. А в сложившейся ситуации это возможно только посредством почты, и я предложила ему чисто дружескую переписку, где он бы мне рассказывал о своей жизни, а я ему — о своей. Ведь отныне у нас действительно началась у каждого своя жизнь. Вот и получилось бы жизненное восхождение по «параллельным лестницам».

К несчастью, Саня это письмо понял неверно, но в ответе он высказал столько ценных мыслей, что я не могу обойти их.

Начиналось письмо неожиданно теми же когда-то привычными для меня словами «Ненаглядная моя Джемочка!» Как будто между нами ничего не произошло, но такое начало и для самого Сани было несколько странным. Он даже это объяснить пытается:

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 12 сентября 1953 г.

«Написал обращение — и так странно стало, что я пишу письмо не кому-нибудь, а именно тебе. Просто сказка какая-то... Во столько разных адресов я за это время писал (разыскал многих своих родственников по маме и папе) — но разве есть на свете человек, с которым бы я чувствовал, что он так тонко и точно понимает меня, как ты?..»¹

Саня настолько верит в судьбу, что в любых совпадениях дат и событий видит какой-то мистический смысл. Именно здесь он сообщает мне, в ночь на какое число проезжал Талды-Курган. И само письмо он пишет не в случайную дату: «...Через 2 дня будет годовщина, когда я после мучительных всех догадок прочел в письме тети Нины: «Наташа просила Вам передать, что Вы можете устраивать свою жизнь независимо от нее»².

В такой же мистический смысл Саня облекает теперь случай, произошедший во время регистрации нашего брака:

«За этот год, между прочим, сколько раз я вспоминал ту мелочь, которой 12 лет не придавал значения: будто чья-то невидимая рука странным образом подкинула склоненную к брачному контракту ручку из твоих пальцев — и взлетевшая клякса упала мне на лоб. Как много непонятого в человеческой жизни»³.

В своем письме-просьбе я, как уже говорилось, предлагала ему просто дружбу на всю оставшуюся жизнь и обычную дружескую переписку. Он возразил на это мое предложение:

«Родная моя! За 12 лет я узнал, что дружба — не выдумка поэтов, как мне казалось раньше — это великое чистое чувство, могущее поспорить с Любовью. Но она

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 12 сентября 1953 г.

² Там же.

³ Там же.

бывает очень редко между мужчинами, может быть — еще реже между женщинами, — ее не может быть и не было между мужчиной и женщиной. При всех обстоятельствах, как бы ни сложилась наша жизнь, я могу обещать тебе дружбу только вместе с любовью, а без нее не могу. Ты спрашиваешь — как пойму я твое письмо? А сама ты — поняла ли его?»¹

Далее Саня пишет, что мое послание пришло к нему очень своевременно, «...Очень незадолго до того времени, когда уже ничего нельзя было бы спасти и исправить. Сейчас еще можно, die Hochste zeit (высшее время. — *Н.Р.*), как говорят немцы»².

Саня перечисляет два пути, которые он видит в сложившейся ситуации. Первый путь потряс меня ультимативностью решения вопроса:

«Один путь — если ты найдешь в себе (нет, *находить* не надо — если это уже созрело и есть) — желание, решимость и бессожалительное счастье от такого решения: бросить все, что ты наделала за эти два года — и вернуться ко мне, — так, чтобы вычеркнуть эти два года из твоей жизни, будто бы их не было. Я приму тебя с прежней любовью и нежностью и буду, как прежде, твой»³.

Очень убедительно аргументирован расклад второго пути:

«А второй путь — если ты этого не сделаешь. Тогда между нами некоторое время продержится та сердечная переписка, которая началась сейчас, ты будешь жить двойной жизнью — и муж твой очень скоро это заметит, и тебе придется таиться (как это ты представляешь, что «новое не мешает старому»?), а я тоже женюсь, — же-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 12 сентября 1953 г.

² Там же.

³ Там же.

нюсь, конечно, без любви, но недолге после твоего ответа, просто из практических соображений, и переписке нашей все равно не существовать — если жена моя будет женщина темная — она не поймет ее допустимости или необходимости, а если женщина посветлей — она не вынесет ее существования. Да и что может дать переписка? Известно, что... После этого пройдет сколько-то лет, я появлюсь в ваших краях (это будет, конечно, но может и не скоро), мы встретимся, будет очень радостно и очень больно, больше больно, чем радостно, но уж линии нашей жизни так разойдутся, что параллельности между ними не будет. В этом простом обстоятельстве, что ты будешь замужем, а я женат, и невозможность дружбы... Знаешь ли ты, моя девочка, что твой выход замуж есть пока единственная неудача моей жизни? Все остальное я считаю удачным и благодарю Бога. Моя женитьба будет, вероятно, второй неудачей, но если ты не вернешься ко мне — боюсь, что ее не избежать»¹.

Третьего пути Саня не видит и спрашивает меня, может я знаю. Уже сейчас, перечитывая это давнее письмо, я невольно анализирую его. И как бы заново открываю в нем то, что в свое время оставалось не до конца понятным. Главная цель всего письма — подтолкнуть меня к выбору первого пути. Саня делает это методично и последовательно.

Сначала он как бы осторожно подготавливает мое сознание к принятию такого серьезного решения:

«Эти два дня, пока я не сел за это письмо, я находился в каком то счастливом сознании, что я тебя вернул, что ты опять моя и мысленно разговаривал с тобой обо всем. И вот пока пишу это письмо — пишу без всякого плана, мысли как-то сами развиваются, помимо моей во-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 12 сентября 1953 г.

ли — вдруг я чувствую, что черты твоего лица словно ускользают от моих ласкающих пальцев»¹.

Дальше Саня как опытный артиллерист, а он таким и является, после пристрелочного залпа обрушивает еще один прямо в цель:

«Вот я как понял твое письмо — что, может быть, ты и сама еще не осознала, но ты — опять моя и готова ко мне вернуться. И я проверил себя — хочу ли я этого? и готов ли я тебя принять? И понял, что — хочу и готов»².

И этим словам своим Саня отдает полный отчет. Он осознает, на какие жертвы я должна пойти, какие душевные терзания пережить и какие трудности преодолеть, приняв предлагаемое им решение:

«Да, это очень круто — и для тебя и еще больше — для твоей мамы. С таким трудом только-только установилась новая жизнь — я не скажу «счастливая жизнь», потому что даже до твоего письма был уверен, что она не такова, но во всяком случае очень благополучная, гладкая. И надо все ломать, бросать — и бросать сразу, потому что приняв решение вернуться ко мне, ты уже будешь не жена, это станет ясно через три часа, бросать научную работу, институт, почет, город, благополучие, маму везти в Ростов, а самой ехать в Джамбул, и, развернув в ОблОНО доцентские свидетельства, просить направление преподавателем химии и физики в Кок-Терекскую Среднюю Школу им. Кирова»³.

Даже чувство юмора не изменило ему при описании всей драматичности перспективы моей будущей работы в его краях:

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 12 сентября 1953 г.

² Там же.

³ Там же.

«У них глаза на лоб полезут от удивления. Они живого доцента в глаза не видели, даже мой университетский диплом им как членская книжка Академии Наук — но, конечно, назначение ты получишь, даже в середине года, и получишь часы — в казахских классах и в русских (по названию, а по составу немецко-греческо-украинско-корейских), в школе, крытой камышом»¹.

И тут же с болью в сердце Саня восклицает:

«Ах, моя милая, когда я звал тебя из Талды-Кургана на фронт, и то я был больше уверен в своем праве на это, чем сейчас! Звать тебя сюда, когда сам только и мечтаю о России, о средней полосе, где ты; о ее овражках, о ее березках, о ее клунях и прясельных заборах...»²

После этого фразой: «Ах, что-то письмо расплзлось, и совсем не такое я сел писать!», Саня приостанавливает атаку на мое сознание. Как опытный психолог, он делает своеобразную паузу, как бы давая возможность мне самой поразмыслить над его предложениями. Эту паузу он заполняет спокойным рассказом о своем учительстве:

«...Работаю с большим увлечением, переигрываю тот учебный год, который мы начинали с тобой вместе в Морозовске, и который так быстро оборвался. Преподаю с блеском, знаю, что здорово, хотя кроме учеников никто этого не ценит. Веду в двух десятых математику, физику, астрономию, в двух девярых тоже около этого, много готовлюсь, нагрузка 36 часов в неделю, две ставки, да еще в школе тысяча обязанностей, да еще вечернюю школу собираются открывать — наверно и там надо будет брать девятый и десятый. Времени свободного почти нет, что очень жаль»³.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 12 сентября 1953 г.

² Там же.

³ Там же.

Далее уже процитированное выше описание его домика, неустроенности быта. И серость духовной жизни:

«...Читаю очень редко и мало, и только выдающиеся книги. Думаю попросить своих Пушкина и Лермонтова у тети Нины, а уж Джек-то мне совсем теперь не интересен, хотя название одного его рассказа «Semper idem» — это по латыни, и есть та надпись...»

Латинским выражением «тот же самый» Саня дал понять, что остается писателем. В свое время я не преда-ла этой фразе значения. Смысл ее раскрылся мне только через четыре года. После такой пространной психологической паузы — новое наступление на мое сознание. Прямо афористичная фраза:

«Нет, если я не испорчу своей жизни ее концом, то я жизнью прожитой удовлетворен. Кульминация уже вероятно позади. Счастливее жизнь могла, конечно, сложиться, но лучше — вряд ли»¹.

И опять пауза, не только для меня, но и для самого себя:

«Что-то не вяжется сегодня письмо, брошу его пока»².

Он прервал письмо, собрался с мыслями, настроился и потом продолжил. Теперь уже одновременно и сознание и мое сердце в прицеле его залпа:

«Вот еще только: ты, ради Бога, никогда не подумай, что я на тебя был или есть обижен или сердился — никогда, моя лучшая из всех. Даже, если мы совсем вчуже будем жить, знай, что ты мне дороже всех, всех, всех. Я знаю, как я бывал в жизни слаб, видел — как другие, и легко могу понять и оправдать и твою слабость, тот Санчик, которого ты когда-то знала и совершенно неза-служенно любила — тот бы тебе этого не простил. А те-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 12 сентября 1953 г.

² Там же.

перешный даже не знает — есть ли тут что прощать. Наверно, я виновен перед тобой больше и, во всяком случае, я тебе жизни не спасал, а ты мне — спасла, и больше, чем жизнь».

И после этих слов — такое лирическое завершение письма:

«Спокойной ночи, родная. Уже зашел Антарес, Арктур склонился к горизонту, мой любимый голубой Альтаир (а-Орла) на юге, скоро-скоро выплывет с востока Орион, потом Сириус, Юпитер, Венера — и тогда будет утро. Я сейчас звездное небо знаю, как Пушкинскую улицу от Большого до Среднего проспектов. Есть такое стихотворение: «Возвращение к звездам», не помню чье...»¹

Пушкинская улица от Большого до Среднего проспектов — это любимое место наших прогулок в юности. Этот бульвар соединял наши дома. Именно здесь им было задумано самое глобальное произведение его творчества — эпопея «Красное колесо», первоначально названное «Р-17».

Из лирического окончания письма видно, что Саня писал его всю ночь, в три присеста, почти до самого рассвета. Потом опять стоит дата 13.9.53 и дописано — «Днем».

Такое же нежное обращение: «Сероглазочка моя! Сейчас мне ясно — как я хочу тебе написать: я жду твоего решения и твоего ответа». И сконцентрировав всю суть написанного за ночь, буквально в двух абзацах Саня почти ультимативно ставит передо мной альтернативу: или — или:

«Если возврат ко мне — для тебя — простое и естественное решение, если для этого тебе не надо делать над собой насилия, если для тебя это морально легче, чем

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 12 сентября 1953 г.

оставить так, как есть — напиши мне об этом сразу и приезжай побыстрее. Все будет по-старому, как будто ничего не случилось.

Если возврат ко мне для тебя невозможен, труден или даже в голову не приходил — тоже напиши об этом сразу и ясно. «Спасать» меня не надо, «искупительной жертвы» мне не надо, жалеть тоже, эти чувства мне не нужны. Я буду поддерживать с тобой теплые отношения и в этом случае, но постольку, поскольку обстоятельства моей жизни это разрешат»¹.

И как бы исподволь подталкивает меня к выбору первого «если»: «А за то, что ты нашла мужество для первого письма — спасибо тебе при всех обстоятельствах: я увидел, что ты любишь меня по-прежнему, и это как-то поддерживает меня в самом себе».

И в то же время он не настаивает на скороспешности принятия решения:

«Если будешь колебаться — не пренебрегай маминым советом — может, вместе поймете, как надо и как лучше.

Горячо целую тебя, моя ни на кого непохожая! Твой Санчик»².

Наше взаимное непонимание было настолько глубоким, что я просто не нашла слов для ответа. Саня заставлял меня перечеркнуть все как раз в тот момент, когда я только встала на ноги. У меня была довольно-таки приличная зарплата, которой хватало для оплаты посылок ему, для материальной поддержки двух ростовских тетей, мама смогла спокойно уйти на пенсию, вместо того, чтобы добывать деньги и посылать их дочери. Понимаю, что не ответив, я поступила не самым достойным образом.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 12 сентября 1953 г.

² Там же.

И наша переписка снова оборвалась. Оборвалась на целых три года...

Оборвалась со мной, но продолжалась с тетей Ниной, которая теперь уже в качестве баловства и посылки ему иногда посылала, ко дню рождения уж обязательно:

«Дорогая тетя Нина! Благодарю Бас за поздравление, но не могу со спокойной совестью слышать, что Вы хлопотали — пекли для меня и отправляли, ведь это так трудно для вас, и какие материальные свидетельства могут быть выше самой любви. Вашей ко мне столько-столько лет? Ради Бога, никогда больше никаких посылок мне не посылайте, я и так в неоплатном и бесконечном долгу у Вас»¹.

Тетя Нина регулярно сообщала ему новости обо всех родных и знакомых:

«Поражен известием о Гале (Корнильевой — моей музыкальной подруге. В пьесе «Пир победителей» она выведена под своим именем, но в вымышленной ситуации. — *Н.Р.*). Я ее хорошо помню, и знал начало ее истории, но не знал конца — и не предвидел...»²

И Саня в свою очередь делился с тетей Ниной своими новостями: «В огородном деле я потерпел полный крах: собрал десяток мелких дынь, 5 ведер картошки и $\frac{1}{2}$ мешка семечек (был бы полный мешок, да воробьи поклевали), да еще десяток кабачков — вот и все с $7\frac{1}{2}$ соток! Причины: 1) земля плохая; 2) хозяин плохой. Зарекся заниматься сельским хозяйством. Да еще, ведь меня целый месяц и дома-то не было.

А жаль, — ибо с продуктами в этом году у нас гораздо хуже, картошка вместо 1.60 за килограмм теперь 2.50-3.00, мука — вместо 2 р. за кг. — 4р., молоко стало

---

¹ Солженицын — Н.Н. Решетовской, 12 декабря 1955 г.

² Там же.

дорожать раньше, и сахара что-то нет, так что не могу повторить Вам весенней посылки, к сожалению, хотелось бы. (Речь идет о варенье из помидоров). Топлива (саксаула) у меня от прежнего года на 2 месяца осталось, и не могу никак купить — не везут, заросли стали далеко, все повырубили»¹.

Иногда Саня жалуется на свое здоровье:

«Я почти месяц не вылезая из затяжного гриппа. Очевидно, лейкоцитов все-таки не хватает для быстрой борьбы с болезнями. А опухоль моя опять, кажется, растет, ощущаю ее явственней, хотя болей пока нет. Если будет расти — опять Ташкент, опять рентген, опять все вверх дном...»²

Правительство объявило очередную амнистию, но сколько их пережил за все эти годы Саня, так что и на эту особенно не надеется. Всего две скупых строчки о ней в октябрьском письме: «Относительно амнистии до сих пор так и не знаю, относится ли она ко мне...»³

Но видя, как других амнистируют, Саня теряет спокойствие:

«У нас освободили часть, а некоторых — нет, и меня в том числе (...) Скорее всего придется жаловаться, писать, а это долгая история. Очень будет досадно, если не освобожусь до лета — так уж твердо собрался ехать к Вам»⁴.

Его желание приехать в город своей юности — Ростов — сквозит в каждом письме: «В случае освобождения от ссылки, я будущим летом обязательно приеду к Вам

---

¹ Солженицын — Н.Н. Решетовской, 5 октября 1955 г.

² Солженицын — Н.Н. Решетовской, 12 ноября 1955 г.

³ Солженицын — Н.Н. Решетовской, 5 октября 1955 г.

⁴ Солженицын — Н.Н. Решетовской, 12 ноября 1955 г.

погостить...»¹ Но только погостить. Никаких других планов по поводу Ростова Саня не строит, он просто реально и трезво взвешивает обстановку: «...Устроиться работать в крупном городе — это несбыточно, в лучшем случае буду искать глухое место в Средней России, не на железной дороге и не районный центр»².

Он решил одну глушь сменить на другую — глушь казахстанскую на российскую глубинку. Хотя и в центре России он тоже желанный гость для друзей: «Друзья действительно обо мне хлопочут и очень ждут в Москву»³. Их много. «В жизни мне вообще в любви не везет, но очень везет в дружбе...»⁴

В любви не везет — у меня другая семья. Друзей много, но они не рядом. А здесь: «Устал от своего тяжелого одиночества — и не предвижу ему конца»⁵. Чем только ни пытается заняться Саня, чтобы скрасить это бесконечное одиночество:

«Благодарю и за бумагу — я много привез летом из Ташкента, но много и расходовал, пока учился печатать, здесь была случайно — тоже покупал, и все равно сейчас опять заказываю в Ташкент, не стал я любить коммерции, а то можно было бы здесь подрабатывать фотографией»⁶.

Одна из тети Нининых посылок — сентябрьская — была особенно желанна и особенно ценна для Сани, она усилила ностальгию по дому родному:

«Не могу сказать, как я вам благодарен за присылку моих фотоальбомов: среди них так много забытого, так

---

¹ Солженицын — Н.Н. Решетовской, 5 октября 1955 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Солженицын — Н.Н. Решетовской, 12 ноября 1955 г.

⁶ Солженицын — Н.Н. Решетовской, 5 октября 1955 г.

много выражений лиц, уже выветрившихся из памяти, — очень меня все это взволновало, как будто обдало волной невозвратимой прошлой жизни, уснуть не мог и второй день хожу под этим впечатлением. Особенно поразили меня снимки с Наташей на фронте — увидел ее опять той обаятельной и любимой, которой всегда она была для меня — и так это живо, как будто вчера!»¹

Фотоальбомы воскресили в памяти прошлое и с новой силой всколыхнули неостывшее чувство ко мне. Это чувство испытано не только 10-ю годами разлуки, но и двумя годами моего молчания. Ведь после Саниного ответа на мое письмо о «параллельных лестницах», я так и не нашла что ему написать.

За это время Саня пережил большие душевные потрясения. Главным из них явилась неожиданно подступившая серьезная болезнь. Констатированный врачами рак поверг так ждущего свободу ссыльного в уныние и смятение, ведь столько написано, столько заготовлено и еще больше задумано. Кому доверить написанное, кто сохранит?

Своими тревогами делиться со мной он уже не мог. Тете Нине написал сдержанно, без особых подробностей, а та от меня решила все скрыть, чтобы не вносить никаких волнений в мою новую размеренную семейную жизнь. В самой ссылке единственными друзьями, которым доверялось все, были Зубовы, и неожиданно, узнав о нашей размолвке, Сане написала моя подруга детства Ира Арсеньева. Она была врачом, и ей решил Саня доверить все тонкости своего состояния, заодно и проконсультироваться. Их переписка продолжалась почти два года. Смысл ее эмоционально выражен в самом первом Санином письме — ответе на письмо Иры:

---

¹ Солженицын — Н.Н. Решетовской, 5 октября 1955 г.

«...Я очень одинок, и мне очень дороги твои строки, хочется иногда разрядить душевное настроение в разговоре, в письме — и не с кем и не кому. Писать Наташе как-то не хочется. (...) Дай ей Бог всяческого счастья в жизни, у нее редкое сердце, и совершила она, хоть и оказавшийся бесполезным, сверхсильный подвиг, я всегда буду о ней самых лучших воспоминаний, но видно правду говорят, что на то место, где была любовь, ничего уже другого, никаких заменительных отношений не поставишь»¹.

Саня как никогда одинок в эти годы. Жена обрела другую семью. Новой женой не обзавелся, да и есть ли смысл обзаводиться теперь, когда, возможно, и дни его сочтены при такой болезни. Из родственников — никого, их заменяет ставшая роднее родных — стареющая тетя Нина:

«...Конечно, очень жаль, если ... тетя Нина не доживет до встречи со мной, но ведь выше головы не прыгнешь. В детстве и в юности мы непростительно невнимательны к окружающим взрослым, а потом, когда они уходят из жизни, вдруг ощущаем какой богатый, оставшийся от нас скрытым, но могший нам открыться мир мы упустили. Так я потерял двух своих любимых теток, дядю — это только по линии мамы, а по линии отца я и не считаю, одних двоюродных братьев и сестер с десятков — и ничего не знаю ни о ком»².

Заканчивает это свое первое письмо Саня почти философским возражением на фразу Ирины о тете Нине:

«Как ты смешно написала: «несмотря на тяжелую личную жизнь, она сохранила доброту души». Как это — несмотря? Благодаря!! А у кого же ее встретишь, доброту? Только у несчастных. Счастливые добрыми не бывают»³.

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 9 апреля 1953 г.

² Там же.

³ Там же.

Тревога о тете Нине проходит почти через все Санины письма к Ире Арсеньевой:

«В первом же письме напиши, мне, Ирочка, о здоровье тети Нины, только правду, как она есть. Я боюсь, что плохо ей, бедняжке. Так я люблю ее, беззаветную, так мне хочется дожить до встречи с ней. Но если ты увидишь, что мне с ней не встретиться — вот к тебе моя большая просьба — сохрани для меня ярко и подробно повесть ее великолепной и несчастной жизни. Ах, как мы в молодости невнимательны к старшим!..»¹

Параллельно с тревогой — ответная забота о тете Нине:

«Милая Ирочка. Не сможешь ли ты сделать того, о чем мне неудобно просить тетю Нину при ее нынешнем состоянии здоровья — раскопать у них в шкафу все, что есть там моего и перечислить мне. Там Пушкин, Лермонтов, как будто Джек Лондон и какие-то словари, о которых как-то упомянула тетя Нина. Интересно — какие именно. Кроме того, там наверно велосипедные воспоминания и амулеты юности — бумажонки, с каждой из которых связан вихрь воспоминаний. Эти-то я сюда брать не буду, рассчитывая, что дом мой все-таки не здесь. Ты перечислишь книги — я напишу тогда, какие попросил бы выслать, Пушкина и Лермонтова обязательно. А Джека Лондона, если представится случай — хорошо бы продать, мне он уже не интересен, а сын у меня если и будет, то нескоро. Я думаю, за Джека можно взять порядочно, он теперь редкость, особенно — полный, он страшно нравится мужской молодежи в возрасте от 12 до 18 лет да и позже зачастую. ...Если удастся продать, все деньги — тете Нине, мне они не нужны, а у нее я в неплатном долгу»².

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 15 июня 1953 г.

² Солженицын — И. Арсеньевой, 25 августа 1953 г.

Ира сделала все, как просил Саня, и деньги вручила тете Нине.

«...Я очень растроган тем, как быстро и удачно ты выполнила мою просьбу относительно продажи книг. (...) ... Тетя Нина в последнем письме писала, что дескать я не должник ее — категорически передай, что дескать я семьдесят семь раз должник и не знаю, чем и когда смогу отблагодарить хоть немного»¹.

Ира, пожаловавшись на семейные неурядицы у ее брата, не ожидала, что эти строки так созвучны Саняному душевному состоянию. Он так сочувственно пропустил их через себя:

«Изо всех неурядиц, какие бывают с человеком, самые обидные на мой взгляд — семейные, потому что кажется их проще всего миновать, что они во власти самого человека, меньше всего следовало бы о них думать, а приходится — больше всего...»²

Так же близко к сердцу Саня принимает и жалобы Иры на свою собственную жизнь:

«Мне тяжело было прочесть твое письмо в том его месте, где ты рисуешь образ своей жизни. (...) Роковое противоречие бытия... Ты не успела еще выйти из-за парты — как уже все надежды семьи собрались на тебе — и чем меньше ты могла отказать, тем больше от тебя требовалось, и так нельзя и нельзя не так... И кто укажет ту меру, ту границу — между жертвой для других и жизнью для себя? Мера всех вещей — человек. Сам»³.

Оба эти момента — и с Ириным братом, и с самой Ирой Саня подытоживает такой фразой: «Так вот житей-

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 7 октября 1953 г.

² Солженицын — И. Арсеньевой, 11 мая 1953 г.

³ Солженицын — И. Арсеньевой, 15 июня 1953 г.

ские мелочи изматывают людей больше, чем жизненные катастрофы»¹.

Ирины сетования на трудности жизни располагают Саню к большей откровенности. Уже в первом письме вот что он пишет о себе:

«Вообще, Ируся, я очень изменился, чего вы все конечно себе не представляете. Если раньше проявлять в жизни настойчивую энергию, ходить и говорить только быстро и не допуская возражений было моим свойством, то теперь я хлопочу о своем месте под солнцем только нехотя, и только в крайних обстоятельствах, ходить люблю медленно, говорить тоже, а еще лучше других послушать. Нервы у меня удивительно успокоились за последние годы, появилось добродушие, уступчивость — и дай Бог, чтобы приступ новой нервной жизни не вызвал обратного моего изменения. (...) Что жизнь поступила со мной жестоко до сих пор — не жалею — я сам, ведь, смолоду напрашивался на необычную жизнь — вот я ее ж получил. Вообще, как расскажешь себя на листке бумаги? (...) Как говорил Тютчев: «словами ль высказать себя?»²

Во втором письме Саня продолжает эти откровения:

«Напишу несколько слов о себе, чтоб ты поняла, каков я теперь есть. Я сгорел бы от стыда, если бы был схож со мною прежним. И, прежде всего, это относится к «энергии в жизни». Зачем она мне? Мне глубокий (...) четвертый десяток, хотя бы перед лицом могучего кругооборота природы — достойно ли мне семенить ножками? (...) Тетя Нина мне много раз пишет: «нет ничего на свете дороже жизни». Это совершенно неверно, я знал случаи, когда люди отказывались спасти свою жизнь — ибо

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 15 июня 1953 г.

² Солженицын — И. Арсеньевой, 9 апреля 1953 г.

для этого должны были пойти на низость. Значит, уже жизнь не выше всего, есть кое-что повыше. (...) У меня (...) очень светлый взгляд на мир, веры в людей, я не только никогда не терял, но окреп в ней — и именно поэтому я бы всего охотнее жил сообразно с природой — неторопливо, не высовываясь, не накопляя, не заботясь о завтрашнем дне, не тянясь ко всему блестящему — ибо не все то золото, и не знаешь, где найдешь, где потеряешь. (...) Увидев меня вживе, ты бы поняла, как проста, естественна и неколебима эта моя точка зрения, так не пытайся вернуть меня на стезю самоуверенного пылкого мальчишки, от которого никому кругом покоя не было»¹.

Как видим, Саня не сразу обрушивает на Иру весь груз своих недугов. Он постепенно подготавливает ее, как бы медленно вводит в свое состояние. Только в конце второго письма он отваживается упомянуть о своих болезнях:

«Ты знаешь, очень глубокое впечатление произвел на меня мой сердечный припадок (...), видимо мне подошла пора не «расцветать», а (...) сворачивать жизнь потихоньку. С амнистией я уже не связываю никаких надежд, вопрос — сколько лет я тут сумею прожить, если меня будет мучить малярия (видимо, это опять она, но в какой-то неизвестной мне вкоренчивой форме), и достал частным образом хину, гр. $3\frac{1}{2}$, но не принимал, пока врачи развели руками — что со мной. Тогда предложил им, что два дня пью хину (3 x 0,3 каждый день) — и сегодня кончаю. Температура ощутительно снижается, но как-то нетвердо (...) Голова — вся из чугуна, барабанные перепонки как распирает изнутри, даже не могу тихо лежать и перебирать воспоминания — очень нудное состояние»².

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 11 мая 1953 г.

² Там же.

Испытываемые боли, и особенно та, которая может стать роковой, вносят в нашу жизнь некоторое смятение и полную неясность жизненной перспективы. Он очень образно преподносит это Ире в третьем письме:

«...В моем последнем письме (...) тебе многое показалось неясным? ... это неудивительно — ясности нет во мне самом, откуда ж ей взяться в письмах? Представь себе такую лубочную картинку на старинных палехских шкатулках — вышел мужичок в армячке за околицу, сел у дороги лапти переобуть да онучи перевернуть — ин загляделся на Божий мир, рот раскрыл и замер, вот и я в таком состоянии. Старую жизнь я кончил, новую не начал, — и как ее начинать и надолго ли — не знаю. Сколько лет моя жизнь до мелочей была предопределена не мной, что я и сейчас еще не ощущаю в себе этой физической свободы решать вопросы бытовые, семейные и другие. А тут еще неожиданная эта цепь болезней (прочтешь в письме к тете Нине) замедляет темп жизни и заставляет усомниться — к чему ж я ближе — к юности или к старости. Есть такой афоризм, что жизнь начинается в 40 лет. В известных условиях, вероятно — да, но по отношению ко мне — не знаю»¹.

Одно объяснение этой жизненной неясности Саня пытается связать с потерей семьи:

«Неясность жизни у меня создалась во многом и от того, что так недавно произошло Наташино замужество, еще так недавно я об этом узнал. Замужество Наташи дало мне еще какую-то вторую свободу, которой я не просил, не ждал, которая бывает заманчива для мужчины, собирающегося жить долго и ярко, и которая тягостна для человека, перевалившего жизненный зенит. А я,

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 15 июня 1953 г.

выражаясь астрономически, не знак своего зенитного расстояния, и не знаю, с плюсом оно или с минусом!»¹

Ира и как женщина, и как врач очень прониклась состоянием Санниного здоровья. Она просит подробно писать о всех нюансах самочувствия, чтобы дать по возможности квалифицированную консультацию. Она задает ему вопросы. И Саня цепляется за возможность взглянуть на свои боли глазами доверенного доктора:

«...Я сейчас очень веселый целую неделю — потому что болезнь моя не то, чтобы ушла, но, видимо, притаилась до поры до времени. И я вдруг почувствовал себя на 10 лет моложе (...) и думаю — может еще правда поживу немножко? Даже для этой цели курить хочу бросить, потому что давно заметил, что курение вредно отзывается именно на желудке, у меня во всяком случае. Я очень тронут, Ирочка, твоим вниманием к моей болезни, хотя сейчас она прошла, но, конечно, еще вернется и к тому времени надо точно знать, что делать. Поэтому отвечу на твои вопросы и буду ждать твоего медицинского приговора»².

Все остальные письма состоят в основном из подробностей самочувствия, из ощущений различных болей, из диагнозов местных лекарей и вопросов, вопросов, вопросов...

Иногда Саня сам делает философские заключения своему состоянию:

«Я от работы не устаю, но ослабление внутренней воли жизни, которая была тем выше, чем труднее обстановка жизни, — это ослабление видимо и привело к податливости моей болезни»³.

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 15 июля 1953 г.

² Солженицын — И. Арсеньевой, 16 июля 1953 г.

³ Солженицын — И. Арсеньевой, 7 октября 1953 г.

Обострившиеся желудочные боли «не острые, но надоедливые, почти после каждой еды — в разных местах — справа и слева, выше и ниже» Саня связывает со своей бытовой неустроенностью:

«...Надо бы есть часто понемногу, а я вынужден из-за трудностей с варкой и подогревом есть только 2 раза в день — утром часов в 8 и днем часа в 4 — 5 и все, а на ночь нагружаться мне вредно, да и помногу есть вредно, так я ем понемногу, как-то уже и привык, и аппетита прежнего волчьего нет — слабости от этого режима питания не чувствую, но худой, как щепка»¹.

А бытовые условия ухудшились в связи с очередным переселением. В сентябре Саня переехал в другой отдельный дом на той же восточной окраине Кок-Терека. Это в 50-60 м от прежнего жилья, картина примерно такая же, какая была описана раньше мне:

«...Вся улица, идущая с севера на юг состоит из 6 домов, далеко отстоящих друг от друга — это один порядок, а второго, противоположного, нет, как и номеров на домах нет — сразу от наших «заборов» из колючих веток джунгиля начинается степь — километра через три в ней виднеется ближний колхоз, а еще дальше на горизонте синеют Чу-Илийские горы (на картах физических они показаны). Садовая ул. плотно и густо заселена, там и люди все время кричат, переговариваясь через улицу, и хрюкают и визжат свиньи, кричат ишаки, и машина и всадник иногда пропылит, а на параллельной ей Пионерской — ничего кроме глухой полевой тропинки, тишина изумительная, даже сейчас, в летний день, только доносится издали петушье пенье, а осенней ночью тут будет совершенно потрясающая тишина»².

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 7 октября 1953 г.

² Солженицын — И. Арсеньевой, 9 сентября 1953 г.

И сам домик ничуть не хуже прежнего:

«Дом, снятый мной за 60 р. в месяц, состоит из основной комнаты (3 х 3), кухни (3 х 2) и коридора (3 х 1), идущих одна за одной под одной связью. Полы, как здесь водится, земляные, потолка нет, а крыша высоко — встав на цыпочки и вытянув руку до предела, едва касаюсь до матицы (продольной балки, на которую кладутся стропильца из джу-до — единственного водящегося здесь дерева, не считая тополей, которых, конечно, не рубят). Квартирка чисто выбелена, светленькая: в комнате 2 окна (на юг и на запад), в кухне одно (на юг) и в коридоре два малюсеньких. Из коридора дверь — на огород, с огорода — калитка на Пионерскую. Печка одна — топится из кухни и обогревает комнату, рамы на зиму будут двойные...»¹

И опять та же гамма проблем, которая была в прежнем домике:

«...Предстоит обзаводиться: одеялом, зеркалом, веником, ведром, примусом, чайником, тарелками, стаканами, книжной полкой, столом, креслом, вешалкой, занавесками, портретами Толстого, Достоевского и Пушкина (не знаю где достать), после этого — радиоприемником, да запастись на зиму картошку — но все это осложняется вот чем: хозяин ходатайствует о переводе его в Караганду. Если перевод будет разрешен (...), то дом он будет продавать тысячи за две — 2.200. Естественней всего было бы мне же и купить его — уж больно место хорошее да еще и с огородом — но тогда надо из зарплат откладывать деньги на дом и мириться еще месяца 3 с неустройством внутри и с отсутствием музыки. Еще не решил, как лучше. Деньжат-то я буду получать теперь в четырехзначном числе, так что можно бы разрешить себе роскошь покупки дома»².

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 9 сентября 1953 г.

² Там же.

И главной проблемой остается отсутствие хозяйки в доме. Так и не отважился Саня остановить свой выбор на какой-нибудь Кок-Терекской невесте.

Как ни пытался подыскать подходящую, как ни приглядывался — не выбрал. Единственное место для знакомств, где собиралась молодежь, — танцплощадка. «Еще тут есть ряд развлечений — танцы под гармошку, но танцевать я как-то не унижаюсь, наша учительская молодежь ходит туда, но уж я и стар, должно быть»¹. Для дружеских взаимоотношений оставался свой учительский коллектив. Среди молодых учительниц были приятные девушки. К трем из них он проявил особое внимание, даже стихи написал об этом:

И куда, бывало, шаг я ни направлю,
Сам не помню как, оказывался вместо —
В комнате, где девушки из Ярославля,
Жили три учительницы, жили три невесты.

Стихотворение так и называется «Три невесты». Саню умиляла простота и какая-то несовременность обстановки их уютной общежитейской комнаты:

Там висели зайчики смешные на стене,
В безделушках девичьих цвела душа живая,
Над мотками розовых, зеленых мулине
Девушки склонялись, вышивая.

Это было так несовременно...
Так милы мне были три головки русые, —
Блока белокрылого, Есенина смятенного,
Бунина закатного, обдуманного Брюсова.

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 25 августа 1953 г.

Саня рассказывал им много интересного из кладезя своих познаний, пытался дискутировать на разные темы, читал стихи, какие только помнил, а наизусть он знал много...

Я метал им все, что помнил только лучшего,
Голову в жару свою охватывая,
Отцедил смолы янтарной Тютчева,
Брызнул зелья черного Ахматовой.

Но достойных собеседниц и достойных ценительниц изящного так в них и не нашел наш эрудит.

Клеткам счет не потеряли, и на горле выемов
Не поправили, и нити брали — те;
Я списать не дам ли песенок из фильмов, —
Лишь одна спросила в простоте.

Иглы быстрые мелькали так же почасту,
Пальцы ловкие скользили по канве...
И холодную блестящую корону одиночества
Я в ознобе ощутил на голове...¹

Полное разочарование. Не почувствовал Саня прежде всего духовного родства ни с одной из трех невест. А раз нет духовного родства, то можно ли доверить самое сокровенное? Нет, нельзя.

Лучшие друзья по ссылке — супружеская чета Зубовых — тоже приложили усилия, чтобы Саня поскорее покончил со своей холостяцкой жизнью. Николай Иванович порекомендовал медсестру Настю, с которой в свое время он находился в одном лагере. Саня сначала завел переписку, а потом на несколько дней отпросился и съездил в Караганду, где Настя проживала после лагеря.

---

¹ Солженицын А. Три невесты (из архива Н.А. Решетовской).

Жила она с подругой. Та специально уходила к знакомым, чтобы создать все условия Сане и Насте. Напрасно. И Настя не пришлась по душе — уж сильно она была некрасива. Ее подруга и то больше понравилась, как потом признавался Саня.

А Елена Александровна Зубова решила посватать его к своей племяннице — златоустовской студентке Наташе. Дочь репрессированного, не вернувшегося из лагеря, — такая внушала доверие. Но уж слишком далеко Златоуст, туда пока не отпустят. Начался почтовый роман.

А в Москве о том же — как женить Саню — хлопочет жена его солагерника Панина — Евгения Ивановна.

А пока холостяцкая жизнь продолжается...

Но не только отсутствие хозяйки мешает Сане наладить нормальный быт. В нем по-прежнему преобладает ощущение временности на том месте жительства. Ире он повторяет то же образное сравнение, какое уже писал однажды мне:

«Вообще я не предпринял еще ни одного шага к тому, чтоб наладить здесь какой-то свой быт, живу как на пересадочной станции, в любую минуту взял чемодан, одел рюкзак — и садись в поезд...»¹

При всем ощущении временности он ничего не предпринимает, чтобы это время сократить:

«...Никто здесь так не живет, и я долго ли выдержу — не знаю. Самое смешное при этом, что те, кто покупают или достраивают дома, запасаются на зиму топливом или обрабатывают огороды — те в гораздо большей степени, чем я, ждут какой-то амнистии. Я — не жду. Я просто лопухом не свыкся с мыслью, что мне здесь долго-долго жить. Я не жалею сейчас, в июле, что не писал никакой просьбы о пересмотре в марте. Сей-

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 16 июля 1953 г.

час — легче написать, чем тогда, но все-таки и сейчас я не пишу. Трудно объяснить это, Ирочка, ты не поймешь»¹.

Такое впечатление, что Саня вверил себя судьбе и медленно плывет по течению, не барахтаясь, не пытаясь прибиться ни к какому берегу. И никому другому он старается не причинить никаких беспокойств:

«У меня пока жизнь спокойная. В школе начинаем, правда, ремонт, но он меня глубоко коснуться не должен. Занимаюсь методикой физики, хожу на речку купаться, по вечерам читаю, рано (в 9.30 — 10.00 вечера) засыпаю, просыпаюсь в 5-6.00 утра, сплю на улице. Я тронут твоей просьбой сообщать о моих затруднениях, но видимо, что не придется: материальных, слава Богу, нет и пока не предвидятся, а духовных — лес густой, бор дремучий»².

Хозяйкой в доме Саня так и не обзавелся, а теперь уже и мысли такой не держит. Болезнь его обостряется и приобретает даже катастрофическую форму. В конце ноября 1953 года он уезжает в Джамбул. Предотъездное письмо — это крик души, именно из этого письма становится ясно, какие надежды возлагал Саня на мою подружку Иру Арсеньеву:

«...Я еду, наконец, в Джамбул, но в таком тяжелом состоянии, что не знаю, что случится со мною в дороге и там: может быть на днях я окажусь в больнице или под ножом хирурга.

Надо быть всегда готовым к худшему, поэтому пишу тебе, родная, в предположении, что я умру. Вот моя неуклонная горячая последняя просьба к тебе: если я умру, то этим летом ты обязательно, отбросив всякие помехи, приедешь в Берлик. На Садовой ул. 41 живет врач Николай Иванович Зубов, который заботливо лечил меня во всем течении моих безжалостных болезней. От него ты

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 16 июля 1953 г.

² Там же.

узнаешь подробности моего последнего года жизни, и этим самым как бы повидеаешься со мной. Кроме того, ты распорядишься остатками моего имущества, которого наберется больше тысячи, что окупит твою дорогу.

Ируня! Если только мне придется так рано умирать — я умру с надеждой, что ты не пренебрежешь моей просьбой и не сочтешь ее капризом.

Письма этого тете Нине не читай, чтоб не пугать ее и не пугайся сама, но я ведь знаю, как меня еще скрутит дальше. Уже сейчас сесть за стол и написать письмо для меня физически больно и трудно.

Предполагают язву, нервы расшатались. В пояснице нестерпимые невралгические боли. Уже ночей 10 не сплю, ем очень мало, обессилел и потерял трудоспособность и всякий вкус жизни.

Целую тебя, моя самая близкая. Саня»¹.

Саня не в состоянии написать Ире открытым текстом, что она — единственная, кто может приехать и забрать самое ценное, что он способен оставить после себя — рукописи, наброски, заготовки написанного за эти годы. Саня чувствует ее непонимание и усиливает свою просьбу уже из Джамбула:

«Но не знаю, каких еще ужасов мне наговорят, может и заставят лечь на операцию. В предвидении и такого случая вкладываю тебе письмо, которое я написал еще в Берлике на случай «смертного» варианта. Ира! Это — не шутка, не балмошь, не дурь — это моя последняя (в случае смерти) воля. Выполни ее»².

Это возрастающее беспокойство за судьбу своих рукописей обосновано:

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 25 ноября 1953 г.

² Солженицын — И. Арсеньевой, 2 декабря 1953 г.

«Дорогая Ируся! Результат рентгеноскопии ошеломляющий и опрокидывающий все. Насколько я понял из этого всего — никакого желудочного заболевания у меня нет, а есть огромная опухоль — и может быть злокачественная»¹.

Поэтому в каждом письме к Ире настойчивая просьба приехать в Кок-Терек:

«Не забывай, милая, что я написал тебе на случай моей смерти. Я знаю, о чем прошу»².

И в каждом письме параллельно с диагнозами и вопросами медицинского плана — рассуждения о смысле жизни и о неизбежности смерти:

«...Последние две недели в Берлике я провел в таких мучениях, что стал совершенно серьезно думать или о неизбежной смерти или о самопроизвольной. Очень рано умирать в 35 лет, но когда лишаешься возможности спать, есть, двигаться, сидеть за столом, когда ни Толстой, ни Чайковский уже не волнуют — то это все равно не жизнь»³.

«Говорят, Бог все делает к лучшему, мне легче, что я не верю в полноту нашей смерти. Какая-то духовная субстанция остается»⁴.

«Хотел я тете Нине не писать — да как-то трудно разрабатывать целую систему лжи и лгать от письма к письму. А главное, когда умру — все равно этого не скрыть»⁵.

«Должен бы я сейчас испытывать последние вспышки жизненных сил, энергию использовать последние месяцы

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 2 декабря 1953 г.

² Солженицын — И. Арсеньевой, 11 декабря 1953 г.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Прототип Льва Рубина в романе
"В круге первом" Лев Зиновьевич
Копелев на шарашке в 1948 году

Л.З. Копелев в молодости

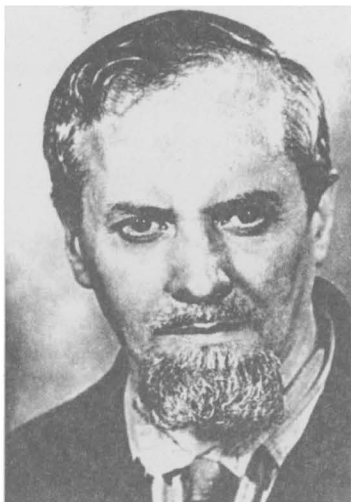
Л.З. Копелев со второй
женой – Раисой
Давыдовной Орловой

Надежда Колчинская – первая
жена Л.З. Копелева. 1949 год.

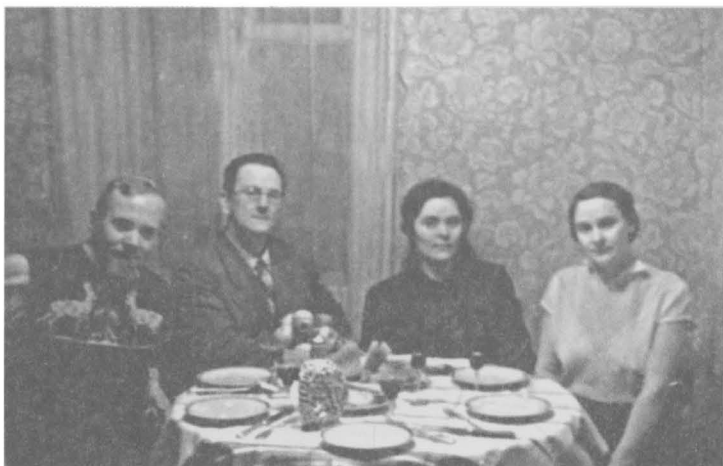

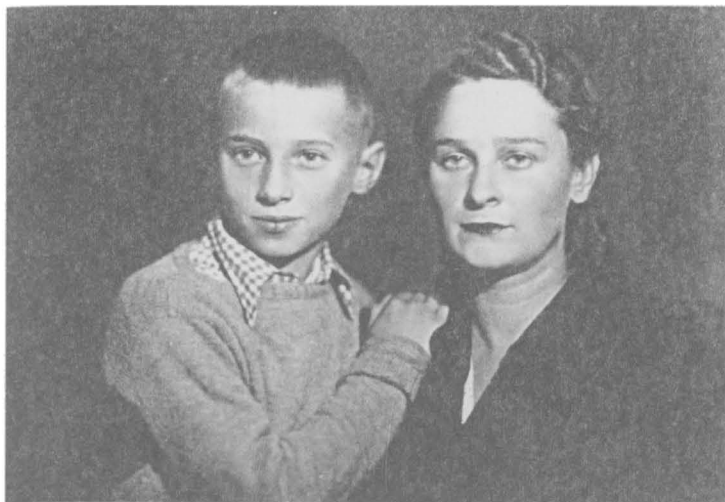
Евгения Ивановна
Панина-Голобородко

Дмитрий Михайлович Панин.
1960 год

Супруги Панины и Ивашевы-Мусатовы в московской квартире Паниных, где произошла судьбоносная встреча А.И. Солженицына и Н.А. Решетовской. Лето 1956 год

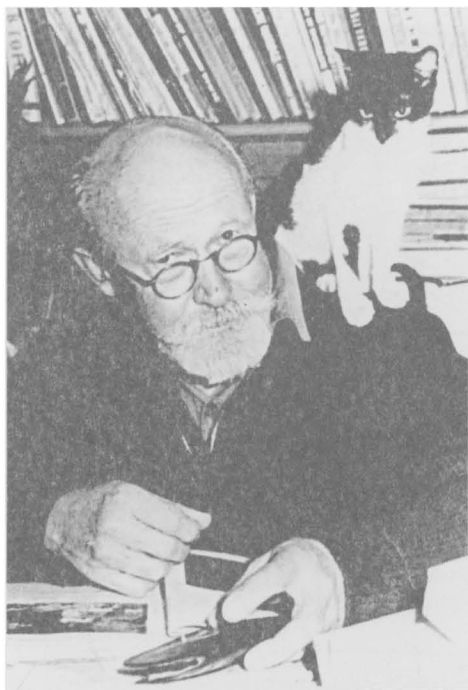

Е. Панина-Голобородко с сыном Сергеем

Сын Паниных — Сергей Дмитриевич в гостях у Н.А. Решетовской.
В центре — литературный помощник Н.А. Решетовской журналист
Н.В. Ледовских. 24 февраля 1994 г.

Н.И. Зубов

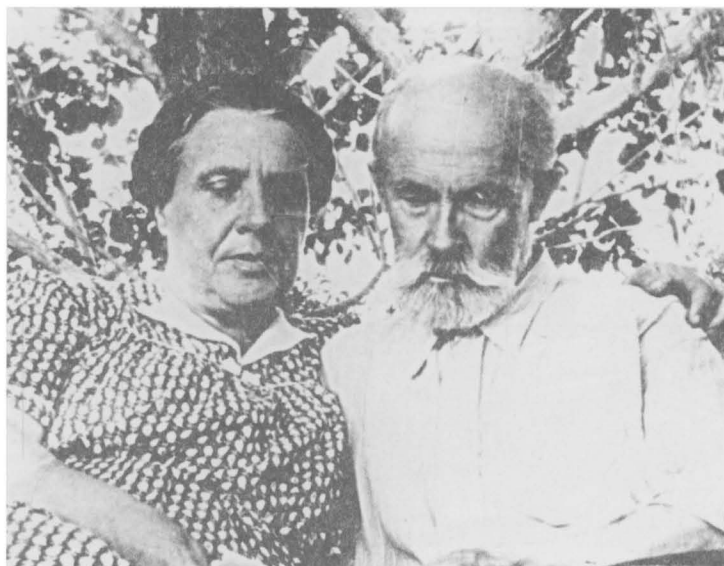

Н.И. и Е.А. Зубовы

Супруги Зубовы в разные годы жизни

1985 г.

Екатерина Васильевна и Николай Андреевич Семеновы в разные
годы жизни

Н.А. Семенов в гостях у А.И. Солженицына и Н.А. Решетовской читает главу "Улыбка Будды" в рукописи романа "В круге первом"

Супруги Семеновы у знаменитого дуба в селе Хортица, под которым, как гласит легенда, запорожцы писали письмо турецкому султану. Дубу более 600 лет и его диаметр 3 метра

Супруги Формаковы
в день золотой свадьбы
12 июня 1982 года и их
дочь Женья

Тети Н.А. Решетовской — Мария и Нина,
ее мама — Мария Константиновна и тетья А.И. Солженицына —
Ирина Ивановна Щербак

Лидия Ежерец-Симонян

Наташа Бобрышева (Агния
"В круге первом"), племянница
Е.А. Зубовой, предполагаемая
невеста А.И. Солженицына.
Снято летом 1956 года
в г. Златоусте
А.И. Солженицыным

Счастье первой встречи
на Матренином дворе
в октябре 1956 года

Там же счастье второй
встречи в феврале
1957 года

Так Наташа снимала
Саню. На мостике
через речку
Караслицу в деревне
Мильцево
Владимирской
области

И так Саня снимал Наташу

Первый приезд в Рязань 30 декабря 1956 года. А.И. Солженицын на ступенях вокзала давно не существующей станции Рязань-Пристань

Первое знакомство с Рязанью.
А.И. Солженицын на фоне храма
Спаса на Яру. 31 декабря 1956 года

"Но прежде чем мужа обнять она его... сфотографировала", — написал А.И. Солженицын на обороте этой фотографии. Второй приезд в Рязань на весенние каникулы 24 марта 1957 года

Таким А.И. Солженицын
вернулся из казахстанской
ссылки

Встреча Нового 1957 года в рязанской квартире Н.А. Решетовской

Рязань, дом в 1-м Касимовском переулке-12, где в квартире № 3 жила Н.А. Решетовская

"Вторая весна" - так назвали это фото супруги. В позолоченной старинной рамке оно висело в московской квартире Н.А. Решетовской до последних дней ее жизни. Весна 1957 года.
Рязань

С подаренной Валентином Туркиным — дядей Н.А. Решетовской — книгой Ренана о Христе на палубе теплохода Лев Толстой из Москвы в Рязань, казалось, навсегда. Июнь 1957 года

Воссоединение состоялось. 1957 год

Казалось, счастью не будет конца. Петергоф, 1958 год

Н.А. Решетовская на даче "Борзовка" работает над мемуарами.
Лето 1977 года

жизни — а вместо этого все что-то спать хочется (или это от иссык-кульского корня?) и то, что должно бы горячо волновать — волнуется мало»¹.

«...Живу в каком-то отупении. Первые дни в Берлике чувствовал себя хорошо и поэтому *знал* о смерти, но *не верил*, не чувствовал ее — так можно и бороться со смертью и победить ее, а последние дни на мой ослабевший организм напали и основные хвори — сил нет, никакой работоспособности, еле хожу в школу...»²

«А умирать рано! В 35 лет самый сок жизни начинается — достаточно изучено, достаточно понято, только-только созрел мозг, только-только устоялись чувства — и все это так бросить и уйти? После моей уродливой биографии это была бы несправедливая смерть — но смерть и не добивается справедливости. Так разговариваю со мной, Ируся, со мной как с трезвым человеком: я очень не хочу умирать, но я не боюсь смерти, мне важнее трезво знать опасность, чем питаться иллюзиями: я и так не в панике»³.

Две женщины не на шутку обеспокоены Саниным состоянием — Ира Арсеньева и, конечно, наша любимая тетя Нина:

«Получил письмо от тети Нины о 7 кг. меду — куда столько, Боже! Я просил 3-4 кг., поеду в Ташкент — все имущество надо оставлять наследникам, ибо не знаю — вернусь ли»⁴.

А через два дня:

«Сегодня одновременно получил — твое письмо (...) и посылку тети Нины с медом, уже не нужными (не го-

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 11 декабря 1953 г.

² Там же.

³ Солженицын — И. Арсеньевой, 16 декабря 1953 г.

⁴ Солженицын — И. Арсеньевой, 14 декабря 1953 г.

вори ей так) запонками. Поблагодари сердечно тетю Нину...»¹

Усиливая мысль о предстоящей кончине, Саня осознает, что изливает душу не только врачу, но и женщине, И он пытается не убивать безысходностью, а привносит элементы оптимизма:

«...Или уж ты считаешь, что срок моей оставшейся жизни измеряется днями? Я думаю все-таки — неделями и даже месяцами. Я еще надеюсь дожить до того, чтобы летом тебя повидать»².

«Будем надеяться, Ируся, что ты еще и меня самого увидишь живым (один хороший хиромант обещал мне 50 лет жизни с хвостиком), но быть может память обо мне ценнее меня самого, учти»³.

Здесь опять намек на все те же рукописи. А чтобы заставить не понимающую Иру приехать, Саня вынужден усилить драматизм своего положения:

«...Ируся! Посылок больше никаких. Буду жив — сам напишу о своих нуждах и пришлю денег, а сейчас и так оставляю дом полной чашей и еду, может, на тот свет»⁴.

И опять нотки оптимизма, но оптимизма трезвого, в сочетании с образным сравнением, присущим фронтовому артиллеристу:

«Я ничуть не тешу себя надеждами на жизнь — наоборот, готовлюсь к смерти, но настроение мое (от неисправимого ли моего природного оптимизма) — хорошее, вкус жизни ко мне вернулся, наслаждаюсь музыкой, когда удастся поймать хорошую, наслаждаюсь видом солнца, неба и снега (...) — и вообще такое настроение, что

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 16 декабря 1953 г.

² Солженицын — И. Арсеньевой, 11 декабря 1953 г.

³ Солженицын — И. Арсеньевой, 16 декабря 1953 г.

⁴ Солженицын — И. Арсеньевой, 24 декабря 1953 г.

надо жить и дальше — ну, в общем, как на фронте — жить нужно и хочется, но понимаешь, что твой снаряд может разорваться в любую минуту»¹.

В письмах Иру потрясает одна Санина просьба. Подход к этой просьбе он предпринял двумя письмами раньше:

«А вот именно сегодня самочувствие мое испортилось — какое-то вялое общетонотное состояние — и не пойму — то ли от корешка (сегодня пью 8 х 7 капель, пора, наверно, уменьшить дозу), то ли от болезни. Если б умирать — да как-нибудь быстро и без мучений, вот эта растяжка агонии на месяцы страшна»².

И в тринадцатом письме обращается напрямую, открытым текстом:

«...Какое применить средство на случай рокового неотвратимого хода болезни, чтобы избежать мук и болей в последний период жизни и встретить неожиданную быструю смерть с улыбкой? Вот так бы я хотел умереть, а не хныкать и не извиваться в корчах»³.

Ира, и как врач, и как друг, разумеется, отругала его за подобные просьбы. И он исправился, исправиться ему помогла и резко изменившаяся ситуация. Прямо в последние дни декабря 1953 года Санине разрешили выезд на лечение в Ташкент. И если раньше он писал Ире:

«Когда вот так, существуешь день за днем каким-то обрубком, начинаешь уже верить в смерть. Это совсем плохо, знаю. Как поправляться — ума не приложу...»⁴

То совсем другие нотки в его письмах теперь:

«...Как-то мысли о смерти по приезде в Ташкент от меня отодвинулись — непонятно почему, надо еще, ко-

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 24 декабря 1953 г.

² Солженицын — И. Арсеньевой, 11 декабря 1953 г.

³ Солженицын — И. Арсеньевой, 24 декабря 1953 г.

⁴ Солженицын — И. Арсеньевой, 14 декабря 1953 г.

нечно, сколько-нибудь пожить, но на худой конец все свои расчеты с этой жизнью я закончил — чтоб не переживать больше того глухого отчаяния, которое висело надо мной в Экибастузе 2 года назад»¹.

Оптимизм появился, но полной уверенности в выздоровлении пока нет. В письме с дороги, написанном в новогодний день, когда Саня опоздал на поезд и сутки кантовался в зале ожидания станции Чу:

«...Но я с вечера завалился спать до 9 утра и тем скоротал новогоднюю ночь. Это уж сколько лет я просыпаю встречу Нового Года! Год назад думал — уж 54-й-то встречу! Встретил... А до 55-го еще дожить ли?...»²

И через полтора месяца лечения в Ташкенте, выпиываясь из онкодиспансера, Саня пишет:

«Тошнота не оставляет, но главное не оставляет сомнение — возвращена ли мне жизнь или только поманили ею...»³

А еще через две недели, уже из Кок-Терека:

«...Пока ничего не болит, слава Богу, и опухоль на ощупь не растет. Только этот возврат к жизни меня и веселит, а больше нет веселого ничего. (...) Музыка слушаю порядочно, читать почти не читаю, хочу наладить ежедневные прогулки в степь — нагуливать цвет лица. Ну совсем ничего не болит! — вот счастье-то! Надолго ли?»⁴

В отличии от Саниного размеренного, спокойного образа жизни у Иры — полная противоположность. Цейтнот, замотанность, загруженность работой, прочие неурядицы. Как-то она ему пожаловалась на все это. И в ответ Саня прислал целое напутствие, как надо жить:

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 5 января 1954 г.

² Там же.

³ Солженицын — И. Арсеньевой, 18 февраля 1954 г.

⁴ Солженицын — И. Арсеньевой, 5 марта 1954 г.

«Очень я недоволен, Ируня, что ты ведешь такую безумную (...) жизнь. Даже на каникулах ты не знала минутки просвета — да что же от тебя останется? Индус, вставая, 2 утренних часа сидит в своем садике, думает о смысле жизни и о том, соответствует ли ему день, прожитый вчера, и задуманное сделать на сегодня. Хотя мы живем темпами бурными, не индусскими, но когда-то такие часы должны же выдаваться — хоть в месяц раз. А у тебя их, сколько могу судить, нет. Любой христианский вероучитель, в том числе и Лев Толстой, конечно, одобрили бы тебя и совершенно верно заметили бы, что человеку, всю жизнь живущему для других, не надо думать о смысле жизни — он понял и осуществляет его вернее мудрейших мудрецов. И они, вероятно, правы, и ты права — но я по своей земной грешности не дорос до этого высокого понимания. Хочется как-то на двух стульях усидеть — и для души пожить и для тела. Вот от этого мне грустно, что ты так живешь»¹.

Саня осознает, что своими письмами с жалобами на боли, на неустроенность, на постоянные мысли о безысходности он доставляет Ире дополнительные волнения и переживания, но и выхода другого нет. На сей момент Ира — единственная женщина, которой он способен излить душу:

«Дорогая Ирочка! И так невесела, и так перегружена твоя жизнь, а тут еще сделал я тебя соучастником моих страданий, и описанием последних эгоистично заполняю все письма к тебе. Как-то в письмах не раскачаешься иначе, особенно после столь долгого перерыва, да и ты о себе или ничего не пишешь, или напишешь смятенно-путаные строки, если увидимся — поговорим, конечно, не так обрывчиво»².

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 18 февраля 1954 г.

² Солженицын — И. Арсеньевой, 5 января 1954 г.

Несмотря на улучшение состояния здоровья, Саня в каждом письме усиливает просьбу к Ире приехать в Кок-Терек:

«...Напиши, — как ты настроена насчет того, чтобы приехать ко мне летом — принципиально и практически — когда именно. С деньгами к тому времени что-нибудь устроим. Мне бы очень хотелось тебя повидать — но оцени свои силы, сколько у тебя отпуска? Не замучит ли тебя двухнедельная (в два конца) дорога? У нас курорт тот — даже тени не найдешь, до реки 20-30 мин. ходьбы — а днем туда не высунешься, только к вечеру, ночи, правда, прекрасны!..»¹

Чем ближе к лету, к каникулам, тем настойчивее Санино приглашение:

«...Не знаю — приедешь ли, сможешь ли. А мне этого очень хочется и вообще это будет хорошо. (...) Откладывать твой приезд еще на один — это уже будет кофейная гуща, год — век. По-настоящему надо было, чтоб ты приехала в прошлом году, но это уже моя вина»².

Даже в расположении своего домика Саня находит много романтического и поэтично преподносит это Ире:

«Когда ты увидишь его (дома) местоположение и сравнишь с прочим Берликом, то поймешь, что я не мог его не купить, ибо это значило — искать где-нибудь несимпатичную квартиру... Как тебе тут понравится в лунные ночи! — просто душа растворяется — степь, небо, ни шума, ни тесноты... Старайся брать отпуск так, чтобы захватить побольше августа»³.

Вот и лето. И Саня уже не просит, а умоляет:

«Ируся, милая! Если у тебя нет никаких более неотложных планов и ты не потеряла решимости и желания

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 18 декабря 1954 г.

² Солженицын — И. Арсеньевой, 11 апреля 1954 г.

³ Там же.

ехать ко мне — приезжай! (...) — Итак, решай и пиши. Из дачных удовольствий здесь тебя ожидают: река Чу, спанье на открытом воздухе, да прогулки в степь»¹.

И уже из Ташкента, куда Саня приехал на месяц для очередного обследования:

«Дорогая Ирочка! Мне очень хочется увидеть тебя этим летом. Думаю, что твой приезд будет иметь большое значение для обоих нас. Но не следовало бы откладывать нашу встречу еще на год»².

Ира так и не разгадала истинную причину Саниных настойчивых приглашений. Она поняла это чисто по-своему, по-женски просто и сложно. Особенно фразу: «Твой приезд будет иметь большое значение для обоих нас». Но у Иры в это время был человек, которого она любила. Чтобы не обидеть Саню, она изобразила себя больной как раз в тот период, когда надо было ехать в Кок-Терек, послала Сане извинительное письмо.

«Как ты могла додуматься до такого безрассудного предположения, что я обижусь на тебя за твой неприезд?.. (...) Так ты не выдумывай, что ты виновата передо мной в чем-то или что я обижался на тебя раньше или обижаюсь теперь. От души желаю тебе скорейшего выздоровления»³.

Чтобы не огорчать Саню полной невозможностью увидеться, Ира предложила ему самому приехать во время следующего отпуска в Ростов.

«...Это идея, на будущий год, буду жив — попробую. В пределах Средней Азии это теперь нетрудно, а вот за Урал — таких случаев еще не знаю, но может быть. Да ведь я и с лечением связан — сразу во все места не попросишься»⁴.

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 3 июня 1954 г.

² Солженицын — И. Арсеньевой, 21 июня 1954 г.

³ Солженицын — И. Арсеньевой, 30 июня 1954 г.

⁴ Там же.

После этого письма Саня неожиданно для Иры замолчал почти на полгода. И только на поздравление с днем рождения ответил в середине декабря. Вот как он объяснил свое молчание:

«Ирочка, ты не обижайся на мое долгое молчание в прошлом или если опять замолчу надолго. Из воспитания, этикета и долга я никогда переписки не веду, считаю такую переписку оскорблением для обоих корреспондентов. Я пишу тогда, когда на меня нахлынет настроение — написать именно этому человеку, но наши с тобой жизни так разнятся путями, так мало связывают нас воспоминания о прошлом, что подобное настроение приходит ко мне не часто: нет хворосту для костра. В прошлом июне я звал тебя и звал с большим настроением, но судьба рассудила иначе. Ни ты, ни я в этом не виноваты, но момент этот ушел»¹.

Последние строки — как бы итог, как последняя точка во всей переписке вообще. И без всякой дипломатии, напрямую, честно и откровенно:

«Не обижайся за прямоту. Я всегда буду считать тебя своим хорошим другом. А если напишу редко, за несколько месяцев раз, то совершенно не тяготясь этим, естественно, как мы дышим, и такое письмо будет приятно и тебе и мне. И ты пиши мне не тогда и потому, что должна ответить, а когда счастливая сень настроения будет над тобой».

Такая «сень настроения» ни к Ирине, ни к Сане больше не пришла. Их переписка прекратилась. И на встречу в Ростове Саня тоже уже не надеялся:

«Освобожденья мне, очевидно, не видать и поездки к вам — тоже. Так вот и будем кончать свой век каждый там, кого куда судьба забросила»².

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 12 декабря 1954 г.

² Там же.

Саню судьба забросила в такой уединенный уголок, о каком он действительно когда-то мечтал:

«...А я когда-то мальчишкой мечтал о «пустынном уголке, приюте спокойствия, труда и вдохновений» — вот мне и выпал такой. Как только темнота опустится на землю, да еще, если снегу много или грязь — я как на острове, никто ко мне не ходит, голоса человеческого до утра не услышу — только две лампы керосиновые освещают мои какюты, красные отблески из печки — и — музыка...»¹

Позже тексты Саниных писем к Ире Арсеньевой я скрупулезно перепечатала на машинке, будучи в гостях у Иры и, конечно, с ее разрешения. Благодаря этому они и сохранились, ибо оригиналы их Ира сказала, что уничтожила во времена, когда опасно было хранить все, связанное с именем Солженицына.

Прежде чем и нам поставить точку в переписке Иры и Сани, процитируем одну строку из последнего письма: «Благодарю тебя за поздравление, очень тронут им, хотя и содержится в нем пожелание счастья, на которое я уже не рассчитываю. Есть здоровье — и то, слава Богу»².

Это — очень перекликается с его последним письмом из ташкентского онкодиспансера:

«Как же не сказать, что все по воле Божьей, и если со мной совершается чудо, то только Им. Сидя здесь, я уже опять не считаю себя излеченным, но каждый год жизни — великий дар. Минувшие месяцы были для меня очень счастливыми, омраченными только одиночеством»³.

Отсутствие счастья, одиночество — вот то, что больше всего терзало душу выздоравливающего, возвращаю-

---

¹ Солженицын — И. Арсеньевой, 12 декабря 1954 г.

² Там же.

³ Солженицын — И. Арсеньевой, 21 июня 1954 г.

щегося к полноценной жизни Солженицына. У него было несколько попыток решить эту проблему, но ни одна не увенчалась успехом. О некоторых из этих попыток я уже говорила. О других еще будет возможность рассказать. Сама я обо всем этом узнала много позже, когда мы с Саней встретились и воссоединились. А пока отрывочные сведения о нем я получала в свои редкие летние наезды в Ростов. В Рязань же ко мне никакая информация не доходила. Там я полностью перестроилась на свою новую жизнь: семья — работа — семья.

Эта новая настоящая семейная жизнь захлестнула меня в буквальном смысле. Когда люди, с которыми я постепенно сблизилась в Рязани, спрашивали: счастлива ли я? — я неизменно отвечала: «Своей жизнью я довольна». И я нисколько не кривила душой. Суть этой жизни хорошо отражена в стихотворении, написанном уже позже, когда Саня снова стал моим мужем:

Перед тобой я не была святою.
Я упустила стержень бытия.
Упав с вершин, смешалась я с толпою
И поплелась проторенной тропкою:
Как все живут — так буду жить и я.

Зато смотрели люди с одобреньем,
Что жизнь моя заботами полна,
Что хлопочу с любовью и терпеньем
И что впервые с трепетным волненьем
Я чувство матери извела сполна.

Спустя пять лет окно открылось еле-еле,
Но рухнул карточный мой дом тотчас.
То, чем жила, сокрылось в царстве теней,
Жизнь позвала меня для высших целей;
Не люди, боги лишь благословили нас.

Хорошо помню, как против строчки «И чувства матери извела сполна» Саня простым карандашом поставил знак вопроса. И напрасно.

Это было действительно так. Свои материнские чувства я отдала Сереже, доведя его до института (МИФИ), в который он поступил летом 1956 года, набрав на два балла выше проходного. Успешному поступлению способствовали частные уроки по русскому языку и литературе, по иностранному.

Кроме того, Сережа учился музыке при рязанском Доме офицеров у очень хорошего педагога. Добрался уже до «Лунной сонаты» Бетховена и 15-го Ноктюрна Шопена. Много лет спустя он сказал мне: «Если бы не ты, я бы остался шалопаем». Так бы оно, наверное, и было, ведь после смерти матери и переезда отца из Краснодара в Рязань он жил под опекой молоденькой тетки-студентки.

Этих двух мальчиков, казалось, мне сам Бог послал. Ведь я еще до своей операции знала, что у меня детей не будет. А после операции это было зафиксировано уже в медицинских документах.

Слава Богу, младший сын, воспитываясь до поры до времени у дедушки с бабушкой, своими собственными способностями даже перегнал старшего в учености, стал не только кандидатом, но и доктором физических наук и даже лауреатом государственной премии.

В один из наших летних отпусков мы вместе с Всеволодом Сергеевичем были в Москве, и на пороге ЦУМа неожиданно встретили Евгению Ивановну Панину. Я знакомлю ее с моим новым мужем. Та восторженно: «Какая же Вы молодец! Если б Вы знали: когда я приехала к Мите в ссылку, то обнаружила, что его кровать стоит рядом с кроватью хозяйки!..»

И это тот Митя, который требовал от жены неукоснительной верности, а та блюла ее все 15 лет. И она — о, женщины! — закрыла глаза на обнаруженную в ссылке

измену, сделала все, чтобы выхлопотать мужу возвращение в Москву. Оказалось, что ее Митя был дружен с моим Саней. И об этом я узнала только сейчас. Это было неожиданным и приятным открытием.

Панин уже освободился, он в Москве. В Москве же Копелев и Ивашев-Мусатов. Все интересуются Саней. Евгения Ивановна спросила, куда Сане можно написать. Точного адреса я не помнила, ведь всю переписку за эти два года осуществляла тетя Нина. «Где-то в Джамбульской области», — это все, что могла сказать я. И неутомимая Евгения Ивановна написала в Джамбульский ОблОНО. Там дали адрес Кок-Терекской школы.

Так благодаря моей встрече с Евгенией Ивановной все Санины московские друзья по шарашке восстановили с ним контакт. Именно эту встречу позже Саня расценил, как «вернувшую ему полмира».

Потеряв меня, он вспомнил о своих родственниках и друзьях его мамы. С некоторыми из них ему удалось наладить связь, гораздо позже ко мне чудом попала ксерокопия его письма к двоюродному брату по отцовской линии — тоже Александру. С ним он до этого знаком не был.

«Дорогой брат Александр! К стыду своему должен сказать, что ничего о тебе не знал до сегодняшнего дня, как-то не приходилось мне встречаться с папиной родней, а все с маминкой, но написал тете Марусе — (я и ее-то на 8 лет терял из виду) — не знает ли она, где мои родственники, и вот сегодня получил от нее письмо, где она пишет про тебя. Давай знакомиться, если ты не возражаешь. Жалко, нет у меня сейчас фотографии, и тут трудно ее сделать, но как сумею — пришлю, а ты пришли мне обязательно свою и с женой и, если есть у тебя, с детьми, напиши, какая у тебя специальность, кем работаешь и как вообще жил и живешь»¹.

---

¹ Солженицын — брату Солженицыну А., 6 августа 1953 г.

Рассказывая о своей жизни, Саня в письме брату не обходит вниманием и меня: «...Женился в 40-м году, на пятом курсе, жена у меня была такая замечательная, что уже второй такой найти не надеюсь»¹. И далее, когда Саня повествует о том, что «пришлось пережить восемь очень тяжелых лет — с февраля 45-го по февраль 53-го», он особо подчеркивает: «Жена моя милая, хотя и уговаривал я ее выходить замуж, не ждаль, ждала меня после одного годика совместной жизни и без детей — ждала 11 лет — и вдруг в прошлом году вышла замуж, года не дождавшись. Ну, да я на нее не обижаюсь ничуть, и так я ей всю молодость загубил, а она мне в эти годы жизнь спасла своей помощью»².

Переписка началась, состоялась даже встреча братьев летом 1960 года во время нашей с Саней поездки на Кавказ. Из всех родственников и друзей наибольшее духовное родство у Сани возникло с подругой его мамы — Марией Васильевной Крамер — преподавательницей английского языка в одном из Бакинских институтов. И с ней мы встретились в том же 1960-м в Кисловодске, и позже несколько раз встречались.

Пусть изредка, но очень теплые письма Саня посылал своей родной тете Марусе и жене его дяди Романа — тете Ире. Все они стали прототипами некоторых персонажей «Красного колеса». Дядя Роман даже под своим настоящим именем выведен.

Неожиданно получаю письмо от Сани (весной 1956 г.). Спровоцировала это письмо, возможно, я сама. Попалась на глаза книга Перельмана «Занимательная математика». Издание редкое и очень нужное для учителя, особенно для ведущего математический кружок. Я прикинула, по-

---

¹ Солженицын — брату Солженицыну А., 6 августа 1953 г.

² Солженицын — брату Солженицыну А., 6 августа 1954 г.

чему бы не послать Сане. Купила и весь вечер сама не могла оторваться — решала головоломки. Потом отправил бандероль, но ответа долго не было.

В отличие от тех, которые я получала раньше, оно — сдержанно-нежное. И больше деловое. Начиналось ласковым «Наташенька», и в первых же строках радостное сообщение: «Я освобожден от ссылки со снятием судимости. Последнее дает мне «безукоризненность» при приеме на работу (а еще рассчитываю в скором времени добиться и реабилитации)»¹.

И дальше шел тот самый деловой план, ради которого это письмо и было написано:

«Во-вторых, планы мои таковы: летом этого года после окончания экзаменов переехать в среднюю Россию и устроиться где-нибудь в «берендеевом» уголке — даже не в райцентре и не на железной дороге. В этой связи переписываюсь с Ивановским ОблОНО, но мелькнула мысль, что, может быть, сможешь помочь и ты. Нет ли у тебя возможности выяснить в Рязанском ОблОНО, не нужен ли им математик (а то так — физик, ибо последние три года все время веду физику в 9-10 классах), при необходимости могущий вести и *электротехнику* (вел здесь этот год), способный организовать при школе фотолaborаторию, радиоузел, демонстрацию кинофильмов. (Но математика все-таки предпочтительнее, ибо менее хлопотна). Само собою — и *астроном* с соответствующим образованием (можно не скрывать в биографии, поскольку она обелена)»².

Меня уже не удивляло стремление Сани осесть где-нибудь в российской глубинке, «вдали от шума городского...». Это он много раз высказывал раньше:

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 10 апреля 1956 г.

² Там же.

«Мои же требования: 1) красивый подлинно русский пейзаж; 2) школа средняя, а не семилетка (стремление мое в деревню пусть не покажется боязнью за свою квалификацию — я за эти годы и в методике и в предмете насобачился очень крепко)»¹.

А контакт с Ивановским ОблОНО Саня начал после одной газетной публикации:

«В «Известиях» от 18/1-56 зав. Ивановским ОблОНО плакался, что у них даже в областном центре не хватает физиков, поэтому я рассчитываю на успех, — а то вообще-то, ведь, боязно бросать все сломя голову и ехать на «ура» с чемоданчиком»².

«Если есть у тебя возможность — выясни, если нет — напиши, что нет, я не обижусь ничуть»³.

Тут же Саня упреждающе успокаивает меня:

«Могу заверить тебя, что даже если я буду в Рязанской области, то никакой тени на Вашу жизнь отбрасывать не буду — Вы меня и видеть не будете»⁴.

Пусть не в самой Рязани, и не рядом, а: «Пожалуй, и о тихом заштатном городке вроде Касимова можно было бы подумать»⁵.

Но уехать из Кок-Терека он решил твердо:

«Летом все продаю, увольняюсь, еду сперва в Москву, устраиваюсь в одной из областей, затем еду в Ростов проведать тетю Нину и в Георгиевск — тетю Марусю (мамину сестру, я ее нашел тоже)»⁶.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 10 апреля 1956 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

И только в конце письма он благодарит за присланную книгу. Извиняется, что не поблагодарил сразу, оказывается, настроение было плохое. Похоже, моя бандероль вызвала недоумение и ностальгию по прошлому...

Я выполнила просьбу Сани. Ответ мой был неутешительный. Оказалось, что Рязанский пединститут достаточно снабжал область учителями физики и математики.

В следующем письме, датированном концом мая, Саня благодарит меня за посещение ОблОНО:

«...Твое сообщение, что Рязанская обл. переполнена даже физиками, подстегнуло меня изменить все прежние планы и маршруты и в середине июня, как можно скорее, лететь или ехать в Москву, а оттуда во Владимир и Иваново, куда имею приглашения (Иваново предлагает даже «город» — Наволоки. Владимир — райцентры или сельскую местность), будет очень неуютно, если я здесь все брошу (уже продал дом, продаю мебель) — а там не устроюсь. Ведь здесь-то меня на руках носят»¹.

Саня не надеется, что его письмо я получу до ухода в отпуск. И сам просит меня уже не писать ему в Кок-Терек. Жить ему там осталось чуть больше двух недель. Прощай жаркий степной Казахстан. Много воспоминаний увезет отсюда наш будущий писатель. И хороших, и плохих. Одно из последних — кража фотоаппарата:

«...У меня «Зоркий» — простой, но тоже «второй» — по счету — увы! Первый украли в марте этого года, взломав квартиру, позавидовала кошка собачьему жилью! — что в 37 лет обзавелся человек первый раз в жизни аппаратом. Пришлось покупать новый... В ряду бедствий, пережитых мною в жизни, еще только не было пожара, а так, кажется, уже все было»².

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 30 мая 1956 г.

² Там же.

На лето у Сани грандиозные планы. Что значит, после стольких лет всевозможных ограничений человек наконец-то получил полную свободу:

«Вообще этим летом мне надо проехать более 10 000 километров, и времени у меня будет очень в обрез. На юг надо ехать только из-за тети Нины и тети Маруси (моей, в Георгиевске), которые стали так нездоровы. А то больше нечего мне делать на юге, совсем туда не тянет, и Ростов ощущаю как чужой»¹.

Чтобы я знала дальнейшие передвижения Сани, он предлагал держать связь через Евгению Ивановну Панину:

«Ты как-то путано написала, где же и когда ты будешь летом, но во всяком случае, если будешь когда приезжать в Москву и появится охота — загляни к Евгении Ивановне, твоя счастливая встреча с которой полтора года назад вернула мне полмира. Муж ее уже дома теперь, я с ним очень дружен — и в их доме всегда будут знать самые свежие новости о том, где я и что я. Евгения Ивановна сохранила о тебе самые теплые воспоминания и самые лестные отзывы»².

В этих словах пока никакого даже намека на желание меня увидеть. Пока только стремление не потерять связь, но ностальгия по прошлому в этом письме звучит уже выпуклее и как-то философски-задумчиво:

«За карточку — благодарю. Она ошеломила меня: такая ты на ней неожиданно величественная и — чужая... и так зримо почувствовались эти минувшие — минувшие — минувшие годы — 15 лет! На других ярче, чем на себе замечаешь этот ход времени»³.

А фотокарточку я ему вложила в конверт машинально, руководимая каким-то сиюминутным движением мыс-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 30 мая 1956 г.

² Там же.

³ Там же.

ли. Просто, когда писала ответ, под рукой оказался самый свежий снимок, сделанный совсем недавно. Будучи в Москве, я купила шляпу, надела — сама себе понравилась, зашла в фотоателье и запечатлелась на память.

Санин ответ я успела получить до ухода в отпуск. Но не он поторопил меня с отъездом из Рязани. Мне не терпелось поскорее привезти младшего сына Всеволода Сергеевича — Бореньку, т.к. старший — Сережа покидал нас: заканчивая 10-й класс, он собирался поступать в один из московских вузов.

За Борей я поехала в Суджу одна, не дождавшись, когда пойдет в отпуск Всеволод Сергеевич. Именно здесь, в Судже, он стал называть меня мамой, а не тетей Наташей. Со слезами на глазах провожали нас в Ростов родители Всеволода Сергеевича.

Из Ростова я устроила Бореньке путешествие на теплоходе до Москвы: по Дону через Волго-Донской канал — в Волгу, по ней — до Москвы-реки, а по Москвереке — в столицу. В каюте мы повесили карту Волги и отмечали, мимо каких городов проплываем. Попутно я учила мальчика фотографировать. Боря вел дневник нашего путешествия. Этот дневник явился началом серии Бориных дневников, он вел их и будучи уже большим ученым. Все дни нашего путешествия мы были такой дружной парой, так гармонично сочетались, что ни у кого не возникло даже малейшей мысли, что Боря не родной мне сын.

На десятый день мы в канале имени Москвы. На Химкинском речном вокзале в толпе встречающих я высматриваю свою подругу Лиду Ежерец. Но вместо нее вижу улыбающегося Сережу. Оказалось, отец премировал его за успешное окончание школы поездкой в Москву, где Сережа должен был окончательно решить, в какой вуз поступать.

Втроем едем в Хлебный переулок к Лидиной семье. Пока Лидина тетя накрывала стол, я спустилась вниз к телефону и позвонила на работу Евгении Ивановне, открыткой я ее предупредила о своем приезде. «Саня здесь и ждет Вас на Девятинском!» — с ходу сообщила та. Я объяснила, что весь день очень занята, смогу приехать к ним только где-то вечером.

Как я могла не сдержать свое слово, не сводить Бореньку в Третьяковку? Как я могла уйти от встречи с братом Всеволода Сергеевича, чтобы посоветоваться о выборе вуза для Сережи? В результате я освободилась только вечером и оказалась на Девятинском, когда стрелки часов приближались к десяти. Мальчики остались на Хлебном, где мы должны были ночевать,

С вновь осознанным чувством вины, я тяжело поднималась по лестнице на третий этаж. Поднималась, как на Голгофу, шла, как на расплату. Позвонила. Открыла Евгения Ивановна и сразу провела в комнату, где в углу за круглым столом пили чай и спокойно беседовали Дмитрий Михайлович и ... Саня. Увидев меня, они оба встали. Я подошла и поцеловала Саню. Только потом я осознала, что сделала это по инерции, интуитивно, как делала всегда когда-то. Панины, проявляя деликатность, удалились в другую комнату. Мы с Саней остались вдвоем.

Мы заговорили так свободно и просто, как будто не было тех долгих лет разлуки, как будто не было моего отчуждения и как будто вообще ничего между нами не произошло. К тому же наконец-то мы были действительно вдвоем. Наконец-то между нами не было никого третьего, и даже лучшие друзья оставили нас на эти минуты.

Разговор был как бы сразу обо всем. Ведь столько накопившегося за эти годы и переполнявшего хотелось высказать, выплеснуть. Но час был поздний, много не поговоришь. Саня успел только поделиться своими бли-

жайшими планами. Возможно, работать он будет во Владимирской области и, возможно, скоро будет полностью реабилитирован. Все, что я слушала, было как бы продолжением нашей с ним той жизни, той общей беды...

Чтобы поговорить подольше, Саня вызвался меня проводить. Шли пешком, хотя моросил дождик. Если дождь усиливался — прятались в парадных, как бывало в молодости. В одном из подъездов он задал мне главный вопрос, на который не решался весь вечер, и который я весь вечер ждала: «Мне хочется понять, как все-таки с тобой могло произойти такое, почему?..» Ответила экспромтом: «Вспомни, ведь я росла без отца, а Всеволод Сергеевич на десять лет меня старше. В нем я почувствовала какую-то опору...» «Как это глубоко...» — со вздохом произнес Саня. Я сама не ожидала, что отвечу именно так. Ведь столько раз в мыслях я формулировала ответ на этот вопрос при возможной нашей встрече. И самым убедительным аргументом для Сани считала упоминание о детях. А здесь вдруг ни слова о них. И вообще ответила не так, как мыслила, а как из души вышло. И таким глубоким оказался для Сани смысл мною сказанного.

У дома Лиды Ежерец Саня из внутреннего кармана достал задачник по арифметике. Пояснил, что внутри обложки заклеены стихи, посвященные мне. Он их приготовил мне на память. «А теперь давай простимся», — сказал, крепко обнял и так же крепко поцеловал...

В квартире все спали, кроме Лиды. Она ждала меня и с порога спросила: «Ну, как?» Вместо ответа я протянула ей задачник по арифметике... «Боже, опять конспирация!» — схватилась за голову Лида.

В тишине ночной квартиры и без посторонних глаз мы ножом расслоили картонки корочек, извлекли заветные листки, исписанные таким мелким и таким родным почерком. Остатки задачника сожгли в печке (у Лиды было еще печное отопление). Уединилась в отведенный

мне уголок, зажгла прикроватный светильник и погрузилась в Санины стихи. Среди них был и тот самый цикл «Когда теряют счет годам. (Из писем женщины)», многое из которого уже цитировалось выше.

Конечно, о сне никакой речи. Я читала и перечитывала. Стихи оказались магическими. Они опять перевернули мою душу. Утром я была уже совсем другой. Для моего сердца уже не существовало моей новой семьи, не существовало этих двух чудесных мальчиков, которым я хотела заменить мать, и все вокруг были для меня чужими, кроме — одного. Да, я снова любила своего бывшего мужа, своего первого мужа, своего Саню.

Из всех стихов сознание не отпускали вот эти три строчки:

Что есть в конце пути твой дом,
Что ждет тебя с любовью в нем
Твоя, всегда твоя жена. ...

Даже сейчас, на расстоянии времени, мне трудно представить, с каким смятением чувств и мыслей я подъезжала к Рязани. Еще из вагона вижу улыбающихся маму и Всеволода Сергеевича. Они рады мне и рады привезенному мною Бореньке. Как можно омрачить их радость? И в то же время как можно долго скрывать? По сути, вести двойную жизнь?..

Утром я отважилась пооткровенничать только с Лидочкой. Призналась ей, что вчерашняя встреча с Саней и его стихи перевернули душу и разбередили чувства. А вечером, дома, подавила внутреннее смятение и настолько расхрабрилась, что о свидании с Саней сказала Всеволоду Сергеевичу. Видя, как он задумался, нахмутив брови, и ни слова не сказав в ответ, я попыталась его успокоить, заявив, что в нашей с ним жизни ничего не меняется, все остается по-прежнему.

Внешне я старалась всячески показать, что в нашей жизни действительно ничего не изменилось. Я пыталась честно выполнять свои материнские обязанности: пошла в школу, познакомилась с Бориной учительницей, чтобы объединить усилия в воспитании этого чудо-ребенка. Устроила Борю обучаться музыке к тому же учителю, у которого в Доме офицеров занимался его старший брат Сережа. И заботу о Всеволоде Сергеевиче проявляла еще ревностнее, чем прежде.

Но все это я старалась делать только внешне. А с тем, что творилось внутри меня, уже ничего сделать не могла. При каждом удобном моменте уединялась, и уже в который раз перечитывала Санины стихи. Уже наизусть их все знала, но доставала и снова перечитывала. Саня настолько затмил мое сознание, что я все чаще и чаще Всеволода Сергеевича стала называть его именем. Благо, тот плохо слышал, а то в какой ситуации я бы оказалась?

Как бы я ни старалась казаться любящей женой и заботливой матерью, близкого человека провести невозможно. Всеволод Сергеевич не мог не чувствовать и не понимать, что я уже не та, что я ухожу в себя и все больше отдаляюсь от него. Со своей стороны он старался делать все, чтобы не допустить этого отдаления. Он всячески пытался удержать меня, катал меня на лодке по Оке, фотографируя на фоне ее живописных берегов. Достал путевку в Солотчинский дом отдыха. Я никогда не была в Солотче и не ожидала, что совсем рядом такое чудесное место.

Но все его усилия были тщетны. Никакие красоты природы, никакие переключения внимания не могли отвлечь меня от мыслей о Сане. Я смотрела на солотчинские сосны, и не красотой их любовалась, а мыслила, что именно этот лес простирается в ту самую Владимирскую область, где, наверное, будет жить и работать мой Саня...

Я понимала, что совершаю преступление. Особенно по отношению к Бореньке, ведь он называл меня мамой, а мою маму — бабушкой, и та очень привязалась к мальчику.

Душа моя терзалась между угрызениями совести и непреходящими мыслями о Сане. А тут еще и письмо от него. Повод он нашел веский — попытка предупредить меня о возможном допросе в КГБ:

«В связи с моими хлопотами о реабилитации я допрашивался и, очевидно, в первой половине месяца или во второй половине месяца будешь допрошена в качестве свидетеля и ты. Ничего не пугайся, все идет очень хорошо, т.е. признается, что я и Кока никогда никаких антисоветских настроений не имели, а тем более не предьявляли соответствующей деятельности, — но действительно критиковали и довольно резко господствовавший тогда культ личности и в этом были правы. Следовательно обещал, что реабилитация будет непременно»¹.

Предупреждение опоздало. Меня уже вызывали. Вызывали не на Лубянку, а в Рязанский КГБ. Это было так неожиданно. Я подумала, что начато новое следствие, и очень испугалась за Саню. Но еще с тюремных свиданий я помнила его наказ быть стойкой и ничего не говорить.

Выполняя этот наказ, я наотрез отказалась отвечать на вопросы чекистов, долго и упорно сопротивлялась, и, в конце концов, расплакалась. Ведь я уже снова любила Саню. По его стихам и по тому, каким способом он передал их мне, я только теперь, по-настоящему поняла значение тех слов письма («semper idem» — «тот же самый»), поняла, что он пишет, но что за этим еще и ... тайна.

Кагэбешники с большой неохотой, не давая в руки (не имеют права), приблизили к моим глазам бумагу из Москвы. С трудом они убедили меня, что все это делается для

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 14 июня 1956 г.

Саниного же блага, что мне, как бывшей жене, хорошо его знающей, надо всего лишь подтвердить его политическую благонадежность. Окончательно обезоружила и даже возмутила фраза одного из допрашивавших: «Неужели у вас не осталось никаких добрых чувств к нему?»

Ни не осталось добрых чувств, а еще больше появилось. И если надо подтвердить его благонадежность, то это я сделаю с радостью. И подтвердила...

Санино письмо очень короткое, всего полстранички. И не в предупреждении о вызове в КГБ его суть. Вся суть письма заключалась вот в этих строках:

«Причина, по которой я избегал с тобой переписываться, пока временно отпадает. Поэтому, если ты имеешь к тому желание и считаешь это возможным — можешь мне писать»¹. И далее Саня сообщал, что с 21 августа его адрес: Владимирская область, Торфопродукт, Средняя школа. Написал, что предлагали место в Московской области — отказался. Не объяснил, почему.

А последняя строка, как последняя капля, переполнила чашу моих душевных терзаний: «Тепло вспоминаю нашу последнюю встречу. Целую тебя. С.»².

Принять окончательное решение сама я была не в состоянии. Надо посоветоваться все с той же Лидочкой — своей самой близкой подругой еще студенческих лет. Приехала к ней в Подмосковный санаторий. Она лежала с температурой. Пришла в отчаяние от моей исповеди, ведь Лиде моя новая семья была очень симпатична. Она очень жалела Всеволода Сергеевича и особенно Борю.

Лида попыталась образумить меня, отрезвить от опьянения вновь вспыхнувшими чувствами к Сане. Много серьезных доводов, веских аргументов приводила она. Потом поняла — бесполезно. На все ее доводы и аргу-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 14 июля 1956 г.

² Там же.

менты я только плакала в ответ. Моей подруге ничего не оставалось, как благословить меня на письмо Сане. «Раз уж ты так страдаешь», — сказала она, и добавила: «Я бы так не смогла, чувство долга перед семьей меня бы удержало».

И это письмо было написано там же, в санатории, на следующее утро. Письмо большое и довольно сумбурное. Вложила в конверт еще и свои стромынкинские дневники, которые и сама в последнее время часто перечитывала. Только отправила не по почте, ведь до заветной даты — 21 августа — еще далеко. Саня сейчас в поездке по родным местам: Ростов-на-Дону, Пятигорск, Кисловодск, Георгиевск... Свое послание я оставила у Евгении Ивановны Паниной, зная, что Саня, возвращаясь с юга, обязательно заедет к своим московским друзьям.

Я уже собиралась прощаться и уезжать, как Евгения Ивановна увидела направляющуюся к их подъезду почтальоншу и воскликнула: «Уж не от Сани ли весточку несет она?» И действительно, почтальонша вручила открытку от Сани. В ней он сообщал, что побывал на Урале, в Златоусте, и что девушка ему понравилась...

Выше уже рассказано о попытках Саниных друзей Зубовых женить его. В Златоусте жила сестра Елены Александровны с дочерью Наташей. Наташа была студенткой иностранного факультета одного из Свердловских вузов. Зубовы порекомендовали ее Сане в невесты. Тот стал с ней переписываться, и вот выдался случай — съездил познакомиться, воочию посмотреть.

Целых две недели гостил Саня на Урале. Девушка произвела на него приятное впечатление. Уезжая, он решительно предложил ей быть его невестой. Девушка не ожидала такой прямоты и стремительности. Это ее смутило, даже напугало. Она не ответила ни «да» ни «нет». Расстались, не решив ничего конкретно. Договорились об одном: теперь она едет к нему на зимних каникулах. На том и закончилась эта история.

Я же, вместо адреса, написала на конверте своего письма: «Отрицание отрицания — величайший из законов диалектики». Возвратившись с юга и получив из рук Евгении Ивановны этот конверт, Саня произнес: «Будучи влюбленной, женщина не может думать о законах диалектики».

Этим письмом я не ограничилась. Переживаний, волнений и терзаний души было столько, что для того, чтобы выплеснуть их все, потребовалось еще два письма. Их я написала в начале сентября и отправила теперь почтой по указанному адресу во Владимирскую область. Отправила одно за другим, с перерывом в один или два дня. Чем больше я писала, тем эмоциональнее получалось.

Ответ пришел незамедлительно:

«Только думал, что отвечать на первое (от 7 сентября), как пришло поэтическое второе. Признаться, из всех писем этого лета оно как-то особенно подействовало на меня, больше всех прежних вместе взятых»¹.

И это объяснимо. Ведь целых три года мне было отказано в переписке. И вот Саня сам ее предложил.

Первые строки несколько удивили:

«Дорогая Наташенька! Отношения наши из тех совершенно ясных, какими они представлялись мне 26-го июня, становятся все запутанней и запутанней»².

Вот тебе раз. Я-то старалась все сделать яснее ясного, а получилось, что еще больше запутала. Понятно одно: в письмах не выразишь всего. И Саня это почувствовал:

«Я далек от мысли, что в этом письме напишу что-нибудь ясное или по какому-то плану. Все это слишком сложно, и чтоб хоть немного прояснилось в какую-нибудь сторону, нам надо увидеться»³.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 12 сентября 1956 г.

² Там же.

³ Там же.

О, как он прав! Только встреча, и встреча не одного дня, может все решить. Без встречи так и останется в моей душе миллион терзаний, в его голове — миллион вопросов без ответов.

«Я совсем не хочу ставить тебе сети вопросов, чтобы ты в них запутывалась или выскакивала из них, но в разное время, занимаясь разными делами, я, вдруг, вспоминаю то один, то другой»¹.

На некоторые свои вопросы Саня пытается сориентировать меня заранее. Он обозначает самые главные, по его мнению:

«А как же твое «материнство», которое так «наполняло» твою жизнь, и которое было тебе так необходимо?

А подумала ли ты о моей болезни? Ведь ты меня видела сейчас в расцвете сил, «беленькими нас всякий полюбит, полюби нас черненькими». Ведь болезнь моя смертельная и неизлечимая, вопрос только — на сколько лет она мне дала отдышаться? Опухоль-то у меня сидит сзади желудка объемом в кулак»².

Проясняет он и момент со златоустовской студенткой:

«С другой Наташей, «маленькой» (хотя ростом она выше тебя) может быть, дела сложатся и не столь роковым для тебя образом: я заслужил ее доверие, но не любовь, все это было слишком стремительно для нее, — для нормального развития чувства потребовался бы теперь может быть даже не один год. Но, как сказал один поэт:

Оттого так жаден на ущербе
Я к годам, последним к сорока»³.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 12 сентября 1956 г.

² Там же.

³ Там же.

Да, Саня пытается спешить жить. И его можно понять. Затаившаяся болезнь и упущенные годы подгоняют его, заставляют торопиться.

«Я не могу теперь с той необдуманной щедростью юности ухаживать по четыре года, как когда-то за тобой. Курс учебы у нее тоже удлиняется на год. Так что независимо от тебя там возможно не произойдет у нас дальнейшего сближения. Осенью это выяснится.

Но хотя это и упрощает несколько наш с тобой вопрос, — но далеко не делает его простым»¹.

И если в начале письма просто сказано «надо нам увидиться», то заканчивается оно конкретным предложением:

«...Письмами этими обмениваться почти бесплодно. Приезжай-ка ты ко мне дня на три. (На день — пустое дело, словом не обменяемся)»².

Саня приглашает меня к себе. Все правильно: виновница разрыва я, значит, я и должна ехать.

Саня начитался моих сумбурных писем и стромынкинских дневников. В нем, как и во мне, тоже всколыхнулось старое, забытое... А смятение моей души — не кончается. Пытаюсь осознать свое теперешнее положение. Я уже — не жена. Всеволод Сергеевич очень страдает. Развеять меня ему не удалось ни прогулками по солотчинскому лесу, ни плаваниями на лодке по Оке. Он даже готов допустить, чтоб у меня был любовник, лишь бы не потерять меня совсем.

Я уже — не мать, хотя регулярно навещаю Борю в пионерском лагере, а с Серсжей собирала грибы в лесу. А с наступлением учебного года Бореньку в новой школьной форме отвела в городскую школу. И музыкой он занимается прилежно. Помню, как он, окончив играть

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 12 сентября 1956 г.

² Там же.

наизусть незатейливую пьеску, не по-детски вовсе, прислушивался к последнему звуку, пока тот не замер совсем. И мама в нем по-прежнему души не чает, невольно усиливая мои страдания.

В свободные минуты я садилась к роялю. Только ему могла я поведать обо всем, что творилось в моей душе. Пришли на память слова человека, который гадал мне по руке и по фотографиям в остро-тяжелое для меня время, когда муж мой пропал без вести, прекратились письма от него с фронта. О прошлом он сказал мне правду, о настоящем — туманно. Но на вопрос, соединимся ли мы с мужем, ответил: «Это будет зависеть от вас». Тогда такое мне показалось надуманным, и только теперь стало походить на правду. Все прояснится при встрече, на которую я решилась.

Приглашая меня, Саня, со свойственной ему скрупулезностью даже советует, как устроить отъезд:

«В смысле работы это лучше всего оформить бюллетенем — и разговоры кончены. В смысле мужа и мамы — тебе видней, как»¹.

Эти советы не пригодились. Обстоятельства сами собой сложились в мою пользу. Всеволод Сергеевич уехал в Одессу на юбилей знакомого профессора. А с мамой проще — ей я сказала, что меня опять вызывают в связи с Саниной реабилитацией. На сей раз — в Москву.

За два дня до отъезда — еще одно письмо от Сани. Оно опять, как последняя капля:

«...Я сам удивляюсь, какой большой сдвиг в твою сторону произошел во мне за эти два месяца. (...) И все чаще я начинаю думать, что может быть и правда у нас с тобой возможно новое счастье? Еще недавно это казалась мне так странно...»²

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 12 сентября 1956 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 18 октября 1956 г.

Мама поехала со мной на вокзал. Она видела мое возбуждение, но не догадывалась о его истинной причине, думала, что это вызвано предстоящей встречей с гебистами. На вокзале я намеренно оставила маму караулить сумку и к кассе подошла одна. Заказала билет до мало кому известной станции «Торфопродукт».

В Москве закомпостировала билет и дала телеграмму Сане. Между поездами много свободного времени. Пользуюсь этим, покупаю продукты для Сани и... для Сережи. Он жил на частной квартире, решила его навестить. По счастливой случайности не застала студента дома. Признаюсь, в душе даже была рада. Оставила продукты хозяйке и написала записку с наставлениями ... в последний раз.

Был тихий октябрьский вечер. Поезд тронулся в сторону Владимирской области. Всю дорогу в окне вагона мне светила луна. Небо было усыпано звездами. Эта небесная праздничность усиливала предчувствие счастья, хотя я и сознавала всю греховность свою.

Саня получил мою телеграмму и, чтобы отвлечься от охватившего его волнения перед встречей, сел писать письмо Зубовым. Он хотел не просто отвлечься, а хоть как-то оправдаться за несостоявшийся союз с другой Наташей — рекомендованной ими уральской студенткой. В свое время я прочитаю это письмо. Там есть такие строки:

«Наташа Б., как сама она мне очень искренне написала уже из Свердловска, ничего не почувствовала ко мне в итоге этого лета. (...) Одновременно с этими письмами, где мне писали, что меня не могут полюбить, я с августа месяца охвачен шквалом писем, где пишут, что меня не могут разлюбить. Это — моя прежняя Наташа, которой несколько часов нашей встречи в июне «перевернули всю душу» и всю жизнь — но я об этом узнал лишь в августе. Я методически разъяснял ей, что она ошибается, что она

уже гораздо больше общего имеет со вторым мужем, чем со мной. Я не хотел быть нечестным с Наташей Б. и не верил уже в героизм души Наташи прежней. Она настаивала. Какими-то судорожными рывками. В иных письмах она вспыхивала той неотразимой для меня женщиной, которая заполняла всю мою жизнь. Я начинал колебаться. Но ей всегда писал — нет. (...) Она писала, что после нашей встречи, никакая другая жизнь, кроме как со мной, для нее невысказана. — И в полифоническом стиле Достоевского-Баха ворвался сюда голос первого рентгенолога Баку: не жениться вообще! В случае супружеских отношений возможен рост опухоли и смерть»¹.

Саня встретил меня на платформе станции «Торфопродукт». Он был в коричневом плаще и серой шляпе.

— На сколько приехала?

— На три дня, как ты хотел!

Безлюдной дорогой через поле мы пошли в сторону деревни Мильцево. Там он квартировал у одинокой старушки Матрены Васильевны Захаровой — будущей героини своего знаменитого рассказа. Все та же яркая луна сопровождала нас всю дорогу. Мы спрятались от нее в тени аккуратно сложенного стожка, крепко обнялись и горячо поцеловались. Поцеловались, как бывало в юности. С моей запрокинутой головы упала хорошенькая коричневая шляпка с перышками. Все, все сразу вернулось этим поцелуем... Не надо было слов, чтобы это почувствовать, понять, чтобы в это поверить.

— Как это ты сумела за эти месяцы так похудеть, помолодеть, похорошеть? — спрашивал меня Саня.

«Сравнивая с июнем, теперь я понимаю, что значит хотеть нравиться», — напишет он позже.

---

¹ Солженицын — Зубовым, 20 октября 1956 г.

А я и в самом деле еще летом рассталась с пучком на голове, укоротила и завила волосы — сейчас они были мне до плеч. Похудела, потому, что давно лишилась аппетита из-за переживаний. Приехала в абрикосовой крепдешиновой блузке, сшитой по типу той, которая ему когда-то так понравилась на свидании в Лефортовской тюрьме. (В этой же блузке Надя Нержина была на свидании с Глебом в романе «В круге первом»). Но главное было не в этом. Если я действительно похорошела, то это от горевшего во мне внутреннего огня.

И в эти три дня этот огонь так жег меня, что я почти не прикасалась к еде. А по случаю моего приезда Матрена Васильевна вместо картофельного «картонного» супа, которым всегда довольствовался постоялец, сварила куриный суп. Но и к нему я тоже почти не притронулась.

Спала по три-четыре часа в сутки. Саня давал мне люминал, к которому сам прибегал еще со времени своей ссылки.

Дом, комната с фикусами, сама хозяйка его подробно описана в рассказе «Матренин двор». Добавлю только, что Матрена Васильевна поразила меня своей деликатностью, какую трудно было ожидать от простой деревенской женщины. Узнав о моем приезде, она сразу решила уйти на три дня к своей подруге Маше. И когда мы с Саней вошли в дом, хозяйки уже не было. Познакомилась я с ней на следующий день. Поздоровалась она со мной очень приветливо. Александр Исаевич представил ей меня по имени и отчеству. Но она меня, как и Исаича, стала называть сокращенно — Алексевной. От нее, конечно, не укрылось счастливое выражение наших глаз. Но... ни вопроса, ни намека... Между тем именно она явилась первым и пока единственным свидетелем нашего возродившегося счастья.

Быстро справившись со своим нехитрым хозяйством — затопив русскую печь, насыпав корм курам, на-

кормив козу, Матрена Васильевна снова оставила нас одних. Было воскресенье, и Александру Исаевичу не нужно было идти в школу. И готовиться к занятиям тоже не нужно, он все это сделал заранее. Так что ничто в тот день не отвлекало нас. Мы говорили с ним без умолку. Когда кто-нибудь из нас выходил из комнаты, хотя бы для того, чтобы принести из неотопливаемой горницы, служившей вместе погреба, что-либо из продуктов, а затем возвращался, то мы начинали говорить разом, часто даже об одном и том же.

К этому времени мы оба, каждый сам по себе, стали неплохими фотографами. А потому нас потянуло снять друг друга и у входа в избу, и во дворике, и на мостике у пруда — самом живописном месте деревни. Фотоаппарат явился вторым, хоть и неодушевленным, но зато неуми-рающим свидетелем нашего счастья, никогда раньше не поднимавшегося на такую высоту.

Саня считал своим долгом еще и еще предостеречь меня, на что я иду. Ведь он серьезно и безнадежно болен, обречен на недолгую жизнь. Ну год, ну два... Но я была непоколебима: «Ты мне нужен всякий — и живой, и умирающий...» Значит и я нужна ему сейчас, особенно нужна, чтобы как-то скрасить последние годы его жизни, облегчить возможные страдания, а, быть может, помочь побороть смерть?.. Тем более что тогда, одинокому, ссыльно-му я не помогла, не облегчила... А сейчас — смогу ли?..

Говорили мы и о наших теперь уже общих планах... Я готова была на все. Через полгода Саня напишет об этом Зубовым:

«...Она соглашалась еще в первый приезд в октябре на любой вариант — переехать в Торфопродукт, преподавать во Владимире в техникуме, или ехать доцентом в Якутск»¹.

---

¹ Солженицын — Зубовым, 20 октября 1956 г.

Саня не хотел, чтобы я из-за него теряла все, за многие годы мною достигнутое. Решили, что я побываю в Москве, зайду в министерство, узнаю, нельзя ли мне устроиться в какой-нибудь институт в другом городе: Мне и самой при такой крутой ломке жизни очень хотелось уехать из Рязани — не столько для себя, сколько для Всеволода Сергеевича.

Тот день, 21 октября 56-го года, мы назвали днем нашего воссоединения. К тому же он совпал с днем именин мамы Александра Исаевича, что показалось нам символичным: будто она благословила нас.

В понедельник Александр Исаевич рано утром ушел в школу. А меня оставил с совершенно особенным чтивом. Только теперь я узнала, как много им было уже написано в ссылке и даже еще в лагере. Готовы были три пьесы, поэма. А сейчас Александр Исаевич работал над романом с рабочим названием «Шарашка». Кстати пришли и мои дневники того времени, «стромынкинские».

От чтения меня отвлек приход Матрены Васильевны. Когда она закончила хозяйничать вне дома и занялась русской печкой, я вдруг почувствовала непреодолимую потребность рассказать Матрене Васильевне все, всю нашу историю. Она слушала со вниманием, сочувственно, иногда кивая головой в знак понимания. Когда я закончила и ждала, что Матрена Васильевна может и осудит меня, она вдруг сказала:

— А знаешь, Алексевна, ведь и у меня была жизнь не простая...

И она поведала мне всю историю своей жизни — историю, которую потом с моего пересказа Александр Исаевич положил в основу своего рассказа «Матренин двор». Эта задушевная беседа нас сразу сблизила. Хоть и разными были изгибы судеб наших, в чем-то они сходились. Может быть тем, что каждая из нас, будучи цель-

ной натурой, прожила жизнь, вольно или невольно изменив в чем-то самой себе.

После того разговора нам с Матреной Васильевной стало очень легко друг с другом. Она уже не так торопилась уйти к Маше. Но когда мы с ней разговаривали в присутствии Александра Исаевича, то он подсмеивался надо мной за то, что в разговоре я не умела избежать непривычных для ее слуха слов, как бы слишком «интеллигентских».

В этот же второй день своего пребывания в Мальцеве, обуреваемая сложно переплетавшимися чувствами счастья, беспредельной благодарности судьбе и вины сразу перед несколькими людьми, я написала письмо той самой Наташе «маленькой» — уральской студентке Наташе Бобрышевой. Когда черновик письма я показала возвратившемуся из школы Сане, тот сделал две приписки, которые мне очень дороги. Во фразе: «я поняла, что в моей жизни была одна единственная настоящая любовь» он после слова «была» написал в скобках: «и вообще бывает». И еще, где я писала уже не о себе, а о нем: «он не виноват, что не смог больше сопротивляться возврату любви», Саня продолжил эту фразу, заменив точку запятой: «которая очевидна никогда не умерала».

В последний вечер перед моим отъездом мы с Александром Исаевичем развернули купленный им еще в ссылке фотоувеличитель, зажгли самодельный красный фонарь, который когда-то смастерил ссыльный друг Александра Исаевича Николай Иванович Зубов, и занялись «фечатаньем» (так мы отличали печатанье фотографий от печатанья на пишущей машинке).

— Как я мечтал, занимаясь фотографией в ссылке, делать это когда-нибудь вместе с женой! — произнес Александр Исаевич.

Потом Саня проводил меня до Окатово, где мы еще побродили с ним по лесу, и посадил в поезд. В вагоне я впервые уснула мертвым сном, проводница едва добудилась меня в Туме — месте моей пересадки.

Симпатичным поездочком, только сильно погромыхивавшим, по той самой узкоколейке, что шла через Солотчу, утром 24 октября приехала я на станцию «Рязань-Пристань», что на противоположном от города берегу Оки. Был солнечный день. Счастье переполняло меня. Я взяла такси и поехала не сразу домой, к маме, а сначала на переговорный пункт, чтобы позвонить Лиде. Мы с ней об этом условились, чтобы Лида могла как-то подготовить Всеволода Сергеевича, если он зайдет к ней в Москве, возвратившись из Одессы. «Я сейчас такая счастливая, какой не была еще никогда в жизни», — плача, сказала я ей.

После переговорного пункта зашла в свой институт на кафедру, а потом к приятельнице своей Марии Павловне Кузнецовой, жившей с мужем и сыном прямо в здании нашего института. С Марией Павловной нас раньше всего сблизила музыка. У нее — приятное лирическое сопрано. Мы с ней не раз выступали на вечерах, а репетировали чаще всего на квартире профессора Буйновского, жена которого тоже пела. Я аккомпанировала им обеим. Но с Кузнецовой пересеклись и интересы Всеволода Сергеевича по научной работе, в которой и я с несколькими сотрудниками моей кафедры принимала участие. Всеволод Сергеевич был энтузиастом по изысканию способов использования отходов крахмального производства для получения из них ценных кормов. Одной из практических проблем, возникших при гидролизе отходов, было гашение образующейся пены. Вот здесь на помощь и пришла Кузнецова, специалист-электротехник. Ею было изобретено вибрационное устройство. Помеща-

лось оно в мастерской ее мужа. Там и проводились опыты. Таким образом, мы оказались знакомы семьями.

Еще летом, в период уже начавшихся своих душевных терзаний, я намекнула Марии Павловне о своем состоянии и спросила, как бы она поступила, если бы встретила и вновь полюбила человека, которого ждала, но не дождалась. Мария Павловна не дала мне совета. «Надо подумать», — сказала она. Она понимала при этом, что женщина в такой сложной ситуации должна принимать решения сама.

В сентябре-октябре, когда успешно проводились те самые опыты по гашению пены, я тоже там присутствовала. И Мария Павловна вспоминала потом, что, хоть руками я и делала что-то, но отрешенный взгляд мой говорил о том, что мысли мои были где-то далеко. А как-то я и вовсе отошла к окну, не участвуя в происходящем, не интересуясь им вовсе, вся уйдя внутрь себя. Она догадывалась, что я никак не могу успокоиться после той встречи, о которой говорила ей. Такой же отсутствующей бывала я и на совещаниях, где обсуждалась наша с Всеволодом Сергеевичем общая научная работа.

И вот теперь я зашла к Марии Павловне, чтобы сказать, что вся моя жизнь перевернулась, что я решила это окончательно и бесповоротно, хотя и понимаю, какой удар я наношу Всеволоду Сергеевичу. Но он перенесет его, а там я нужна больше. Там — смертельная болезнь и истинная любовь, все собой заслонившая. Я надеялась, что Мария Павловна с мужем помогут Всеволоду Сергеевичу выстоять в этой ситуации.

Владимир Андреевич — муж Марии Павловны — деликатно ушел в самом начале разговора, оставив нас, женщин, одних. Но он потом говорил мне, что его поразила та перемена, которая произошла во мне. Он увидел меня совершенно преображенной. Ничего не осталось от моей солидности, собранности, даже академичности, я

как-то внутренне светилась, ликовала — об этом говорили искринки в моих глазах. А Мария Павловна сравнила меня со свечой. Она и от других слышала, как те удивлялись: «Что это с Решетовской? Она стала подвижной словно девочка, будто у нее мотор внутри!»

Такова была сила моего возродившегося чувства к своему прежнему мужу — чувства, в котором слились любовь к нему, вина перед ним, желание отдать ему всю себя без остатка, все, что только можно сделать для него хорошего, жертвенного!.. И супруги Кузнецовы поняли, что такое чувство погасить невозможно.

А что творилось в душе у Сани, сейчас это можно восстановить по его письмам. Первое он сел писать вечером, на второй день после моего отъезда. Сел писать, потому что уже вечером второго дня ему снова захотелось говорить со мной:

«...Сегодня к вечеру свершился перелом: стало щемить сердце по тебе, все мысли с тобой, насколько энергично, умно, зрело, взвешенно ты борешься за наше начинающееся счастье»¹.

А все эти два дня он ходил переполненный счастьем, он не мог опомниться от нашей встречи: «До того же потрясла меня ты и эти трое суток с тобой, что я никак не могу прийти опять в равновесие. Вчера и сегодня все пело во мне, жизнь воспринималась как сплошной праздник, я не мог вместить всего счастья, оно выплескивало из меня, я готов был раздавать его людям целыми охапками»².

В этом же письме Саня признается, что он уже отвык было дорожить своей жизнью, неизлечимая болезнь этому способствовала. А сейчас, после нашей встречи, он стал совсем по-другому смотреть на жизнь. Проводив меня, он из Нечаевки Новосибирским поездом уехать не

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 25 октября 1956 г.

² Там же.

смог — ни билетов не было, ни с проводницей не договорился. И тогда что он сделал? Между вагонами встал на буфера и руками уперся в вагоны. «Если нет гололедицы и не пьян, то свалиться там не свалишься, но все-таки страшновато, особенно когда на большом ходу начинается болтанка»¹.

И вот за эти двадцать минут езды до Торфопродукта он невольно задумался: «...Какое горе было бы умереть теперь, и что было бы с тобой, если бы в эту ночь я свалился под колеса»².

И второй момент заставил его задуматься о жизни. Это письмо от доктора Масленникова, открывшего березовый гриб против рака. Доктор писал, что Санина опухоль, очевидно, осумковалась и березовым грибом на нее воздействовать трудно. Но если будет хоть малейший намек на рост опухоли, надо немедленно начинать пить гриб стаканов по пять в день. Этот совет доктора Масленникова лишний раз напомнил Сане о серьезности его болезни. «До сих пор я воспринимал ее совершенно спокойно. А сейчас — Боже мой! Как стало хотеться жить! — для тебя и с тобой!»³

Во всем, что бы ни делал Саня, он живет воспоминаниями о наших трех днях. Матрену Васильевну — хозяйку свою — чуть было не назвал «Наташок!» И предстоящая поездка в Москву для него совсем поблекла по сравнению с пережитым.

«Слушал романс Чайковского «Первое свидание». Название — мало удачно, а сюжет — как раз такой, как наш:

Дни одиночества, дни испытаний
Мы наверстаем теперь.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 25 октября 1956 г.

² Там же.

³ Там же.

Попробуй его достать и сама петь под свой аккомпанемент»¹.

Чтобы доснять нашу с ним фотопленку, Саня прошел с фотоаппаратом тот самый ночной маршрут от станции до дома Матрены и днем, при хорошем освещении переснял «наши стога», особенно тот и именно с той стороны, где произошел наш первый настоящий поцелуй.

Саня рекомендует мне прочитать «Мещерскую сторону» Паустовского: «...Она описывает как раз ту местность, которая лежит между тобой и мной. Я тоже хотел бы прочесть эту повесть»².

Саня просит мое институтское расписание, чтобы представлять, что я делаю в данную минуту. И вообще он постоянно думает обо мне, и сделал так, чтобы все вокруг ему напоминало меня:

«Карточку, где я держу тебя за щеку, вставил под стекло, теперь она смотрит на меня все время из рамки, напоминая, что твой приезд не был сном»³.

«Вынимаю твоё платье, уйду в него лицом, целую его, вдыхаю — каким чудом ты смогла в три дня так перевернуть мою душу? Как тоскливо и пусто стало жить без тебя! (Поясок от твоего платья положил в левый ящик стола, чтобы чаще видеть его)»⁴.

В подтверждение того, что он думает только обо мне и ни о ком больше — Санино признание в конце письма: «Никому еще не писал ни строчки — слишком полон тобою, Джемсик мой, моя радость, желанная моя!»⁵

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 25 октября 1956 г.

² Там же.

³ Там же..

⁴ Там же.

⁵ Там же.

И начало такое же нежное: «Любовь моя, моя единственная!»¹

И главные строки, в которых весь смысл написанного: «И как ты нужна мне опять! Куда делось мое многолетнее душевное равновесие? Неужели ты пробуждаешь во мне давно поблекшую юношескую остроту чувств?»²

Следующее письмо буквально через день: «Чудесная моя! Сегодня такое хорошее число (и как раз полугодовой противовес 27-му апреля) — я знал, что получу от тебя письмо, и оно пришло — второе, не заказное, заказное же получу теперь только в понедельник»³.

Поразительно, Саня высчитывает даже полугодовые даты со дня нашей свадьбы.

В этом письме он уже дает некоторые советы к моему дальнейшему поведению. Разрешает совершенно открыто везде говорить о нашем с ним воссоединении, о том, что он обелен — судимость снята. Рекомендует начать постепенное выключение из общей научной работы, ведь нам придется куда-то переезжать.

Видя, какие объемные и подробные письма ему посылаю я, Саня взмолился: «Писал бы тебе без конца, но мне очень некогда». А меня предупреждает: «Не смей нарочно сокращаться в письмах!»

Но самые дорогие мне строки: «Видеть тебя мне уже опять очень хочется. Отравила ты мое безоблачное одиночество, теперь мне уже не жить без тебя!»⁴ И это уже на четвертый день после нашего расставания.

Здесь же Саня предлагает на начало декабря очередную встречу — он приедет ко мне в Рязань. Не могу не

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 25 октября 1956 г.

² Там же.

³ Солженицын — Н.А. Решетовской, 27 октября 1956 г.

⁴ Там же.

привести заключительные строки: «Горячо и страстно целую тебя, мой Лапсик, моя отравка и мое счастье!», и впервые подписывается нарочито подчеркнуто — «Твой муж».

Если Саня написал мне только в конце вторых суток после нашего расставанья, то я ему написала в первый же день по приезду домой, не смогла не поделиться впечатлениями первых встреч и первых разговоров с друзьями, знакомыми, коллегами. И дальше я писала ему буквально каждый день. Писала много и подробно. Мне казалось — любой нюанс, любая мелочь для него важны и интересны. Саня платил мне тем же. В это «такое хорошее число» — 27-го октября он написал аж два письма — одно утром, второе — днем. «Предвидя шквал писем между нами попробую их нумеровать». Он правильно предвидел и очень точно выразился — писем действительно был шквал. Взять только вот это, за 27-1 октября: утреннее отправил днем, а сам сел писать второе. После обеда продолжил. Далее он продолжал его к вечеру, вечером, и завершил аж утром следующего дня. В вечерних строках даже взмолился: «Роднуша моя! Если все время так будет лежать лист с недописанным тебе письмом, то я никогда его не кончу»¹. А я была бы рада, если бы эти письма никогда не кончались. Я их все сохранила и потому сегодня могу так богато цитировать. Саня и это предвидел: «Предвидя же, что ты не захочешь мои письма уничтожать (а могла бы и уничтожить — хороших, «красивых» писем от меня теперь не будет — все лучшие слова я буду рассыпать тебе при встречах) — буду писать их на форматках»².

В последних утверждениях он не прав. В этих письмах столько красивых и нежных слов, что они дороги и волнительны для меня до сих пор.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 27 октября 1956 г.

² Там же.

Но не только в красивых словах нуждалась я в этот тяжелый для меня период жизни. Ведь вокруг меня разыгралась самая настоящая драма, почти трагедия. Я наносила удар за ударом всем окружающим меня. Именно в этом заключался весь драматизм обстановки. Первый удар получила моя мама. Ведь она уже так привыкла к Бореньке, называвшим ее бабушкой, она жила им. Главный и почти смертельный удар получил Всеволод Сергеевич. Он уже начал подумывать о самоубийстве. Даже предложил мне умереть вместе. А ни в чем не повинный и так доверившийся мне мальчик Боря — тот-то за что страдал, перенося такой обман с моей стороны и видя страдания отца? В этой ситуации мне очень нужна была трезвая оценка правильности моих шагов и моральная поддержка любимого человека. И в Саниных письмах все это было:

«Я не сел бы писать сейчас этого второго письма, если бы не тот абзац, где ты пишешь о «тяжелых излияниях по поводу позора, развода» и «Я слишком поняла, какую цену заплатила я за их благополучие». Фраза эта — блестящая, она очень точно выражает то, что произошло: их (всех их) семейное благополучие было построено на *твоем духовном падении*, — они об этом твоём позоре (прости за грубое слово) никогда не думали? Вообще я увидал сейчас В.С. в новом свете: быть может он уже готов (особенно, физически) к тому, чтобы расчитаться с тобой — но ему нежелательно *общественное мнение*, он боится того, что «будут говорить». Но, Боже мой, как это мелко по сравнению с твоей прежней трагедией и с твоим нынешним духовным возрождением или даже воскресением. Если он когда-нибудь действительно тебя любил — пусть он поймет свою роль в твоей жизни — и поможет тебе быстрее разрубить этот узел и забыть о нем»¹.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 27 октября 1956 г.

По отношению к Всеволоду Сергеевичу Саня был предельно категоричен: «Надо, чтобы он оставил *всякую* надежду на тебя — тем скорей он найдет новую жену. (Я не сомневаюсь, что найдет и очень невольно). А твоя боязнь о его самоубийстве — по-моему, его внушение. Человек, который тянется к докторской диссертации и ценит свое положение в обществе, не способен на самоубийство. (Самоубийцы вербуются судьбой из тех, кому нечего терять)»¹.

Отчасти эта категоричность касалась меня: «Ты хотела жалеть его. Смотри, как знаешь, но, по-моему, надо осветить, что сами эти пять лет ты переживаешь, как свое падение, и возврата к нему у тебя *не может быть даже*, если я умру раньше»².

Передо мной Саня был предельно откровенен и поверял казалось бы самые затаенные моменты своих душевных терзаний:

«Но иногда закрадывается самая злая и самая страшная мысль: за эти пять лет какое бесчисленное количество раз ты принадлежала ему! — и мне тогда хочется просто выть от боли и стыда: как мне эту мысль изгнать, как мне забыть ее?!»³

Осознав, что подобным упреком можно перегнуть, а то и перечеркнуть все достигнутое, Саня пытается тут же, уже следующими строками все сгладить:

«Не думай, конечно, что возврат этой мысли может как-нибудь повлиять на наше соединение с тобой: все решено бесповоротно, я поверил в тебя и в твое светлое будущее, и буду помогать тебе его осуществить — но терзания остаются терзаниями, я не могу из них выскочить.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 27 октября 1956 г.

² Там же.

³ Солженицын — Н.А. Решетовской, 28 октября 1956 г.

Ты как-то сумела заглушить их своей ласковостью, а теперь они иногда опять оживают. Я стараюсь давить их изо всей силы — ведь они связаны с самыми низменными частями нашего «я»»¹.

Саня не пропускает и связанный с Боренькой момент. Только пишет сдержанно и лаконично: «Очень тактично, что ты избегаешь видеть и Борю пока. Благодарен и ценю!»²

А мне — главный наказ: «Я умоляю тебя, девочка моя, будь тверда до конца и без единого компромисса! Заставь меня тем самым поверить в твой новый характер вообще!»³

В своем письме я заикнулась о возможном варианте переезда в Курск. Но и здесь Саня усматривает близость Суджи, где живут родители Всеволода Сергеевича, и куда ездят на отдых Боренька и Сережа. И только после этого Саню смущает «не вполне чисто-русская область, несколько украинизированная».

Но все драматические моменты затмеваются теми красивыми словами, которые он не обещал в начале письма: «Натсик мой! Я ничуть тобой не насытился! Ты мне нужна — и нужна — и нужна!..»⁴ — это в дневной части. А вот после обеда:

«Все эти дни я настолько был полон тобой, что никому не мог больше писать, хотя молчание мое становилось жестоким. Наконец, сейчас заставил себя написать письмо Наташе. Получилось, по-моему, очень хорошо. Над этим письмом еще и еще раз задумался над нашими «тремя днями»: все-таки, это поразительно: если встреча

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 28 октября 1956 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

превзошла и твои и мои ожидания, — значит была какая-то могучая сила, действовавшая помимо нас и поверх нас. Это была — наша Любовь. Мы должны радоваться и гордиться, что она допустила нас на такие вершины! Иные не побывают там и за всю жизнь. Люблю-люблю-люблю тебя, единственная моя, жизнь моя!

Сейчас напишу письмо Наташиной маме»¹.

К вечеру — буквально две строчки:

«В письме к ее маме выплыл еще такой тезис: что я почти *сам себе завидую*, что испытал и испытываю такое. А?»²

И вечером: «Ты отняла у меня то праздничное настроение, с которым я готовился в Москву. Казалось, эта поездка — что-то большое, а теперь большое — это ты, только ты»³.

И здесь же:

«На столе у меня все время улыбаются наши рожцы: стоит фотография под стеклом. Едва утром подыму, чтоб дотянуться до радио — и первым делом вижу эту карточку. Как, все-таки, это странно и чудесно — на старости лет влюбиться в свою собственную жену. (Не очень собственную ...)»⁴.

Есть и юмористический момент, о котором я уже давно забыла, и только Санино письмо вновь напомнило о нем:

«Обхохотался, слушая рассказ М.В. (Матрены Васильевны. — *Н.Р.*) о том, как ты безуспешно старалась посолить картошку, варящуюся в мундирах. Этот секрет и я ведь знаю, женушка моя! Мне доставляет большое

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 28 октября 1956 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

удовольствие, что я с ней могу говорить о тебе. Больше не с кем»¹.

А дописанное следующим утром окончание письма — из одних нежных слов:

«Любимая моя! До какого безумия я тебя люблю! Может быть, только в нашем возрасте это бывает с такой силой? Как я мог жить один эти года? Пять дней прошло, а я уже не могу жить без тебя! Как же мы перенесем еще этот целый год? Совсем ты околдовала меня!»²

На следующий день в очередном, третьем письме, по отношению к Всеволоду Сергеевичу Саня уже не только категоричен, а предельно беспощаден:

«...Я считаю его негодяем за то, что он соблазнял к женьтибе жену живого мужа (если бы в нем была капля благородства — он написал бы мне сам тогда!), еще на его совести смерть одной женщины (а может быть и первой жены?) — мне никогда не будет его жаль»³.

И тут же — предостережение мне: «Но если ты дашь жалости к нему овладеть своим сердцем — то, конечно, ко мне уже ты не вернешься — хотя и этот поступок я тебе тоже простил бы.

Я по-прежнему считаю себя твоим мужем. Это будет нарушено только, если ты сама мне напишешь, что не в силах порвать свои путы. Раз уж Боря узнал — по-моему, надо не откладывая производить и всю формальную и фактическую сторону развода. Он рассчитывает на твои колебания — а должен понять, что все *уже кончено*»⁴.

Саня готов мне простить даже все то, чего я еще не совершила. А что касается уже содеянного:

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 28 октября 1956 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 29 октября 1956 г.

³ Солженицын — Н.А. Решетовской, 30 октября 1956 г.

⁴ Там же.

«...Я все тебе простил и люблю тебя вновь и готов соединить наши жизни навсегда. Не бойся, что я «предам» тебя или «отступлюсь» — я не меняю каждые 5 минут своих решений»¹.

Каким обманом звучат эти строки сегодня! Каждое слово в них оказалось ложью: и предал, и отступился, и решения свои изменил. Правда, не через 5 минут, а через 14 лет...

Тогда же эти слова были действительно искренними, шли от чистого сердца. И завершалось письмо: «Да, ты для меня — лучше всех женщин, это так, несмотря ни на что. Желаю тебе бодрости и твердости и озарений. Горячо целую тебя, твой Санчик»².

Бодрости, твердости и озарений он желал в ответ на настоящее: «...Найди в себе теперь достаточно мужества, чтобы полностью от него вырваться и полностью все с ним порвать»³. Это опять о Всеволоде Сергеевиче. А я жалела его, плакала вместе с ним, но не заколебалась...

Саня по поводу этой моей жалости однажды написал:

«Одним словом, смотри, — в литературе и даже в сказках есть много примеров как жалость, проявленная героем, его губила. Пусть жалость не превзойдет той меры, что *ты — моя жена*. Я доверяю тебе чутье этой меры»⁴.

Он все доверял мне, а сам не предпринимал никаких действий. Он правильно считал, что раз я сама начала другую жизнь — сама и должна с ней покончить:

«Итак, дорогая моя, с моей стороны не будет тебе ни измены, ни реальной помощи — если вынесешь на своих плечах все это — вынеси, и с будущего года мы — наве-

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 30 октября 1956 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Солженицын — Н.А. Решетовской, 4 ноября 1956 г.

гда вместе. Твое испытание, начавшееся 26-июня — продолжается»¹.

И я выдерживала это испытание. Я сама написала отцу Всеволода Сергеевича о том, что произошло. Напомнила ему, как он предостерегал сына, узнав, что мой муж в заключении: «Когда он выйдет, еще неизвестно, кто из вас двоих окажется лучше...» Писала, что Всеволоду Сергеевичу необходима сейчас моральная поддержка родных. Винулась, но написала, что все решено бесповоротно...

Всеволод Сергеевич, естественно, искал утешения, помощи. Кроме Лидочки, которая, жалея его, но понимала тщетность его надежд, Всеволод Сергеевич обращался еще и к Марии Павловне с мужем. Не стыдясь своих мужских слез, просил их повлиять на меня, остановить. — «Ведь он украл у нее столько лет жизни! Мария Константиновна (моя мама. — *Н.Р.*) не уверена, что Наташа будет счастлива с ним. А я все, решительно все сделаю для нее, для ее счастья. А тот не сделает этого, не даст ей его...»

И Мария Павловна в самом деле решила поговорить со мной, но убедилась, что я ничего не способна слышать и слушать, что я вся — там, с «Исаичем» у Матрены Васильевны. Не отвечая ей, я говорила лишь о нем. Окончательно поняв бесполезность своих усилий, она вынуждена была сказать Всеволоду Сергеевичу прямо и откровенно: «Она уже не Ваша жена, и не будет Вашей».

Тем временем от моего Сани почти неделю не было писем. Начало ноября он провел в Москве, не до писем было. Зато был его десятиминутный телефонный звонок. О желании мне позвонить он написал еще 27 октября. (Четвертый день шел тогда после нашего расставания, а

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 30 октября 1956 г.

Саня уже хотел не только мне писать, но и слышать мой голос:

«Когда же тебе позвонить? Напиши точней, как и откуда это сделать. Могу сходить на телеграф — но какое время? Утром примерно часиков в восемь, 8-го ноября? У меня уже будут все московские впечатления в итоге, это интереснее всего. По вечерам же у меня все свидания и развлечения (не с девицами!)»¹

Телефонный разговор не возымел того эффекта, на который рассчитывал Саня. И 4-го ноября из столицы он так написал об этом:

«Дорогая моя, моя любимая!

Вот почему не люблю телефонных разговоров на время — все эти десять минут висит над тобой, как топор, опасность того, что время истекает. Все-таки в письме насколько больше простора и точности выражения»².

Письмо коротенькое, поспешное, но и в нем частичка Саниной теплоты: «Еще раз заверяю, что сохранил к тебе все то же празднично-восторженное отношение, очень соскучился по тебе, буду очень тебя ждать. (...) Горячо-горячо целую мою единственную и навек мою»³.

На следующий день, 5-го ноября, Саня как бы заново переписывает отправленное вчера письмо, которое «...было написано в дикой спешке, когда дела давили мне на мозги — и вышло сухим, невыразительным, ничем оно тебя не порадует. Мне же хочется всегда доставлять тебе радость, и чтобы радость эта никогда не исчерпывалась»⁴.

Мне приятно было читать, что Саня метался по Москве и ощущал какую-то неполноту. На ослепительных

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 27 октября 1956 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 4 ноября 1956 г.

³ Там же.

⁴ Солженицын — Н.А. Решетовской, 5 ноября 1956 г.

улицах столицы ему остро хотелось быть со мной, ощущать мою руку в своей и обмениваться каждой возникающей мыслью. «Любовь моя! Вот прошло уже 2 недели после нашего расставания, но родник радости — той радости, что у меня теперь есть ты — неиссякаемо бьет и бьет»¹.

Я же все праздники занималась распределением книг и переносом их с квартиры на квартиру. Накануне праздников приезжал Сережа. Он еще ничего не знал о нашем с Всеволодом Сергеевичем разрыве, потому приехал прямо к нам с мамой в Касимовский переулок. У меня с ним состоялся долгий и серьезный разговор, как со взрослым. Конечно, он был расстроен и в то же время поражен, что существуют такие чувства, которые способны сокрушать все. Даже сказал, что хотел бы увидеть этого человека, ради которого такое делается. Он и не подозревал, что уже однажды видел его. Видел у Лиды Ежерец. Александр Исаевич заглянул тогда буквально на минутку, поздоровался, отдал какую-то книжку и поспешил дальше. «Это математик», — пояснила Лида Сереже после ухода гостя. «А нельзя ли мне с ним по математике позаниматься?» Лиде ничего не оставалось, как многозначительно улыбнуться на этот вопрос мальчика.

Сережа переночевал у нас и на следующий день возвратился в Москву, куда уехал на праздничные дни к своему брату Всеволод Сергеевич и Бореньку с собой забрал. С Сережей мы поцеловались на прощанье — в последний раз. Это повторится только через 24 года...

После праздников мы с Всеволодом Сергеевичем окончательно разделили наше незатейливое добро, т.е. перевезли на его квартиру те его вещи, что еще оставались у меня. И за Боренькой приехали, увезли его снова в Суджу к бабушке с дедушкой.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 5 ноября 1956 г.

Санин наказ «ты должна иметь мужество выйти победительницей из всего этого грязного месива» — я выполнила. Все было кончено. Мое положение облегчило то, что наш с Всеволодом Сергеевичем брак не был зарегистрирован. Да и квартиры мы не успели соединить.

В этой суете, и от сознания, что Саня в Москве, я написала ему всего одно письмо и отправила заказным. «В Мильцеве же с новой силой захлестнет меня тоска по тебе» — написал он из Москвы. И вот возвратился в Мильцево, а в почтовом ящике — пусто.

«Ненаглядная моя девочка!

Как я по тебе соскучился, Джемсик! Когда же я смогу тебя снова обнять? Уходит жизнь, уходит — а Джемсика моего нет!!.. Но не посчитай, что я жалуясь. Месяц назад я еще свободно мог жить один, а сейчас я уже так переплетен с тобой, что не мыслю жизни без тебя! Ехал домой и думал, что здесь уже меня ждет письмо (разбаловала ты меня) — а ничего нет ни 9-го, ни 10-го»¹.

Саня вкратце повторяет мне свои московские впечатления и делает главный вывод из поездки:

«..У каждого из друзей, как бы близко он ни был — своя жизнь, и никого нет для меня ближе моей любящей чудной необыкновенной женушки»².

Сообщает и о реакции московских друзей на наше воссоединение:

«Все меня поздравляют с твоим возвращением — и я чувствую себя действительно переродившимся и безмерно богатым от того, что у меня есть такое сокровище. Еще нашли все, что я стал выглядеть еще лучше и свежей, чем летом. Если это так (я не нахожу этого) — то это, конечно, твое влияние — и вообще, и те три дня в частности...»³

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 11 ноября 1956 г.

² Там же.

³ Там же.

Саня обсуждает предстоящую встречу Нового года. Но наша с ним встреча должна произойти раньше. Планируется она на начало декабря:

«В этот раз и привези кольцо, 2-е декабря тоже хорошая дата, чтобы надеть его на твой пальчик»¹.

Он торопит официальное оформление нашего нового счастья. Но и тут надо ждать:

«Когда мне до нетерпимости хочется тебя поцеловать — я целую твое платье, погружаю в него лицо, и просто трепещу от того, как я тебя люблю! Изверг ты мой! Что ты со мной сделала?»²

А по поводу моего долгого молчания умоляет:

«Джемулик! Как хочешь, но пиши мне не реже двух раз в неделю. Я не могу так долго без твоих писем. Сегодня уже 8 дней после телефонного разговора — а я ничего о тебе не знаю. (...)»

Иду в школу. Ждал почты, почта прошла, а письма от тебя нет.

Почему же на праздниках не написала, родная?»³

Все это написано 11 ноября. Саня еще не знает об окончательном завершении моей истории с Всеволодом Сергеевичем. Он пишет:

«...Но скажи мне, — В. С. ни одной ночи с тех пор не ночует в вашей квартире? Я бы этого не вынес»⁴.

Мое письмо с сообщением о том, что я выдержала испытание, Саш получит завтра, 12-го. И в этот же день напишет мне:

«Гордость моя! — вот как впервые в жизни захотелось тебя назвать. Я горжусь твоим новым характером.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 11 ноября 1956 г.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

(...) Как стремительно в тебе расцветают все качества, которые мне всегда хотело видеть в жене. ...Счастьем иметь тебя женой — нет пределов, я всем существом ощущаю это. Дал бы только Бог, чтобы болезнь не вырвала меня из этой прекрасной занимающейся зари... Может быть, всю жизнь мы жили и все пути прошли — для этих самых лет? (...) Я люблю тебя преданно и без остатка. (...) Я восхищаюсь всеми твоими новыми качествами»¹.

Многие из знакомых не одобряли мой поступок. Однако люди, близко знавшие меня, относились иначе. Так, увидев меня в начале декабря, близкий друг мой Сусанна Лазаревна Красносельская, написала моей маме:

«...Дорогая Мария Константиновна, до сих пор у нас в памяти ее похудевшее, помолодевшее, почти девичье лицо и с выражением светлого бескорыстия, лишенное всякой будничной озабоченности. И мы хорошо понимаем, что увидели чувства, настолько редкие по своей силе и глубине, что пытаться на них надевать обычные мерки нельзя. Конечно, очень жаль милого В.С. и Борю, и Сережу, больше всех мне жаль Вас, но ведь и ее (Наташу) надо пожалеть. Ведь не без борьбы и страданий ей досталось ее решение!.. Думаю, что Ваше большое материнское сердце все это уже обняло и приняло»².

Как раз в это же наше декабрьское свидание, Саня тоже написал письмо маме, доказывая неизбежность происшедшего, стараясь утешить и успокоить ее относительно будущего:

«Дорогая Мария Константиновна! (...) По рассказам Наташи я составил представление о том, как нелегко Вам

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 12 ноября 1956 г.

² Красносельская С.Л. — моей маме, из письма от 15 декабря 1956 г.

переживать эту ломку, волнения и смятение. Но, М.К., хотя все мы этому сопротивлялись, в том числе и Наташа, — оказалось, что это сильнее нас, — и, значит, иначе быть не могло. Наташа внесла в мою жизнь огромное счастье и вообще то, чего в ней не хватало эти годы»¹.

Остающийся учебный год мы больше были врозь, чем вместе. Однако счастье наших свиданий было таким концентрированным, таким насыщенным, что оно продолжалось и тогда, когда мы расставались. Возвращаясь от Сани или проводив его, я не переставала жить им.

Закрываясь по вечерам в маленькой комнате, печатала и печатала снимки (фотоаппарат не уставал запечатлевать все наши с ним встречи). Я заново встречалась с ним, заново переживала недавнее прошлое, когда в кювете с проявителем все отчетливее проступали изображения: то он, то я, то мы вместе, то места, по которым бродили вдвоем. Печатала я все это разных размеров: от маленьких карточек 6х9 (мы оба их любили — легче размещались в альбомах) до крупных портретов и видов. Причем, Саня то и дело поощрял меня: «Твои лучшие видовые снимки посылаю Андреичу², то есть величайшему их знатоку. Надо же похвастаться, какая у меня жена»³.

Садясь к роялю, я готовила к Саниному приезду вещи, которые ему хотелось услышать в моем исполнении. Писала музыку к его стихотворению «Ты вышла замуж». Когда он сочинял его, то и ощущал, как романс, и основная мелодия звучала в нем — ее-то я и постаралась воспроизвести с несложным сопровождением левой руки.

---

¹ Солженицын — моей маме, из письма от 4 декабря 1956 г.

² Андреич — Н.А. Семенов — прототип инженера Потапова в романе «В круге первом».

³ Солженицын — Н.А. Решетовской, 17 марта 1957 г.

Связь между нами ощущалась еще больше, когда я получала от мужа окрыляющие письма:

«Ни с кем бы и никогда у меня не могло бы быть такой любви, как с тобой! Какое счастье, что оба мы нашли возможным твое возвращение ко мне. Я даже не могу охватить такого блаженства — видеться с тобой не урывками, — а жить годами неразлучно! (...) Забыл тебя спросить — было ли у тебя в Гусе¹ это ощущение гордости входить всюду вместе со мной? Нам понравился Гусь так потому, что мы туда прибыли *впервые вдвоем*»².

Или:

«Никогда не строй даже отдельных предположений, что моя любовь к тебе могла ослабеть — ей суждено пережить даже меня самого, да и тебя тоже»³.

«С большой теплотой думаю о тебе, мысленно с тобой разговариваю и с ужасом думаю, что была бы моя жизнь, если бы ты ко мне не вернулась этой осенью...»⁴

А когда у меня закрались сомнения в его будущей верности, он писал мне:

«...Ты не будешь «всю жизнь расплачиваться», а я не буду считать, «что мне все дозволено» — откуда ты это нагородила? Так не есть и так не будет, успокойся, (...) никаких «прав на измену» я не числю за собой даже теперь»⁵.

И уже в апреле:

«Как я счастлив, что ты ко мне вернулась»⁶.

---

¹ В декабрьскую встречу Саня проводил меня не в Окатово, а в Гусь-Хрустальный, куда мы присзжали по узкоколейке, и где он посадил меня на поезд Владимир — Тума.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 10 декабря 1956 г.

³ Солженицын — Н.А. Решетовской, 24 декабря 1956 г.

⁴ Солженицын — Н.А. Решетовской, 13 января 1957 г.

⁵ Солженицын — Н.А. Решетовской, 17 января 1957 г.

⁶ Солженицын — Н.А. Решетовской, 6 апреля 1957 г.

«Захвати с собой кадр «мы на скамеечке». Это — одна из твоих лучших фотографий; сгущенная женственность, (...) так ты хороша — хочется послать, похвастаться»¹.

Этот снимок был сделан нами самими моим «Зорким-2», на котором был автоспуск; сделан в садике нашем на Касимовском, в конце марта, в солнечный весенний день. К сожалению, на Санино лицо упали солнечные блики. Снимок мы назвали — «Вторая весна». Это было уже во второй приезд Сани в Рязань, на весенние школьные каникулы.

А первый раз он приехал в Рязань перед Новым годом, 30 декабря 56 г. 31-го, не смущаясь лютым морозом, мы бродили с ним по городу (Саня приехал в теплом на меху полушубке и в ондатровой шапке, привезенными из ссылки). Но нашей целью была не только прогулка к рязанскому Кремлю, Собору, набережной реки Трубеж (на Саню рязанская старина произвела очень сильное впечатление), мы еще собирались в этот день вторично, заново оформить свой брак, для чего и зашли в рязанский городской загс. Однако желание наше удовлетворено не было: препятствие состояло в том, что у Сани в паспорте не было отметки о разводе... со мной же!²

Так, еще незаконными, но счастливыми супругами, встретили мы втроем (с мамой) Новый Год. Через несколько дней мы съездили вместе с Саней в Москву, побывали у некоторых его и моих друзей. Зашли и в московский городской суд, где в архиве нашлась предназначенная для него справка о разводе³.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовой, 16 апреля 1957 г.

² В том же самом загсе, что на ул. Ленина, против Дома офицеров, через 13 лет, 27.10.70 г. откажутся принять от нас заявление о добровольном расторжении брака.

³ Спустя месяц, когда в паспорте А.И. уже был поставлен штамп о разводе со мной, мы зарегистрировались 2 февраля 1957 г. в Мезиновском поселковом совете Курловского района Владимирской области.

Спустя несколько дней я получила от Сани письмо:

«Я как-то очень свыкся с тобой за эти 10 дней и ощущаю тебя уже не как любовницу, а как жену и друга. Ты мне стала необходима повседневно»¹.

Окончив прием экзаменов в зимнюю сессию, я взяла две недели в счет летнего отпуска и провела их у Сани. После нашего воссоединения это было самое длительное наше совместное пребывание. Стояла настоящая белоснежная зима с морозами. Спали мы с Саней на широкой русской печи. По вечерам, когда он бывал в школе, я многие часы взахлеб читала его произведения.

Саня поручил мне подобрать в старых модных журналах фасоны платьев для женщин-героинь «Шарашки»: для Дотнары, Динэры, Симочки...

В свое время получила от Сани письмо:

«Вчера много думал о женских вечерних платьях и оценил, что ты у меня — редчайшая прелесть»².

Я поняла, что, значит, накануне он описывал вечер у Макарыгиных. И рада была, что угодила ему. Ведь я совершенно искренне хотела стать для него «душечкой» — жить тем же, чем он жил. Еще в первое наше свидание он дал мне очень любимую им статью Л.Н. Толстого о «Душечке» Чехова, в которой Толстой писал, что Чехов, желая посмеяться над героиней, на самом деле воспел ее. Спросил, как я считаю. — Я ответила, что согласна с Толстым...

В то время работа над 1-й редакцией «Круга» шла к концу. Вот как Саня писал об этом друзьям своим Zubovым эзоповским языком:

«Недавно кончил читать Данте первый раз, но надо обязательно перечитать еще и еще для полной ясности»³.

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 12 января 1957 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 18 мая 1957 г.

³ Из письма Zubovым от 29 мая 1957 г.

Но в Ленинской библиотеке я просматривала не только модные журналы. Я еще и изучала болезнь своего мужа... То, что я прочла, глубоко меня расстроило. Да, он не преувеличивал, когда говорил, что ему осталось мало лет жизни. Максимальный зарегистрированный срок жизни человека с той болезнью, которой болен мой муж — восемь лет! С 53-го года... Значит, до 61-го... Самое большее — еще четыре года!.. Смогу ли я сказать ему о том, что прочла? — думала я, глотая слезы. — Ведь он так хочет жить!.. Так нужно то, что он делает!..

«...Очень тревожит болезнь. (...) Как страшно! Что будет? И какое горькое сознание, что своей болезнью я отравил тебе всю жизнь. Милая, милая! Мало радости ты со мной увидишь!.. Ну, прости меня за нытье, не буду больше. Порывы нытья, наверно, неизбежны у всех, кого болезнь обрекла не на какую-то проблематическую смерть в 70 лет, а на смерть реальную и близкую»¹.

«Только бы болезнь не разрушила нашего так тяжело доставшегося счастья»².

Хорошо, что я не сразу увидела его после того, как все это прочла в Ленинке... Приехав в Рязань, поделилась с мамой. Теперь мы должны делать для него все, чтобы остаток жизни прошел для Сани как можно лучше, легче, как можно плодотворнее! Буду исполнять все его желания! Буду служить ему! Столько им пережито тяжелого... А я еще и виновата перед ним...

Из-за болезни Саня получил в середине февраля инвалидность 3-й группы. Но случилось так, что очень скоро он был очень раздосадован этим. 2 марта он получил

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 11 февраля 1957 г. (Архив Н.А. Решетовской).

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 24 февраля 1957 г.

извещение о реабилитации, которая состоялась еще 6 февраля. (Почти ровнехонько через 12 лет после ареста!). Инвалидность помешала ему полностью получить реабилитационные деньги. Срочно пришлось добиваться снятия инвалидности, чтобы не потерять больше! Доказывать, что здоров! Удалось. Инвалидность сняли. А несколько позже он узнает о том, что появилось новое и, кажется, весьма эффективное лекарство против его болезни. Вместо рентгенотерапии — химиотерапия! Но об этом — потом...

Зимой произошло и одно трагическое событие: нелепая неожиданная смерть Матрены Васильевны.¹ Саня переселился к ее золовке. Дом был лучше, чище; комната — отдельная, и все-таки он чувствовал себя там уже совсем не так, как у своей Матрены.

Мои попытки устроиться *не в Рязани* ничего не дали. Единственная реальность была — Хабаровский пединститут. Но Сане так надоело жить не в средней полосе России! Однако, то, что в Рязани оставался жить мой бывший муж, смущало... Саня предложил мне пока не соединяться, подождать подходящего случая. Получив мое ответное письмо, написал мне:

«Я затаенно ждал твоего ответа на мое предложение жить порознь. Уже когда я отсылал то письмо — я считал свое предложение невысказанным. Но мне было очень важно, что ты напишешь. Мне было бы больно, если бы ты легко согласилась. Это подорвало бы мою веру в тебя, в твою любовь ко мне и в твое постоянство. Я облегченно вздохнул, когда все письмо твое оказалось единым выдохом протеста»².

---

¹ Подробно описана в рассказе «Матренин двор».

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 16 апреля 1957 г.

А уже ближе к концу учебного года:

«С нежностью думаю о скором приезде к тебе. Как надоело жить у чужих людей и чувствовать себя бездомной собакой»¹.

Когда Саня приезжал к нам в Рязань на весенние школьные каникулы, он уже перевез частично свои вещи. Приехав во все зимнем, с чемоданом, саком и вещмешком, он уехал налегке, в купленном нами ему темно-синем демисезонном пальто. (Зиму за этот период от 24 марта до 1 апреля сменила весна). Мы уже начали с ним обзаводиться кое-чем: купили проигрыватель «Тайгу», магнитофонную приставку к нему, и с тех пор начали собирать пластинки любимых наших композиторов.

Наконец, прощай Торфопродукт! Прощай Мильцево! Прощай изуродованная хата Матрены!

«Приняв 10 и 11-го экзамены, а 12-го отправив багаж, могу: или 1) еще 2-3 дня подождать отпускных (...) или 2) уехать в ночь на 13-ое (...), в обоих случаях — насовсем! Больше не расстанемся!»²

Он уехал в ночь на 13-е июня! И дальше неделю мы жили в Москве, в семье моего дяди В.К. Туркина,³ бывшего мужа тети Верони и отца Вероники.

В эти дни мы добывали билеты на теплоход, чтобы совершить маленькое водное путешествие, побывали в Коломенском, в Хамовниках у Толстого, сделали кое-какие закупки. Самой важной среди них была покупка в ГУМе пишущей машинки «Москва-4». В самом деле, теперь пришло время подумать о перепечатке на машинке готовых произведений А.И., которые пока что были в

---

¹ Солженицын — Н.А. Решетовской, 24 мая 1957 г.

² Солженицын — Н.А. Решетовской, 8 июня 1957 г.

³ То, что А.И. наблюдал в семье В.К. Туркина, дало ему материал для его пьесы «Свеча на ветру».

настоящем смысле слова — рукописями. Теперь он будет жить в своей семье, в доме преподавателей института и то, что у нас появится машинка, будет воспринято вполне естественно! О том, чтоб отдавать кому-либо печатать его вещи, не могло быть и речи! Надо учиться печатать самому! А я немного уже умею со времени Московского университета...

Когда 21 июня мы отплыли из Москвы на стареньком теплоходе «Лев Толстой», то были очень горды, что с нами вместе в уютной каюте 2 класса находился синенький ящичек, скрывающий такую драгоценность!

Если бы не радио, которое мы слышали, находясь в каюте, то сбоку, то снизу, то с кормы, путешествие наше по каналу Москва — Волга, по Волге и Оке, из Москвы в Рязань, было бы превосходным.

Отплыли в хмурую погоду, но потом стояли хорошие мягкие дни, хотя солнце нас и не очень баловало.

Саня на теплоходе много писал (дорабатывал «Круг») или читал, чаще всего сидя за столом у окна нашей каюты и одновременно любясь разнообразием медленно проплывающих перед ним картин.

В сплошь застекленном салоне стояло хорошее пианино. Я много играла на нем, в перерыве между вещами смотрела то влево, то вправо на уходящие берега. Саня иногда был здесь же, не отрываясь при этом от своих занятий.

Заснято было много пленок. Тут же, в каюте, проявляли их. Как-то уютней было плыть по Оке, чем по Волге. Особенно понравились нам Елатьма, места около Касимова, Щербатовка, Починки...¹ На остановках мы выходили, осматривали города, их достопримечательности.

---

¹ А.И. потянет съездить туда на велосипеде в августе 1959 года.

В Горьком у нас произошла первая размолвка. В свое время, когда я неделю прожила в этом городе перед устройством в Рязани, мне нравилось, как там готовят пельмени (и вообще, это было одно из моих любимых блюд). Вот и предложила я своему мужу пойти в пельменную, где нам пришлось долго дожидаться пока нас обслужат. Всякое ожидание уже тогда вызывало у него досаду из-за бессмысленного растрачивания времени. (Он и впредь будет признавать столовые и кафе лишь с самообслуживанием!) Саня стал корить меня, что я его сюда привела. Я не смогла сдержаться — крупные слезы закапали из глаз. Не помню, дождались ли мы пельменей или так и ушли, их не отведав, но только потом я уже старалась с такими просьбами к мужу не обращаться.

27 июня, поздно вечером (теплоход наш опоздал) мы прибыли в Рязань, где нас встретила мама, которая к нашему приезду успела сделать много приобретений для налаживания нашего быта. Нас ждали: новая кровать, холодильник, стиральная машина.

Начался период мирной, счастливой, уединенной жизни втроем, — «тихое житье», как назвал мой муж этот отрезок своей, нашей с ним жизни...

Решетовская Наталья Алексеевна
В КРУГЕ ВТОРОМ
ОТКРОВЕНИЯ ПЕРВОЙ ЖЕНЫ СОЛЖЕНИЦЫНА

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 929-93-02, 733-97-89
Оптовая торговля: Центр политической книги — 733-97-89
«Столица-Сервис» — 375-32-11, 375-24-33, 375-36-73
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41

Подписано в печать 21.03.2006
Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 13,44+1,68 вкл.
Доп. тираж 3 000 экз. Зак. № 2726.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300800, г. Тула, пр. Ленина, 109 .

Н.А. Решетовская

Наталья Алексеевна Решетовская (1919–2003) – первая жена лауреата Нобелевской премии А.И. Солженицына, автор шести мемуарных книг о своем муже и трагичном XX столетии. Именно она была не только первой избранницей мастера, но и его истинной музой. За 25 лет тихой семейной жизни со своей Джеммочкой (как ласково называл Александр Исаевич любимую супругу) им были созданы все его знаменитые произведения, которые принесли ему всемирную славу. Всю свою жизнь Н.А. Решетовская была и самым страстным защитником писателя, и его самым взыскательным критиком, о чем свидетельствует их драматичная переписка.

Издание предназначено как для поклонников творчества А.И. Солженицына, так и для широкого круга любителей мемуарной литературы. Книга богато проиллюстрирована уникальными фотографиями, хранящимися в личном архиве Н.А. Решетовской, многие из которых публикуются впервые.

В кругу втором. Откровения первой жены Солже(24)

Одеса
Будина, 33
(0482) 32-17-97

12236
28.05.2008

1004349

Цена:
30.70 грн

В кругу втором
Откровения первой жены Солженицына